ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

БАБУШКИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Советские люди с признательностью и благоговением вспоминают первых созидателей Коммунистической партии, среди которых наша благодарная память выдвигает любимого ученика В. И. Ленина, одного из первых рабочих — профессиональных революционеров, народного героя Ивана Васильевича Бабушкина, истории жизни которого посвящена настоящая книга.

- М. Новоселов
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14

М. Новоселов
Иван Васильевич Бабушкин

Предисловие

Великий вождь рабочего класса В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость изучения боевых традиций рабочего класса. Он осуждал тех, кто, как «Иван, не помнящий родства», не помнит и не ценит революционного прошлого нашего пролетариата, показавшего трудящимся всего мира великий пример мужественной и самоотверженной борьбы против угнетателей и эксплуататоров. Узнав о трагической гибели одного из своих первых учеников-рабочих, выдающегося профессионального революционера-большевика И. В. Бабушкина, В. И. Ленин предложил передовым рабочим собирать и присылать в нелегальную большевистскую «Рабочую газету» свои воспоминания о Бабушкине и о других революционных рабочих, павших в борьбе с самодержавием. В. И. Ленин предполагал использовать этот материал для издания специальной брошюры, посвященной биографиям рабочих-революционеров. «Такая брошюра, — писал В. И. Ленин в 1910 году, — будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему».

Немало в этом отношении уже сделано. В частности, изданы «Воспоминания» И. В. Бабушкина, биографические очерки и Мемуарные книги об этом выдающемся профессиональном революционере и о других рабочих-революционерах. Настала пора создать более обстоятельные документальные исследования и научно-художественные биографии виднейших профессиональных революционеров-большевиков, особенно из среды передовых рабочих.

История рабочего класса и его передовых представителей глубоко поучительна. Ее изучение является важной политической задачей, значение которой подчеркивал В. И. Ленин.

«Для сознательных рабочих, — писал В. И. Ленин, — нет важнее задачи, как задача познать движение своего класса, его сущность, его цели и задачи, его условия и практические формы».

Определяя задачи коммунистического воспитания молодежи, М. И. Калинин отмечал особенную необходимость для молодых рабочих изучать боевые традиции рабочего класса, тем более, что «этот класс является руководящим классом в советском обществе, что он дает тон всей нашей жизни».

Возглавляемый мудрой партией большевиков, рабочий класс России в союзе с трудящимся крестьянством сверг царский и

буржуазный строй и впервые в истории превратился из класса эксплуатируемого и угнетенного в господствующий класс.

Построив в нашей стране новое, социалистическое общество, рабочий класс СССР под руководством Коммунистической партии успешно осуществляет постепенный переход к коммунизму, указывая пролетариату всего мира верный путь борьбы и победы.

И. В. Сталин высоко оценивал передовую роль русского рабочего класса в международном революционном движении. «Весь мир признаёт теперь, — писал И. В. Сталин в 1930 году, — что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР, как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нём единственное своё отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

К числу славных имен русских революционеров можно присоединить имена многих выдающихся рабочих, строивших революционную пролетарскую партию, и в первую очередь имя Ивана Васильевича Бабушкина, любимого ученика и соратника великого Ленина.

В замечательном некрологе, посвященном И. В. Бабушкину, В. И. Ленин дал яркую биографию этого народного героя, высокую оценку его деятельности и его исторической роли. Сын русского рабочего класса, И. В. Бабушкин не случайно стал одним из первых профессиональных революционеров, создавших революционную партию нового типа — партию большевиков, ныне Коммунистическую партию Советского Союза. Бабушкин принадлежал к новому, революционному поколению, которое выступило на политическую арену в 90-х годах прошлого столетия, продолжая и развивая боевые демократические традиции двух предшествующих поколений — дворянских революционеров и демократов-разночинцев. Но новое поколение пролетарских революционеров не могло ограничиться и не

ограничилось революционно-демократическими задачами. Боевой демократизм рабочего класса был для него лишь ступенью к открытой политической борьбе за социализм.

На рубеже двух веков, когда жил и действовал ученик В. И. Ленина — Иван Васильевич Бабушкин, складывались социально-экономические отношения новой эпохи — эпохи империализма. Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. Но она в немногие десятилетия прошла те стадии, какие капитализм в Западной Европе проходил целые века. К началу 90-х годов в России утвердилось крупное фабрично-заводское производство с машинной техникой. В начале XX века усилилась концентрация производства, и впервые появились монополистические объединения в горнозаводской, нефтяной, каменноугольной и других отраслях промышленности. Начался процесс сращивания банковского капитала с промышленным. Возрос приток иностранных капиталов, стремившихся подчинить своему влиянию решающие отрасли промышленности — топливную и металлургическую. Западный империализм сблизился с русским царизмом, превратив его в свой резерв, в своего сторожевого пса на Востоке.

Царская Россия в начале XX века была страной военно-феодального империализма. Царизм стал средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат.

Классовые противоречия в России были острее и сильнее в этот период, чем в любой другой стране. Хотя реформа 1861 года отменила крепостное право, но она сохранила многочисленные остатки крепостничества, в том числе и крупное помещичье землевладение, сохранила и самодержавие как власть помещиков-дворян. Рабочие и крестьяне беспощадно эксплуатировались и угнетались капиталистами и помещиками, были лишены всяких политических прав. Царизм держал рабочие массы в темноте и невежестве.

В настоящей книге приводится много ярких фактов, иллюстрирующих вопиющую нужду и страшное бесправие рабочего класса России в конце XIX и начале XX века.

Произвол фабричной администрации и эксплуатация вызывали стихийное возмущение рабочих, которое выражалось в форме волнений, иногда сопровождавшихся разгромом фабричных лавок, контор, реже — производственных помещений.

Эти волнения показывали, насколько еще было неразвито сознание рабочих, которые ограничивались только экономической борьбой. Но в первых стихийных бунтах уже зарождались элементы классовой сознательности и революционного протеста. Рабочие все чаще пускали в ход

наиболее верное и сильное оружие пролетариата — стачку.

В. И. Ленин указывал, что, «вытекая из самой сущности капиталистического общества, стачки означают начало борьбы рабочего класса против этого устройства общества».

Стачка, как одна из форм классовой борьбы, была для рабочих масс школой войны с капиталистами, пробуждала классовое самосознание и содействовала организованности пролетариата.

Русский рабочий класс прошел различные ступени развития: от стихийных стачек до победоносного вооруженного восстания в октябре 1917 года и установления диктатуры пролетариата. Однако победа пролетариата не пришла сама собой — ее надо было организовать.

Чтобы совершить победоносную пролетарскую революцию, рабочий класс должен был иметь свою сплоченную боевую партию, вдохновляемую передовой теорией научным социализмом.

Вначале рабочее движение развивалось без влияния социалистической теории. Чтобы выступления пролетариата против своих эксплуататоров превратились в сознательную классовую борьбу, нужно было слить воедино социализм и рабочее движение. В. И. Ленин указывал: «Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата».

Маркс и Энгельс открыли законы общественного развития и показали, что в самом капиталистическом обществе создается сила, способная свергнуть эксплуататорский строй и создать новое, коммунистическое общество. Этой силой является пролетариат.

Русские революционеры 70-х годов (народники) считали теорию Маркса неприменимой к России и возлагали свои надежды не на пролетариат, а на крестьянство, в котором видели основную революционную силу. Только в 1883 году была создана первая русская марксистская организация — группа «Освобождение труда», руководимая Г. В. Плехановым.

Эта группа сыграла большую роль в распространении марксизма, но она не была связана практически с рабочим движением в России.

«Социал-демократия за десятилетие 1884–1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим

движением. Подобно еще не родившемуся, но уже развивающемуся в утробе матери младенцу, социал-демократия переживала, как писал Ленин, «процесс утробного развития».

К середине 90-х годов в России сложились условия для соединения социализма с рабочим движением, то-есть для создания и развития социал-демократической партии. Как указывал В. И. Ленин, «в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии».

После смерти Ф. Энгельса, друга и соратника К. Маркса, в социал-демократических партиях Западной Европы стало приобретать влияние оппортунистическое течение, стремившееся к соглашательству с капитализмом. Вожди II Интернационала, отказываясь от подготовки пролетарской революции, от диктатуры пролетариата, выдвигали на первый план парламентские формы борьбы и ставили перед рабочим движением задачи борьбы за отдельные экономические улучшения в рамках капиталистического строя.

Между тем опыт международного рабочего движения показывал, что в борьбе с капитализмом рабочий класс без настоящей революционной партии победить не может. В условиях перехода к империализму, когда крайне обострились все противоречия капитализма, особенно была необходима партия нового типа, партия боевая, достаточно смелая, чтобы повести пролетариат на борьбу за власть, достаточно опытная, гибкая, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки и повести пролетариат к его основной цели — социализму.

Создание такой партии могло иметь громадное международное значение. Но чтобы создать такую партию, надо было сначала воспитать кадры профессиональных революционеров из передовых рабочих. Одним из них был рабочий-революционер И. В. Бабушкин, ставший преданнейшим учеником и помощником В. И. Ленина в его борьбе за партию нового типа.

В. И. Ленин еще в начале 90-х годов указывал, что насущной задачей рабочего движения является создание марксистской революционной партии пролетариата. Он критиковал социал-демократический кружок студентов-технологов, к которому примкнул по приезде в Петербург, за его оторванность от рабочих масс, за неумение поставить, работу среди передовых рабочих. Осенью 1893 года и зимой 1893/94 года В. И. Ленин вел занятия в

рабочих кружках. Это давало ему возможность узнавать, насколько подготовлены передовые рабочие для руководства рабочим движением. В одном из этих кружков участвовал И. В. Бабушкин-, который с большой теплотой впоследствии вспоминал о своей первой встрече с великим учителем и занятиях в его кружке.

Осенью 1894 года, еще до организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин поставил перед петербургскими социал-демократами вопрос о переходе от пропаганды марксизма среди небольшого числа передовых рабочих К злободневной политической агитации в широких массах рабочего класса. В конце декабря этого же года был выпущен первый агитационный листок по поводу волнений на Семянниковском заводе. Листовки, в составлении и распространении которых И. В. Бабушкин принимал активное участие, имели большое значение для пробуждения классового самосознания рабочих, для повышения их организованности в борьбе против своих угнетателей.

С 1895 года агитационные листовки стали систематически распространяться «Союзом борьбы» на фабриках и заводах и пользовались большой популярностью среди рабочих. Агитационная работа, которую вел «Союз борьбы», не только повышала сознательность рабочих масс, развивала в них чувство понимания общности своих классовых интересов, но и практически осуществляла соединение социализма с рабочим движением. В книге М. Новоселова подробно и обстоятельно показано, как под руководством ленинского «Союза борьбы» росли сознательность пролетариата и организованность рабочего движения, как увеличивались кадры его руководителей из рабочих, среди которых И. В. Бабушкин занимал самое видное место.

Опыт деятельности «Союза борьбы» дал возможность социал-демократам поставить задачу объединения «разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!».

В 1898 году несколько «Союзов борьбы» сделали первую попытку создать социал-демократическую партию. Для этого был созван I съезд Российской социал-демократической рабочей партии. В. И. Ленин в это время находился в ссылке. Избранный на съезде Центральный Комитет был арестован. Фактически социал-демократическая партия не была создана, — идейный разброд, и кустарщина в местных организациях продолжались.

«Понадобилось несколько лет напряженной работы Ленина и организованной им газеты «Искра», чтобы преодолеть разброд,

побороть оппортунистические шатания и подготовить образование Российской социал-демократической рабочей партии».

Эту задачу выполнил В. И. Ленин в начале 900-х годов, после возвращения из ссылки. К этому времени были созданы значительные кадры профессиональных революционеров, которые успели уже приобрести большой опыт руководства рабочим движением.

Какое значение придавал В. И. Ленин подготовке профессиональных революционеров из среды передовых рабочих, видно из того, что почти во всех работах В. И. Ленина в 90-х и 900-х годах эта задача выдвигалась на первый план. Еще в гениальном труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин призывал социал-демократов направить всю свою деятельность на то, чтобы помочь рабочему классу вести политическую борьбу, организаторами которой должны были стать теоретически подготовленные руководители из среды рабочего класса.

В статье «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин ставил задачу создания прочной революционной организации среди фабрично-заводских рабочих, подчеркивая, что только при этом условии пролетариат может стать крупной политической силой. В обращении «К петербургским рабочим и социалистам от «Союза борьбы» В. И. Ленин давал практические советы, как нужно готовить и воспитывать организаторов рабочих кружков и групп, корреспондентов со всех фабрик и заводов и вообще профессиональных революционеров.

«Задача социал-демократии, — писал В. И. Ленин в статье «Наша ближайшая задача», — состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними превратить их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической партии за определенные политические и социалистические идеалы».

Подчеркивая, что готовых образцов для создания революционной партии в России русским социал-демократам искать негде, что русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское, В. И. Ленин в той же статье указал на необходимость «учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники»2, в то же время, вырабатывая самостоятельно принципы и формы революционной организации рабочего класса.

Критикуя русских оппортунистов-«экономистов» как «попятное направление в русской социал-демократии», В. И. Ленин считал одним из самых крупных их грехов то, что они

отказывались от борьбы за соединение социализма с рабочим движением, от выработки высшей формы социалистического рабочего движения — самостоятельной рабочей социал-демократической партии.

Особую роль в создании социал-демократической партии должны были сыграть именно передовые рабочие, как костяк революционной партии.

«История рабочего движения всех стран показывает, — писал В. И. Ленин, — что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории».

В России уже в 90-х годах рабочее движение получило широкое политическое значение благодаря участию в нем таких передовых рабочих, как И. В. Бабушкин. Эти передовики, за которыми шла рабочая масса, сумели приобрести ее доверие, возглавляя стачки и другие выступления пролетариата, мужественно и стойко защищая его интересы, показывая образцы преданности делу рабочего класса.

Передовые рабочие особенно сильно тянулись к знанию, К социалистической теории. В. И. Ленин отмечал, что среди них выделялись настоящие герои, которые, «несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию».

Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, русские и европейские оппортунисты отрицали значение революционной теории и ее мобилизующую и организующую роль. В. И. Ленин, видя перед собой примеры таких передовых рабочих-революционеров, как И. В. Бабушкин, разоблачал оппортунистов, стремившихся превратить марксизм в разновидность буржуазной идеологии и подчинить рабочее движение ее влиянию.

Разрабатывая план построения марксистской партии, В. И. Ленин особенное внимание обращал на необходимость создания организации профессиональных революционеров, теоретически хорошо подготовленных, имеющих политический опыт и организаторские способности.

Ленинская «Искра» и книга «Что делать?» сыграли решающую

роль в идейном разгроме «экономизма», в выработке идеологических основ марксистской партии, в воспитании кадров профессиональных революционеров, в создании партии рабочего класса. Противопоставляя кустарничеству «экономистов» организацию революционеров, В. И. Ленин с негодованием разоблачал клеветнические утверждения оппортунистов, будто бы рабочий класс не подготовлен для политической борьбы, будто бы ему недоступны политические задачи. Ссылаясь на тот факт, что еще в 70-х годах кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, были «доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова», В. И. Ленин указывал, что развернувшееся с тех пор массовое рабочее движение показало громадную революционную энергию пролетариата, его политический рост. «Вы хвастаетесь своей практичностью, — гневно писал В. И. Ленин, — а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будем подготовляться и подготовимся!»

Эта глубокая убежденность В. И. Ленина в успешной подготовке новых корифеев революционного дела из среды рабочего класса покоилась, несомненно, на его собственном опыте выдвижения и воспитания таких профессиональных революционеров, как И. В. Бабушкин, которые в 900-х годах были активнейшими агентами «Искры», горячими пропагандистами ленинских идей, энергичными и самоотверженными борцами за создание партии нового типа.

В работе «Что делать?» В. И. Ленин посвятил много страниц, страстно и убежденно написанных, вопросу организации рабочих-революционеров. «Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), — писал В. И. Ленин, — тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс».

И ленинское предвидение сбылось: сотни и тысячи рабочих-революционеров, прошедших школу ленинского воспитания, овладевших теорией марксизма-ленинизма, в тяжелейших условиях полицейского режима выросли в политических руководителей масс, создали с величайшим революционным

энтузиазмом марксистскую партию нового типа и повели рабочих и крестьян на борьбу за свержение царизма и капитализма, за победу социализма и коммунизма в нашей стране. Многие из этих рабочих-революционеров отдали свою жизнь за рабочее дело, как отдал ее и Иван Васильевич Бабушкин, ставший жертвой зверской расправы карателей с участниками декабрьского восстания в Сибири.

Жизнь И. В. Бабушкина, неразрывно связанная с ленинской партией, опровергала клевету меньшевиков и других врагов большевизма, утверждавших, будто бы большевистская партия создавалась и развивалась без участия рабочих.

Волнующие и проникновенные слова Ленина в некрологе «Иван Васильевич Бабушкин» исчерпывающе и глубоко оценивали подвиг этого народного героя-большевика.

В. И. Ленин писал: «И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую социал-демократическую партию. Без неустанной, геройски-упорной работы таких передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности таких передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла К 1905 г. в партию, которая неразрывно слилась с пролетариатом 8 великие октябрьские и декабрьские дни…»

Советские люди с признательностью и благоговением вспоминают первых созидателей Коммунистической партии, среди которых наша благодарная память выдвигает любимого ученика В. И. Ленина, одного из первых рабочих — профессиональных революционеров, народного героя Ивана Васильевича Бабушкина, истории жизни которого посвящена настоящая книга.

Академик А. Панкратова

Глава 1
Сын солевара

Беспредельны лесные просторы далекого Вологодского края. Полноводные реки прорезают неоглядные зеленые массивы векового хвойного леса.

Летом стройные стволы сосен кажутся выкованными из бронзы и меди. Поблескивают на солнце капельки смолы, выступающие в полуденный зной на золотистой коре. Зимой, в суровые морозы, лесные великаны мирно спят под тяжелыми мохнатыми шапками обильного искристого снега. Рек не видно, — в долгие февральские вьюги их русла почти сравнены с берегами и плотно укрыты пушистым, ослепительно белым ковром северной зимы. И тогда на закате неяркого солнца переливаются неисчислимыми отблесками не янтарные капельки смолы, а перламутровые и алмазные огоньки инея, разукрасившего низко склонившиеся под тяжестью снега ветви громадных сосен и елей.

Недра края таят в себе ценные ископаемые. По берегам Вели, Сухоны, Юга, Вычегды и других рек в большом количестве встречается белый известковый камень.

«Земля наша сверху неродимая, да зато вглуби богатая», — говаривали старожилы Вологодского края.

Еще в давние времена здесь развился соляной промысел. На сравнительно небольшой глубине залегают мощные соленосные пласты. О древности соляного промысла в этих местах свидетельствуют некоторые названия поселений. Например, в старину Усть-Сысольск называли Усолье, или, попросту, Соль. Юго-восточнее, близ Уральских гор, в пермских лесах город Соликамск также отражает в своем наименовании давний промысел первых русских новоселов. Местные жители не занимались соляным промыслом, источником их существования была охота. Русские поселенцы широко развили соляную добычу, и еще в половине XV века на берегах Камы и Вишеры задымились первые соляные, промыслы. В пределах Вологодского края регулярная добыча соли началась, как указывают старинные документы, в первой половине XVI века.

Целые столетия производились работы в черных варницах, то-есть в низеньких, приземистых сараях, где помещались огромные печи без труб, с вмазанными чренами — большими сковородами. На эти сковороды «работные люди» наливали рассол и следили за очисткой его от песка, глины и прочих

примесей. Едкий, удушливый дым, вырывающийся из печей, непроглядной пеленой наполняя варницу, осаждался на потолке, дверях, по краям чренов густой черной копотью и, выходя за пределы помещения, расползался по всему селению.

Вокруг варниц у реки Леденги со временем возникли постройки: довольно обширный «хозяйский дом да избы работные», скотный двор, мельница. Появилось небольшое «пашенное поле», обрабатываемое теми же «работными людьми».

Работая в черных варницах, люди слепли, умирали от «надрывного перханья горлом», а «кои нерадивы и урока сполна соляного не выполняли», подвергались наказанию розгами и кнутом.

В тяжком труде и в глубокой нищете жили «работные люди», в то время как доходы богатого купца Грудцына, которому были переданы казной Леденгские солеварни, росли с каждым годом.

В XVIII веке Леденгские солеварни снова перешли в казну: при Онежском казенном соляном управлении был открыт «завод солеваренный, что на речке Леденге, в Тотемском уезде». Правительство посылало на работу в солеварни ссыльных и принимало строгие меры для «охраны того соляного завода и хлебного при нем магазина». В селе Леденгском в избах-казармах постоянно проживала рота солдат. Многие солдаты были «приписаны к заводу» и тоже работали в варницах.

В Леденгском появились потомки жителей северных уездов, берегов студеного моря: Холмогоровы, Мезеновы; украинцев — Ивченко, Вернодубенко; казаков — Бабушкины; татар — Юнины, Шананины и т. д. Особенностью, в заселении Леденгского было то обстоятельство, что на «соляной государев промысел» в XVII–XVIII веках присылали уголовных преступников, а в XIX веке — политических ссыльных.

После реформы 1861 года по «Положению о горнозаводских людях» 8 марта 1861 года все приписанные к Леденгскому соляному заводу нижние чины и мастеровые были объявлены «свободными» и даже получили по семи десятин земли на хозяйство. «Милость» эта становится понятной, если вспомнить, что удобной для занятия сельским хозяйством пашни в этом наделе едва-едва набиралось две-три десятины, остальную землю занимали болота и кустарники.

«Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России», — так характеризовал В. И. Ленин крестьянскую реформу 1861 года.

«Освобожденные» государственные крестьяне, работавшие на соляных промыслах, попали в кабалу к купцу Первушину,

которому казна сдала Леденгский соляной завод в аренду. Этот пронырливый предприниматель обязался доставлять казне ежегодно не менее ста тысяч пудов соли «с оброчной платой по полкопейки с пуда вываренной соли». Купец усиленно расширял производство; к 1884 году выработка соли достигла двухсот тысяч пудов в год. На Леденгском соляном промысле действовало двенадцать варниц. Но все они были устроены по-черному — без выводных труб для дыма. И по-прежнему, каш и сотни лет назад, глухо стучали топоры в окрестных вековых лесах, к огромным печам варниц тянулись обозы с дровами, задыхались и слепли теперь уже не работные крепостные люди, а «освобожденные» Леденгские крестьяне, которых нужда загоняла в низенькие солеварни купца.

В 80-х годах у крестьян села Леденгского появился еще один промысел: молодежь занялась извозом, доставляя соль с завода в Тотьму, Вологду и даже к камским пристаням. Это общение с окружающим миром и влияние политических ссыльных не прошло бесследно: леденгский крестьянин заметно выделялся среди жителей ближайших селений бойким, независимым характером.

В 1881 году в Леденгском насчитывалось около тысячи пятисот жителей, подавляющее большинство которых все так же, как их деды и прадеды, работало на солеварне.

Трудно сказать, когда было тяжелее всего работать в этом дымном аду — летом или в суровые зимние морозы. Работали изо всех сил, по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки. Смотритель казенного Леденгского завода Устрецкий требовал от рабочего пуд соли за каждый выданный казной фунт хлеба. Летом, в период наибольшей выварки соли, управляющий Леденгским солеварнями приказывал увеличить добычу, и на соляной завод приходили дополнительные отряды рабочих: мужчины, женщины, подростки… В солеварных сараях становилось тесно. Пескари — рабочие, непосредственно занятые у чренов, соленосы, клейменщики, следившие за крепостью вываривaемого рассола, — все толпились вокруг пылающих печей. Но и зимой, когда, несмотря на беспрерывно горящие костры, по углам низеньких сараев, словно пятна соли, проступал иней, в солеварне работать было нелегко. Солевары выходили из строя, заболевая тяжелой формой воспаления легких, гнойным плевритом. Почти все рабочие глухо, затяжно кашляли, то и дело протирая воспаленные глаза обожженными пальцами, разъеденными крепким горячим рассолом. Трахома — обычное заболевание солеваров, заброшенных в лесную глушь. И таким же почти неизбежным следствием работ в черных варницах был

туберкулез легких: им болело почти три четверти леденгских рабочих.

Сотни лет богатейшие соленосные источники служили лишь средством наживы для купцов-предпринимателей. Хищнически, допотопными способами выпаривали купцы соленосные воды земли, губя не одну тысячу рабочих.

«Соленая каторга!» — это название Леденгских, Тотемских, Соликамских промыслов можно было услышать и в верховьях Волги, и за Камой, и на Печоре, и на Тотьме.

На этой «соленой каторге», в семье Василия Акинфиевича Бабушкина, бывшего государственного крестьянина, приписанного к казенному солеваренному заводу, 3 января 1873 года родился сын Ваня.

Скудный земельный надел не обеспечивал хоть сколько-нибудь сносного существования, и Василий Акинфиевич вместе с многими соседями-бедняками работал на солеваренном заводе.

Мать Вани, Екатерина Платоновна, билась как рыба об лед, стараясь хоть чем-нибудь помочь семье. Она усердно работала в своем огородике, проводила бессонные ночи зимой за веретеном, но все ее усилия не смягчали грозно наступавшей нищеты.

Василий Акинфиевич прошел крайне тяжелую, суровую жизнь рядового рабочего солеварни: мерз в лесу на подвозке дров к чренам, целые годы задыхался у этих же чренов, наблюдая за крепостью рассола, работал соленосом. За долгий рабочий день соленосу приходилось перетаскивать из варницы в амбары до четырехсот пудов соли.

Здоровье Василия Акинфиевича разрушалось с каждым годом. Он все чаще и чаще страдал припадками длительного, удушливого кашля. Глаза, разъедаемые дымом солеварни, слезились и краснели. Едкий привкус крепкого рассола неотступно преследовал больного. Соляные пятна виднелись повсюду: и на широкой дороге вдоль улицы села летом, после дождя, и на полу в домишке Бабушкиных.

Зиму и лето не отходил Бабушкин от чрена, на котором в дыму и копоти шипел и клокотал горячий рассол. Мучительно першило в горле, воспаленные глаза болели, но натруженные, растрескавшиеся руки привычно поворачивали шумовку — огромную ложку, которой солевар снимает пену и мешает соль, стараясь «не допустить подгару».

От тяжелой, изнурительной работы кружилась голова, нельзя было разогнуть спину, а обильный едкий пот нестерпимо раздражал измученное тело. Грудь ныла, с трудом переводил хриплое дыхание не старый, но уже сгорбленный, поседевший рабочий.

После работы, поминутно останавливаясь, с большим трудом добирался больной солевар до своего жилища и в изнеможении опускался на лавочку. Безотрадная картина рисовалась перед ним: покосившийся забор, почерневшая, давно требовавшая замены дранка на крыше… Словно яркие заплаты на старом, изношенном платье, белели две-три новые, свежевыстроганные тесины крыльца… Единственным утешением был маленький, старательно огороженный колышками ягодник, в котором виднелось десятка два кустов смородины и малины, да рябина, раскинувшая свои резные ярко-зеленые листья над кустами черной смородины.

Василий Акинфиевич иногда ходил с Ваней в лес, выкапывал густо разросшиеся по берегам речки кусты смородины, и это неприхотливое растение так же буйно, как и в родном лесу, разрасталось вокруг домика Бабушкиных.

Василий Акинфиевич и дома не знал отдыха: обычно он с лопатой в руках копался в своем огородике. Но иногда брал к себе на колени маленького Ваню и негромко, почти шепотом, боясь раскашляться, напевал старинные казачьи песни.

Этот напев впоследствии не раз всплывал в памяти Ивана Васильевича и в грохоте мастерской огромного столичного металлургического завода, и в екатеринославских степях, и в подмосковных рощах, и в верхоянских ледяных просторах у «полюса холода».

Здоровье Василия Акинфиевича резко ухудшалось. Целые ночи он проводил без сна, задыхаясь и кашляя. Но в сумерках раннего утра надо было снова и снова итти на работу. Смотритель Устрецкий не признавал никаких отступлений от правил… «Пока человек жив, он должен работать!.. — кричал хозяин соляных амбаров, размахивая связкой ключей, и неизменно добавлял; — Вот помрет — иное дело!»

И однажды, с трудом дойдя до порога своего низенького старого домика, Василий Акинфиевич упал. Жена с помощью соседа положила его на широкую лавку у маленького, подслеповатого окошка и побежала за реку к фельдшеру. Но помощь была уже не нужна: солевар лежал пластом, свесив почти до пола натруженные, с потрескавшейся и почерневшей кожей руки. Забившийся в угол Ваня молча смотрел, как все медленнее и медленнее поднималась грудь отца, как бледнее и строже становилось его лицо…

После смерти кормильца Бабушкиным стало жить совсем нечем. Екатерина Платоновна не могла воспитывать троих детей-малолеток: Николаю в год смерти Василия Акинфиевича было только девять лет, Ване — пять, а сестренке Маше — всего год.

Начались судорожные поиски работы, попытки спастись от голодной смерти.

…Зима в тот год стояла долгая и суровая. Уже в середине сентября ударили морозы, в октябре совсем по-зимнему бушевали по нескольку дней подряд свирепые вьюги, и волки по сугробам подбирались к самым окнам домишек в Заречье, где ютились рабочие соляного промысла.

Бабушкина берегла каждую горстку муки, тщательно смешанную с коричневатой пылью желудей и мякины. Но все же настал день, когда все возможности прокормить семью были исчерпаны. И тогда Николаю и Ване пришлось в суровые декабрьские морозы просить милостыню.

Выходили они из дому на рассвете, закутав распухшие от голода и холода ноги в обрывки толстых стеганых онучей. Обычно Николай шел впереди. За ним брел Ваня, засунув озябшие кулаки под заплатанные лохмотья ватной кацавейки.

Большие дворы леденгских богатеев были накрепко заперты, за дубовыми калитками рычали злые псы. С пустой котомкой братья направлялись в соседние селения. За целый день собирали две-три корки. Нередко ребята переходили по пояс в снегу через замерзшие озера. Эти озера виднелись еще издали; точно высокие пуховые белые шапки лежал снег, сметенный ветрами с холмов в низины пойм. Он сверкал ослепительно ярко. Лишь хорошенько присмотревшись, ребята различали снежные бугорки, где укрывались от сурового ночного мороза тетерева.

— Пойдем прямо на них!.. — просил Ваня старшего брата.

Но сторожкие птицы не подпускали их и на сотню шагов. Десятки крупных, откормившихся осенью тетеревов стремительно взлетали из-под снега, оглушительно хлопая крыльями.

Екатерина Платоновна кое-как пережила со своими малышами эту долгую студеную зиму: нередко по два-три дня подряд приходилось всем голодать. Стараясь найти какую-либо работу, она с трудом упросила смотрителя взять ее судомойкой. Работы было много, а заработок крайне мал.

Надежда хоть немного поддержать голодных детей не оправдалась, и тогда Бабушкина решилась на смелый по тому времени шаг, — задумала уехать в Петербург. Иного выхода не было: со страхом поглядывала Екатерина Платоновна на быстро расширявшееся сельское кладбище, — сколько уж новых маленьких могилок выросло неподалеку от леса…

Весной, лишь только по Сухоне пошли пароходы, Екатерина Платоновна, простившись с Ваней, с двумя детьми — Колей и Машей — отправилась в далекий путь. Перед отъездом она упросила своего брата, Ивана Платоновича, присмотреть за

малолетком. И Ваня перешел жить к своему дяде, на ямскую станцию.

Иван Платонович был простым ямщиком, жил бедно, но племянника он взял довольно охотно, думая приучить его к ямской езде и в дальнейшем сделать своим подручным. — В первое лето, так и быть, пообвыкни да приглядись, — сказал он Ване, — помогай по малости в хозяйстве, а потом и на облучок сядешь.

Наступило короткое, но по-своему щедрое и богатое северное лето. Ребята разыскивали и с торжеством носили домой первую съедобную траву «сныть», а затем щавель и дикий лук. Крапива, в изобилии покрывавшая своими ярко-зелеными побегами пустыри и старый двор соляного промысла, тоже служила немалым подспорьем. В лесах появились ранние грибы — сыроежки, а затем, когда заколосилась рожь, — первые белые грибы — колосники; на полянках закраснели ягоды душистой лесной земляники.

Хороши летние безветренные дни в этих северных лесных местах! День длится почти двадцать часов. «У нас заря с зарей сходится», — метко говорят вологодские и вятские крестьяне! Не успеют вечерние сумерки залить на западе полутьмой хмурые ели, как на востоке уже вновь все ярче и ярче разгорается золотая полоска — вестник такого же ясного и долгого летнего дня.

Ваня по целым дням бродил с соседом-охотником, зырянином, в чащах векового соснового бора неподалеку от Леденгского. Мальчик казался не по летам, возмужавшим и выносливым: уже в семи — восьмилетнем возрасте он легко проходил за долгий летний день десятка два верст.

Эти походы приучали мальчика к опасностям. Однажды в сильную грозу неподалеку от камня, за которым притаился Ваня со старым охотником, с треском упала сосна, сраженная молнией. Ваня закрыл глаза обеими руками, затаил дыхание… Его привел в себя негромкий, спокойный голос охотника:

— Не бойся. Она уже упала.

В другой раз Ваня едва не утонул в лесной речке. Спас его тот же охотник.

С каждым днем Ваня становился осторожнее и проворнее, приобретая навыки заправского охотника-лесовика.

Весной дядя приказал Ване покараулить скот богатея-мельника, которому на селе все кланялись в пояс и величали по имени-отчеству. Мельник держал в своих руках добрую половину села: кому по весне давал семян в долг, кого ссужал по осени деньгами на подать, присчитывая «божеские» проценты.

Сначала Ваня пас телят и жеребят, а с середины лета, когда

подросли выводки, его приставили к большому стаду гусей.

Работы все прибавлялось. Маленький подпасок, пригнав к концу дня, домой стадо, помогал возить хворост и дрова из лесу.

Осенними вечерами, когда усталая лошадь, тяжело поводя запотевшими боками, останавливалась у Параниной горы, Ваня любил всматриваться в расстилавшиеся, в синей вечерней дымке заречные леса.

Как врезанные в темно-зеленую раму хвойного леса, золотились жнивья. Ближние деревни — Федино, Митино — скрывались в лесу, тянувшемся на десятки верст по обеим сторонам Леденгского. Выше села, за полями, берега Леденги покрыты мелким кустарником, где обычно крестьяне пасли свой скот.

Парзнина гора возвышалась между двумя водоразделами речек, и осенью стаи перелетных птиц проплывали над головой мальчика, теряясь в бездонной синеве неба. Ваня мог по слуху определить, журавли, гуси или лебеди появлялись над селением. В осенней тишине замирали заунывные, зовущие куда-то вдаль клики пернатых путешественников.

* * *

Быстро надвигалась долгая и суровая северная зима. С ее наступлением село точно замирало. Ребята по целым неделям не выходили из занесенных снегом домишек.

В первый год пребывания у дяди Ваню отвели в земскую школу. Преподавал в ней больной старичок, учитель, которого часто заменял дьякон.

Обучение велось по старинке: ребята хором повторяли за учителем отдельные слоги, затем так же хором заучивали «божественные» слова и отрывки молитв. Главное внимание обращалось не на обучение чтению и письму, а на зазубривание всякого рода «священных текстов» и пояснений к молитвам. Да и как мог дьякон преподавать что-либо иное, если он сам путался при объяснении «многосложных чисел», а про деление откровенно сказал, что «сие действие» для него самого, «по многотрудности, не совсем понятно».

За две-три зимы ученики этой заброшенной школы с трудом могли читать церковнославянский шрифт, кое-как одолевали списывание с книг «гражданской печати», но самостоятельно не могли написать даже письма своим родным. И все же Ваня спозаранку вскакивал и с удовольствием торопился в школу, уже на ходу прожевывая обычный завтрак — картофель «в мундире» и

кусок хлеба.

Школа помещалась неподалеку от церкви, рядом с кладбищем, почти на самом выезде из села.

В синих предрассветных сумерках ребята пробирались по глубоким сугробам к неуютной, покосившейся школе. Шли вереницей по протоптанной узкой тропинке и из Кошелева — заречной части Леденгского — мимо старинных, почти сровнявшихся с землей укреплений и усадеб прежней «управительской конторы».

Проучившись зиму, Ваня осилил почти всю азбуку и мог уже, правда не все понимая, составлять слоги и даже целые слова. Учился он жадно. Книжка, в особенности с картинками, неотразимо привлекала мальчика. До поздних сумерек засиживался он с соседом-однолетком за книгой.

Однажды, увлекшись чтением во время пастьбы, Ваня присел на бугорок. Пастух, худой, подслеповатый дед Аким, строго-настрого наказал ему «смотреть в оба», чтоб телята не зашли на чужое поле. Мальчик вначале то и дело поднимал голову, отрываясь от книги, и взглядывал на мирно пасущийся, на общинном выгоне скот. Но через некоторое время он забыл и про телят и про деда Акима, целиком погрузившись в чтение.

Какая волшебная, чарующая сила заложена в увлекательной книжке! Стоит лишь открыть любую страницу, и мертвые строчки оживают, наполняются смелыми людьми, описаниями дальних стран…

Книжка, которую читал мальчик, была старинная, купленная расчетливым пономарем лет сорок назад у офени-коробейника за семитку или много-много за алтын. Рассказывалось в ней не совсем понятно о каких-то приключениях неведомых разбойников в Индии. Кто были эти разбойники, мальчик установить не мог, так как ни первых страниц с обложкой, ни конца в книжке не было. Многие странички крупной, похожей на славянскую вязь печати были сплошь захватаны грязными пальцами многочисленных усердных читателей, так что местами на полстраницы темнели жирные пятна. Но Ваню ничто не смущало: он сидел, целиком уйдя в неведомый, чудесный мир, вдруг так сразу и неожиданно открывшийся на страничках истрепанной, старой книжки.

Мальчик переплывал вместе с героями книги широкие реки, видел стройные индийские пагоды, стада слонов, важно шествовавших сквозь первобытные леса к водопою…

Изорванная, старенькая шапчонка давно валялась у босых, исцарапанных ног пастушонка, шаловливый ветер вволю играл его длинными, цвета спеющей ржи волосами. Ваня водил по

школьной привычке указательным пальцем правой руки по строчкам, а левой придерживал от порывов ветра растрепанные странички.

Резкая, жгучая боль внезапно заставила его бросить книжку и вскочить на ноги. Дед Аким, издали безуспешно кричавший Ване, незаметно подошел к нему, и удары пастушьего кнута обрушились на увлеченного чтением мальчика.

— Ты… ты что же это?.. — задыхаясь и кашляя, кричал старый пастух. — Где… где телята?.. Я тебя выучу!.. Вот тебе читанье, а вот и писанье!..

Дорого заплатил Ваня за свою любовь к чтению. Но и этот случай не отвадил его от книги. Наоборот, он еще сильнее увлекся чтением, стараясь лишь, чтобы строгий дед Аким не подошел исподтишка и вновь не отхлестал за «книжное баловство — пустое занятие». Ваня в два-три месяца перечитал несколько старых книжек, завалявшихся у пономаря, и с радостью думал, что следующей зимой он сможет не только читать любую книгу, но и научится «быстро писать», сам пошлет письмо матери и братишке с сестрой.

Снова настала зима. Однако Ване пришлось учиться недолго: дядя решил, что «мальчику пора к делу привыкать», и посадил племянника, как и обещал Екатерине Платоновне при расставанье, на облучок ямщицкой кибитки.

Вначале Ваня ездил еще без седоков, помогая дяде доставлять на подставу запасных лошадей. Подстава была в восемнадцати верстах от Леденгского, по дороге в город Тотьму, в селе Чурилове. Частые поездки и днем и ночью, зимой в пургу, осенью по размытым дорогам выработали в мальчике настойчивость, сообразительность, смелость. Впоследствии, в своих нередких путешествиях под видом разносчика «красного товара» по окрестным с Орехово-Зуево деревням и фабричным селениям, Иван Васильевич не раз вспоминал поездки из Леденгского в Чурилово, научившие его ориентироваться в лесу в любое время суток и в любую погоду.

В этих поездках Ваня познакомился со всеми видами работ леденгских крестьян на соляное управление.

Подвоз дров на солеварни был одной из самых тяжелых повинностей леденгских и окрестных крестьян. Управление солеварнями требовало почти с каждого двора подвоза определенного количества дров. С рассвета до позднего вечера надрывались возчики-крестьяне, стараясь из глухих лесных падей и урочищ вывезти заготовленные лесорубами дрова. Никаких приспособлений, облегчающих вывозку дров на более или менее сносную накатанную дорогу, в то время не было. Мускульная

сила мужика и парнишки-подростка, помогавшего отцу или старшему брату, да упорная выносливость приземистых и сильных вологодских лошадей преодолевали все препятствия. Как муравьи, бесконечными ленточками тянулись к Леденгскому из лесов сотни телег, тяжело нагруженных или коротким березовым «швырком», или дубовыми и сосновыми «длинниками».

Маленький ямщик, не раз проезжая глубокой осенью из Леденгского в Тотьму, видел, как возчики из последних сил, проклиная свою жизнь и все на свете, бьются по обочинам залитых дождями проселочных дорог.

Так же тяжело было работать и на лесосплаве. Купцы, арендовавшие у казны обширные лесные участки, предназначенные для вырубки, заключали с соляным управлением договоры о доставке дров с полой водой. Поэтому, как только проходил ледоход, и можно было сплавлять заготовленные зимой в верховьях лесных речек дрова, на десятки верст вокруг солеварен закипала работа. Дело решали буквально дни, — лесные ручьи и речушки, бурно игравшие полыми водами в самом начале весны, входили в берега, быстро мелели, и в случае малейшего промедления сплава тысячи плотов оказывались «посохлыми» на каменистых берегах.

Арендаторы-купцы и само управление солеварнями, также нанимавшее ранней весной ватаги лесосплавщиков, ставили рабочим непременное условие:

— Хоть потони, а плот вовремя пригони!..

Зимой широко практиковалась выдача авансов будущим сплавщикам леса и дров. Смотритель знал, у кого из окрестных крестьян не хватит семян для ярового посева, у кого пала от бескормицы лошадь, и услужливо предлагал «помощь»: давал ссуду зерном и деньгами, требуя с семьи одного-двух лесосплавщиков. Купцы пользовались безвыходным положением крестьянской бедноты, и кабальная система отработок применялась в широких размерах.

Отрабатывать купеческую и смотрительскую «помощь» приходилось в крайне тяжелых условиях. Лесосплавщики должны были перевязывать и поправлять плоты в ледяной весенней воде. Крутые повороты лесных речек, протекавших по каменистому руслу, требовали от всех рабочих, плывших на плоту, огромной физической силы, сноровки и выносливости. Смелость и сила требовались и от «выносных», направлявших движение плота, и в особенности от «конечных», с неимоверным напряжением пытавшихся выправить ход при помощи одного — двух огромных обрубков, заменявших руль.

Зачастую случалось, что или «длинник», или «швырок»

разбрасывало по всей речке. Тогда Ваня видел, как лесосплавщики бросались в ледяную воду и баграми ловили уплывавшие дрова. Были случаи, что некоторые из рабочих тонули, другие сильно простужались и, возвратившись со сплава в село, тяжело болели и умирали. У леденгских крестьян даже в поговорку вошло: «На сплаве остудился да на тот свет и переселился».

Когда кончался лесосплав, Ваня вновь и вновь проезжал по знакомым местам: от Леденгского до Чурилова, а затем и до Тотьмы. Перед маленьким ямщиком во всей красе и своеобразной, непередаваемой прелести зеленел могучий лес. Как серебро, там и сям звенели и поблескивали еще не совсем успокоившиеся после вешнего буйства ручьи и мелкие речки.

Мальчик любил выезжать из Леденгского, когда над Параниной горой еще висел серебристый туман, а заречные слободы Кошелево и Заречье тонули в утренних сумерках.

Отдохнувшие за ночь лошади быстро пробегали небольшое поле, отделявшее село от леса. За лесом начинались болота, то верховые, с белым, как вата, мхом, то низинные, с зелеными мхами. Редкие березки белели на фоне светло-зеленых мхов и осоки. К осени на верховых болотах каплями крови проступали пятна созревающей клюквы, и когда лес почти полностью ронял листву, эти болота казались окрашенными кармином. Непроезжими становились лесные дороги в осеннюю непогоду. Во время поездок Ване приходилось не раз ночевать в лесу. Он ставил лошадей под густой навес елей, а сам коротал долгую непогожую ночь в землянке смолокуров.

Доводилось ему слышать передававшиеся в той лесной стороне из рода в род предания о красавице девушке, глубоко-глубоко в недрах земли скрывшейся от преследований разбойников и плачущей горькими слезами о своей загубленной доле. Слезы ее выступают поверх земли солеными источниками, и люди мучаются, работая на солеварнях. Но придет время, когда разбойники будут изгнаны из лесов, и тогда слезы девушки превратятся в теплые, благодатные для людей лечебные ключи. Слышал он и протяжные старинные песни о «горе-злосчастье, что черной тучей над лесами угрюмыми сгустилося…».

С каждым годом Ване жилось все тяжелее. Характер его формировался в суровой трудовой жизни. Он не только видел, но и сам испытал на себе всю тяжесть полукрепостного труда.

Когда Ване исполнилось десять лет, в Леденгское вернулась за своим сыном Екатерина Платоновна. Она продала жалкую домашнюю утварь, обошла своих соседей, заглянула с Ваней на деревенское кладбище, заросшее густой травой и кустами бузины,

горько поплакала на могиле Василия Акинфиевича, прощаясь с дорогими местами.

Ранним утром Екатерина Платоновна вышла с Ваней за околицу села, подвязав покрепче за спиною берестяное лукошко с пожитками. По-прежнему покрыты густым иссиня-черным облаком длинные и низкие сараи солеварен. До самой земли поклонилась Бабушкина селу, в последний раз окинула взглядом видневшееся кладбище с могилой мужа и не спеша, тронулась в путь. Ваня шел рядом, держа мать за руку, и, как взрослый, постукивал по дорожной пыли белой березовой палочкой.

Путь был неблизкий. До почтового тракта шли пешком, затем Екатерина Платоновна упросила попутчиков подвезти ее с сыном до станции железной дороги.

…Через несколько дней поезд подходил к столице. Впереди, в туманной дали, виднелся город. Ваня широко раскрытыми глазами смотрел на бесконечные пригороды, высокие фабричные здания, широкие улицы.

Глава 2
«Проворная жизнь»

На другой же день, но приезде в столицу Екатерина Платоновна, по совету землячки, повела Ваню к хозяину зеленной лавки. Лавочник был из богатых, он держал ларьки почти на всех рынках столицы. Из своего склада лавочник рассылал мальчиков-подручных во все концы города: и к покупателям, «которые почище», и в ларьки на Сенную, и на Апраксин рынок.

Екатерина Платоновна кланялась, несмело упрашивая хозяина взять «хоть на первое время» Ваню «в ученье».

Лавочник сначала лишь молча качал головой: худощавый деревенский мальчик вряд ли справится с работой, которую выполняли шустрые ярославцы — подростки, умевшие «показать товар лицом», но под конец переговоров еще раз недоверчиво оглядел Ваню и не торопясь, четко и внушительно произнес:

— Ну, уж так и быть, попробую, возьму мальца. Только, чур, уговор дороже денег: что скажу — выполнять свято. Хлеб-соль — мои. Одежа — тоже моя. А ноги да проворство — твои. Сметка, чтоб покупателя не упустить, тоже твоя. На выучку не серчай: за битого двух небитых дают. Потрафишь — полтину в месяц положу для начала. Не потрафишь — палки не пожалею. Запомни сразу и навсегда: лежебоков не держу. — С коротким смешком он добавил: — У меня жизнь проворная! Слыхал, чай: волка ноги кормят?

Мать ушла, низко поклонившись «благодетелю». А Ваня сразу же пошел подметать большой двор, замусоренный перепрелой соломой, прокисшей капустой.

И началась для деревенского парнишки поистине «проворная жизнь»…

Первое время Ваня работал «по домашности»: помогал дворнику колоть и таскать дрова, убирать подвал с различными соленьями, связками сушеных грибов, кадками меда. На обширный двор то и дело въезжали подводы, привозившие лавочнику клюкву в широких плетенках-рогожках, ящики с яблоками, кадки с моченой брусникой, бочки с солеными огурцами.

— Эй, парнишка, подмогни!..

— Ванька, не зевай, влезай наверх да распаковывай попроворней!..

— Эй, вологодский леший, заснул, что ли?.. Подмогни живей!.. — то и дело слышались окрики хозяина, с раннего утра

до поздней ночи сновавшего с громадной связкой ключей то в амбар, то в ледник, то в лавку.

И Ваня старался везде и всюду помочь, подтащить, рассортировать, навести лоск.

Труднее всего доставалось ему именно это наведение лоска, на которое особенно обращал внимание хозяин. С наступлением жаркого времени овощи быстро увядали, теряли свежесть и цвет. Поэтому лавочник старался сбыть покупателям редиску, цветную капусту, артишоки, шпинат как можно скорее. Он внушительно тыкал короткими толстыми пальцами то в самое лицо покорно склонившегося Вани, то в связки моркови, редиски или сельдерея:

— Учись, учись по-городскому жить, леший!.. Сбрызни как следует цветную капусту да разложи ее в корзине покрасивее… Видишь, как надо?.. Которая побелее да покрупнее — вверх, а помельче — вниз… Не всякую же штуку покупатель досматривать станет. А редиску оживи водой со льда, сбрызни поаккуратнее да тоже покрасивее уложи, чтоб зелень в глаза била, а красные бока сквозь кошелку издали виднелись!..

Затем следовали длинные наставления, как надо уговаривать покупателей, как клясться «на чем свет стоит» и даже бить себя кулаком в грудь, уверяя в «самолучшем виде» овощей, хотя бы в глубине корзины и была явно несвежая зелень.

— Чем больше да дотошнее уговариваешь барина, чем больше клянешься, тем скорее тому надоест: плюнет, да купит, чтоб отвязаться.

Приучив раскладывать и «объяснять» товар, хозяин начал посылать Ваню торговать вразнос. Обычный способ такой торговли — ходьба по квартирам покупателей.

Ваня вначале поражался проворству разносчиков мороженого, сельдей, овощей, ягод. Разносчики десятками выходили ранним утром из овощных складов, спеша на рынок или к постоянным покупателям. С необыкновенным искусством удерживали они на голове огромные корзины, нередко весившие более полутора пудов. Слегка придерживая ношу левой рукой и упершись в бок правой, стремительно взбирались разносчики по крутым узким лестницам на третий — пятый этаж, торговались и божились, проворно спускались вниз и, расторговавшись, вновь спешили к хозяину на склад, чтобы до обеда успеть распродать еще одну — две корзины.

Лавочник учил Ваню, как надо плотно и в то же время не помяв овощей, укладывать в корзину товар, как надо ходить, все время заботясь, чтоб «нога пружинила», а корпус и голова сохраняли устойчивое положение.

В особенности трудно было осенью, когда появлялись в продаже дорогие южные груши. Укладка фруктов в корзину и их перенос требовали большого уменья, огромной выносливости и значительной силы. Ваня выбивался из сил, стараясь на дворе хозяина ходить, не пошевелив головой, с корзиной, доверху наполненной спелыми фруктами.

Однажды он уронил корзину, споткнувшись на незаметный камешек во дворе, и немедля получил от хозяина обещанную «выучку».

Нелегко дался Ване первый год работы у лавочника. Хозяин кормил своего подручного скудно: кипяток и кусок зачерствелого хлеба утром перед уходом вразнос да щи-баланда и гречневая каша с прогорклым салом в обед; вечером, вернее почти ночью, так как зачастую Ваня ложился за полночь, спитой, жиденький чай с огрызком сахару и кусок полубелого ситного хлеба.

Ваня с трудом привыкал к своей «проворной жизни» и зорко присматривался к тому, как живут в соседних сапожных, портняжных, шапочных мастерских такие же, как он, подростки, ученики и подмастерья.

Жили они тоже впроголодь. Многоэтажные столичные дома, выходившие своими высокими каменными фасадами на улицу, блестевшие широкими зеркальными окнами магазинов, аптек, ресторанов, оказывались совсем иными, когда Ваня попадал в мастерские кустарей, ютившиеся на втором или третьем дворе в полуподвальных, сырых и темных помещениях. Здесь круглые сутки горели большие лампы, и десятки истомленных, худых, землисто-желтых детских лиц склонялись над верстаками, фуражечными манекенами или над гладильными досками. Хозяева кустарных мастерских выписывали целые партии учеников-подростков и заставляли их работать буквально от зари до зари.

Задавленные нуждой и голодом, деревенские бедняки искали выхода в отдаче своих детей в Петербург или Москву «на выучку». В конце XIX и даже в начале XX века в северо-восточных губерниях довольно широко был распространен обычай фактической продажи подростков из голодающих деревень в большие города «за прокорм». Ребят привозили в столицу из разных губерний: Ярославской, Тверской, Костромской, Вологодской, — везде находились «лишние рты». Повсюду крестьяне посылали своих детей «по кусочки».

В конце долгой голодной зимы в отдаленных деревнях появлялся юркий, проворный торгаш — ярославец, занимавшийся «спуливаньем» (набором) детей «на выучку». Этот предприимчивый, не стеснявшийся никакими средствами

вербовщик рассказывал самые фантастические вещи о «хорошей жизни в столице», обещая родителям обучить их детей в один-два года любому ремеслу.

Безысходная нужда заставляла крестьянскую бедноту скрепя сердце соглашаться на уговоры бойкого торгаша, и тот избирал целую партию — около десятка ребят восьми-десятилетнего возраста.

В Петербург вербовщик вез своих подручных в грязных вагонах товаро-пассажирских поездов, без билетов, договорившись об этом с кондукторами и контролерами, делавшими вид, что они не замечают запуганных, затиснутых под лавки «зайцев».

В столице вербовщик отдавал ребят в полную власть мелких кустарей-ремесленников, получая «с головы» по восемь-десять рублей.

Оторванные от семьи, они начинали свою «выучку» у хозяина.

В квартире набиралось десятка полтора ремесленников-кустарей мастерской и их учеников и подмастерьев. У низеньких окон, зачастую лишь на пол-аршина выходивших, на поверхность земли, сидели, как полагается, сам хозяин и хозяйка. Хозяин — закройщик, его жена — заготовщица, — им требовалось света больше всего. По правую руку хозяина — подмастерье, следящий за работой учеников, приютившихся в глубине комнаты на узких длинных нарах или попросту на корточках. Здесь же малолетние ребята хозяев, нередко люлька и нянька-девочка. Спали все вповалку, не раздеваясь и только в сильные морозы укрывались всяким тряпьем от сырости и холода подвального помещения.

Ваня наблюдал, в каких условиях живут и без устали работают его сверстники, привезенные в столицу за многие сотен верст. Работали они не меньше семнадцати — восемнадцати часов в сутки. В особенности трудно было мальчикам, служившим б трактирах: ребята буквально засыпали на ходу, так как трактиры, пивные и подобные им заведения открывались рано утром — часов в пять, а заканчивали торговлю около полуночи.

Не лучшей была доля и целой армии мальчишек-рассыльных, подручных овощных, зеленных, мелких бакалейных лавочек в районе Апраксина рынка, на Петербургской стороне, за Охтой. Ребят то и дело посылали почти через весь город со спешными заказами.

И в жару и в холод спешили мальчишки по бойким столичным улицам, — кто с громоздкой корзиной на голове, кто с объемистым тюком в руках, кто с тяжелым мешком за спиной. От постоянной беготни у мальчиков опухали ноги, ребята почти замертво падали от усталости.

Хозяева зорко следили за своими подручными и за малейшую провинность устраивали ребятам-ученикам «хвощение». Как пишет М. М. Пришвин, «при тесноте и постоянном раздражении вообще нужно считать в среднем, что мальчику не миновать хвощения раза три в день. В субботу на воскресенье работают больше, до часу ночи, после чего мальчик чистит хозяину сапоги и, получив за это две копейки на гулянье, кланяется в ноги и говорит: — Спасибо, дяденька».

Единственным развлечением для ребят в отсутствие хозяина были песни. Они живо напоминали несчастным подросткам родные поля и леса, далекую семью. Особенно любили ребята «жалостную», — так называлась старинная, утерявшая свое название песня о матери:

Не ко мне ли родна матушка идет?
Ты поди, поди, государыня моя,
Навести при большом горе меня,
Как я маюсь, во чужих людях живу.
Я чужому отцу-матери служу.
Не по плису, не по бархату хожу,
А хожу, хожу по лютому ножу.

По словам М. М. Пришвина, на памяти старого мастера, передавшего ему впечатления своего детства в кустарной артели, «погибло четверо: один мальчик бросился в решетки лестницы, один — в окно, двое удавились».

Кустари заставляли своих учеников работать не только в мастерской, но и «убираться по домашности», — делать все, что ни прикажут хозяева, вплоть до уборки снега со двора и подвоза воды на салазках.

Ваня видел, что не одному ему несладко живется у хозяина: в соседних домах, в подвальных этажах на вторых дворах, так же, как и он, мучались сотни подростков.

Иногда Ваню посылали с кем-нибудь из разносчиков селедок, битой дичи, маринованных грибов. Немало людей кормилось в столице торговлей вразнос, и немало оригинальных «ходячих лавочек» попадалось на улицах Петербурга: продавцы сбитня, портера, свежих ягод летом, копченых сигов зимой, книг, иконок и даже «.порошков от всех болезней». Ваня нередко ходил из-за Невы в центр города с «продавцом глаз» — старым разносчиком, у которого на груди и на спине поблескивали десятки очков всевозможных, фасонов и размеров. Заметив необыкновенное

оживление в центре города, старый продавец очков усмехался:

— Ишь, сколько фараонов — ив пуговицах и переодетых — на тротуары высыпало! Не иначе, как царский выезд ожидается!

Часто Ваня проходил с тяжелой ножей близ Зимнего дворца и не раз видел этот блестящий выезд: серых в яблоках лошадей еле сдерживал толстый кучер, снег искрился на темно-синей сетке саней. В них возвышался пребывавший в неподвижном величии грузный Александр III, сидя рядом с маленькой, похожей на куклу царицей, изредка кланявшейся вытянувшимся и застывшим от напряжения полицейским и военным.

И чем больше ходил Ваня по столице, тем больше его удивляло поражающее богатство немногих и ужасающая нищета остальных. Этот контраст становился, особенно заметен осенью, когда прекращались временные летние работы по разгрузке дров, переборке ягод и овощей. Тысячи безработных серыми тенями проходили под беспрерывно моросящим дождем по панелям улиц в тщетных поисках хоть какой-нибудь работы. На окраинах — на Петербургской стороне и у Невской заставы — Ваня, возвращаясь вечером с пустой корзиной, — видел в опустевших парках и скверах сгорбленные, судорожно жмущиеся друг к другу фигуры подростков, взрослых. Некоторые сидели на мокрых скамейках, другие лежали в ворохах опавших листьев до тех пор, шока пронзительный свисток сторожа или городового не сгонял их и отсюда.

Но и тому, кто жил «при деле», как Ваня у своего хозяина, было не сладко. Работы, в особенности с приближением праздников, становилось все больше. Хозяин то и дело «бушевал», упрекая своих подручных в мети и нерадивости.

Ваня работал изо всех сил. К концу четвертого года «проворной жизни» он заметил, что глаза его начали болеть, веки припухали, а в голове то и дело слышался раздражающий несмолкаемый шум. Вначале он думал, что это от угара, — иногда чуть ли не вся семья хозяина сильно угорала, так как лавочник сам следил за теплом и закрывал вьюшки, когда в печке еще мелькали синие огни. Но боль не прекращалась, и Ваня с трудом мог смотреть на яркий свет. Когда вечером он робко сказал об этом хозяину, тот пообещал его как следует «отчехвостить за выдумки».

С каждым месяцем болезнь усиливалась. Однажды утром маленький разносчик фруктов и овощей почувствовал себя очень плохо: тупая боль сдавила голову, в глазах то и дело сверкали золотистые и оранжевые искры…

Теряя последние силы, шел Ваня по шумным, переполненным праздной толпой улицах столицы. По обыкновению он старался

итти как можно ровнее, не качая головой и лишь слегка в такт ходу, размахивая правой рукой. На этот раз путь показался Ване еще более трудным и длинным. Ноги буквально подкашивались, и так хотелось хоть на минутку прислонить корзину к железной ограде, мимо которой он проходил! Но Ваня хорошо знал, как трудно будет двинуться дальше с давящей ношей на голове, сохраняя необходимое равновесие. Тяжело, прерывисто дыша, он упрямо шел вперед, мысленно отсчитывая новые и новые сотни шагов.

«Дойду до того большого крыльца… еще сделаю двести шагов…» — думал мальчик, стараясь отвлечься от все усиливавшейся боли в голове и глазах. Вот, наконец, и это крыльцо. Как нарочно, ступеньки широкие и пологие, так и манящие отдохнуть изнемогающего от тяжелой ноши маленького разносчика. И Ваня не выдержал: осторожно, не сгибая шеи, присел на ступеньку. Ох, какое же это счастье хоть на минутку почувствовать облегчение!

Счастье, однако, было совсем коротким.

— Эй ты, мальчонок! Чего расселся? Аи правил не знаешь? Не полагается сидеть здесь!.. — раздался грубый голос, и перед Ваней появился дворник с большой медной бляхой на белом фартуке. В руке он угрожающе держал метлу.

Ваня испуганно вздрогнул и чуть было не уронил с головы корзину. Опираясь левой рукой на гранитный выступ крыльца, он поддерживал корзину правой, стараясь при подъеме сохранить равновесие.

Дворник угрюмо смотрел на него и вдруг, отбросив метлу, участливо помог Ване встать, поддержав корзину.

— Эх, ты!.. — вымолвил он вслед, когда мальчик неуверенной походкой снова двинулся по тротуару. — Горемычный!..

Ваня осторожно шел по самому краю, держась правой стороны, чтобы меньше было встречных. Чем ближе подходил он к центру города, тем чаще ему приходилось останавливаться, менять шаг, давать дорогу встречным.

— Нет!.. Все же дойду, дойду!.. — прошептал Ваня, увидев уже недалеко широкую, встревоженную свежим ветром ленту Невы и контуры терявшегося в тумане моста.

«На мосту будет легче… ветерком обдует…» — ободрял он себя. Искоса, не поворачивая головы, всматривался Ваня в просторы реки.

На Неве кипела обычная трудовая жизнь: несколько яликов перевозили на другой берег обитателей Охты; небольшой буксирный пароход, казавшийся черным жучком на серебристой поверхности воды, тащил против течения двухъярусные баржи с

дровами.

Ваня шел по мосту медленно, стараясь дышать полной грудью. Внезапно в глазах вспыхнули огненные круги, и он с удивлением увидел, как золотисто-оранжевые апельсины веселой стайкой покатились в разные стороны.

— Эй, малый! Весь товар свой растерял!.. — раздался чей-то голос, послышался смех… и больше Ваня уж ничего не слышал.

* * *

Очнулся Ваня в незнакомом, просторном, светлом помещении. Глаза были закрыты марлевой повязкой. Мальчик коснулся рукой грубой, шершавой наволочки и, хотя из подушки торчали сломанные перья, с удовольствием улегся поудобнее, вытянувшись на кровати во весь рост. Так приятно было спокойно лежать, не ожидая ежеминутного грубого хозяйского окрика….

Было странно, что на рассвете не надо стремглав вскакивать и потом почти целый день ходить по городу с тяжелой корзиной..

Ваню положили в «больницу императорского общества призрения бедных», — такое громкое название носил приемный покой, куда обычно помещали больных, бедняков, не имевших возможности платить за свое леченье. Рабочие, получавшие ранение при аварии машины на заводе; грузчики, придавленные тяжелым кулем или тюком железа при разгрузке в порту парохода; плотники и каменщики с построек на Охте или Выборгской стороне — все попадали в это лечебное заведение.

Кормили в больнице плохо, не лучше, чем у хозяина зеленой лавки, но даже эта грубая пища (гороховая похлебка и гречневая каша с одним лишь запахом костного масла) казалась вкусной.

В палате, куда поместили Ваню, тянулся нескончаемый ряд кроватей. Через день больных обходил доктор. Он подолгу останавливался у койки мальчика, внимательно осматривая воспаленные, гноящиеся веки. Доктор был высокий плечистый старик в ослепительно белом халате, на котором особенно четко вырисовывалась большая черная борода.

— Д-да, мальчуган, неважны твои дела… — заметил он однажды. — Еще бы годик-другой такой работы — и прощай глаза! — Обернувшись к сопровождавшему его фельдшеру, он добавил: — Да и теперь следы болезни, видимо, останутся на всю жизнь.

Ваня не осмелился спросить доктора, что значили эти слова, и после его ухода сильно приуныл.

«А если, и впрямь, ослепну?.. Куда тогда?..» — думал он.

— Ничего, милачок, ничего! Ты не бойся: видеть будешь. Мало ли у нас таких же, вроде тебя, сирот безродных, глазами маются, да бог милостив! — не все же слепнут, — наивно утешала мальчика старая няня-санитарка, заметившая его подавленное настроение.

Доктор строго-настрого приказал больному соблюдать покой, не делать резких движений и не снимать без разрешения повязку с глаз. Ваня старательно выполнял все предписания врача, боясь потерять зрение. Еще в Леденгском наблюдал он горькую жизнь слепых нищих, с палочкой бродивших по селу. Целыми днями мальчик лежал неподвижно на спине, чутко прислушиваясь к долетавшим в палату отзвукам столичного города..

Екатерина Платоновна несколько раз навещала сына в больнице, приносила ему булку, молоко и подолгу просиживала у больничной койки.

Мать рассказывала Ване о его братишке и сестренке, о приезжавших из Леденгского на заработки односельчанах. В одно из посещений она сообщила сыну, что ищет ему новое место, поближе к Галерной гавани.

— Нет, мама, в мальчики я больше не пойду, — тихо, но твердо произнес Ваня. — Свези меня, как выпишусь из больницы, лучше в Кронштадт, к тетке, авось там какое-нибудь местечко найдется.

Лежать в больнице пришлось около полугода. Вышел из нее Ваня поздней осенью, когда заканчивалась навигация. Он торопил мать, прося отвезти его в Кронштадт. Накануне отъезда Ваня зашел за своим маленьким сундучком к хозяину зеленной лавки. Здесь все было по-прежнему: суетился у корзин с овощами какой-то веснушчатый мальчик, хозяин «разносил» кого-то из возчиков, уверяя, что его все обсчитывают и обкрадывают.

Увидев Ваню, лавочник хмуро вымолвил:

— Ну что, выздоровел? На-ко вот тебе, на дорогу, — он вынул из замшевого большого кошелька двугривенный, но, подумав, добавил еще новенький блестящий гривенник. — Поищи себе другое место. А мне, вишь, ребят проворных надо.

И Ваня, судорожно сжав в ладони обе монеты, опустив голову, пошел по проспектам столицы…

Глава 3
В городе-крепости

Небольшой, устаревшей конструкции пароходик, изо всех сил шлепая плицами по мутной, серо-зеленой воде залива, добрался до Старого Котлина, как нередко в те годы называли Кронштадт.

Бабушкины сошли с парохода последними. Екатерина Платоновна шагала молча: ей вспомнилось, как она приехала с Ваней в Петербург, как он мучился у хозяина… Что-то суждено ее сыну здесь, в этом суровом военном городе?

Ваня шел на окраину, где жила сестра Екатерины Платоновны, поминутно оглядывался и отставал от матери: его поражал особый отпечаток строгости и порядка, лежавший на всем облике города. То и дело строем проходили матросы под командой офицера, четко чеканя шаг. В порту дымили многочисленные корабли, обслуживавшие строительство, визжали лебедки и плохо смазанные блоки, шныряли маленькие пароходики, перевозившие рабочих. С шумом и скрипом работали у причалов приземистые, широкие землечерпалки. Сотни рабочих-землекопов казались издали муравьями, облепившими старый сосновый пень. На фоне залива четко рисовались мачты боевых судов, — почти вся балтийская эскадра стояла вблизи Кронштадта.

Еще будучи мальчиком зеленной лавки, Ваня слышал названия лучших кораблей Балтики и теперь, проходя по кронштадтским улицам, с любопытством читал на лихо заломленных бескозырках встречавшихся матросов: «Громобой», «Память Азова», «Андрей Первозванный».

Через полчаса Бабушкины добрались до квартиры «вдовы матроса первой статьи флотского экипажа» — сестры Екатерины Платоновны.

Мать начала поиски места для Вани, но он наотрез отказался итти опять в услужение к лавочнику или купцу. У тетки нашелся знакомый мастер в Кронштадтском порту, и она упросила его принять Ваню подручным в торпедные мастерские.

При Новом Адмиралтействе находились подсобные предприятия: лесопильный завод, водолазная, шлюпочная, такелажная и парусная мастерские. Но особенно развивалось Старое Адмиралтейство. Здесь быстро появлялись помещения для новых, более совершенных и грозных видов вооружения флота и могучей крепостной артиллерии: минная и торпедная мастерские, электромеханический завод, мастерская по

оборудованию динамомашин и другие.

Суровая дисциплина чувствовалась в распорядке и условиях работы торпедных мастерских. Мастер был полновластным хозяином своего подручного-ученика. Как бы ни было нелепо приказание мастера, ученик должен был бежать со всех ног, стараясь выполнить его возможно точнее и, главное, скорее. Мастера, сами прошедшие в своем детстве школу подзатыльников и колотушек, изощрялись во всякого рода «забавах» над своими безответными учениками.

Немало пинков и «лещей!», щедро отпущенных тяжелой рукой мастера, выпало и на долю Вани. Мастера и старшие подмастерья смеялись над его неуменьем «в один момент» подняться на руках на высокий подоконник за гаечным ключом, потешались над протяжным вологодским выговором, смеялись даже над припухлостью и краснотой век.

Ваня понимал, что ему надо хорошо освоить нелегкое, требующее большой аккуратности, терпения и точного глазомера ремесло слесаря. Тяжелая жизнь в Леденгском и едва ли не более тяжелая работа у лавочника в Петербурге открыли ему глаза на многое. Он видел, что и здесь, в торпедных мастерских, необходимо претерпеть «шутки» подмастерьев и в особенности старшого, который мог допустить к самостоятельной работе, а мог и оставить на целые годы просто в подручных.

Мастерские были обширные; почти каждый год к ним пристраивались новые и новые помещения: измерительно-контрольная станция, испытательная лаборатория. Повсюду, куда Ваня ни бросал взгляд, как змеи, скользили различных размеров приводные ремни., стояли токарные станки, над которыми склонялись десятки рабочих В несчастных случаях виновным всегда оказывался пострадавший, так как администрация объявляла, что ранение или увечье произошло по вине самого рабочего, не соблюдавшего висевших на стенах многочисленных инструкций.

Ване запомнился случай, когда такому же, как и он, ученику машина искалечила руку, и несчастный подросток с мертвенно-бледным лицом лежал в углу мастерской, дожидаясь вызванного мастером врача.

— Вольно же ему было руку совать, — равнодушно заметил старший мастер. — Здесь не богадельня, а мастерская, — с машиной шутки плохи.

Старшим у Вани был Михеев, хороший мастер, не один десяток лет проведший на заводе. Он не прочь был показать своему ученику особые приемы, которые необходимы квалифицированному слесарю. Михеев вскоре научил мальчика

не бояться поручаемой ему работы. Но зато тот же Михеев был неистощим на всякого рода «шутки»: он заставлял маленького ростом Ваню тянуться за «московским калачом», и когда ничего не подозревавший подросток старательно вытягивался на цыпочках, пытаясь достать с полки необходимый инструмент, мастер с хохотом больно схватывал его за уши:

— Вот она, Москва-то, где! Видал Москву?..

А затем показывал своему ученику, как надо правильно держать напильник.

Почти у каждого мастера были свои, выработанные многолетним опытом навыки быстрой и хорошей обработки деталей. Эти навыки мастера держали в строгом секрете и лишь иногда посвящали в свои тайны наиболее способных подручных. Замечая, что Бабушкин запоминает каждое указание, старается перенять малейшее движение, Михеев стал внимательнее присматриваться к его работе. Подросток понравился ему и тем, что соблюдал чистоту вокруг своего рабочего места, убирал в сторону льняные очесы, которыми обтирал верстак, и строго следил за числом сработанных за день деталей.

— Из этого парня знатный мастер выйдет! — говаривал Михеев.

Но как Ваня ни старался, он получал за свою работу всего двадцать копеек в день. Праздничные и воскресные дни не оплачивались, не оплачивались и «царские дни». Поэтому нередко все рабочие и ученики мастерской возмущались:

— Опять дневной заработок у меня царь целиком стащил! Завтра, слышь, царицыно рожденье празднуют!

А на пасху и рождество, когда мастерская не работала по три-пять дней, мастер с ядовитой усмешкой советовал ученикам «спать побольше, а есть поменьше». Кроме того, сильно донимали рабочих штрафы и всевозможные «добровольные пожертвования».

Жертвовать — ив довольно крупных размерах — заставляли рабочих по всяким поводам, подчас очень странным. То администрация объявляла о сборе пожертвований на икону ввиду приближающегося юбилея основания порта, то на торжественный молебен к очередному царскому дню, то даже на подарок французским морякам, посетившим Кронштадт в знак укрепления дружбы Франции с Россией. И кронштадтским рабочим приходилось отчислять часть своего скудного заработка и на подарки французам-гостям и на тисненные золотом ленты, прикрепленные к высокопарному адресу-приветствию.

Штрафы являлись настоящим бичом для рабочих и хорошей копилкой для администрации, получавшей четвертую часть всех штрафных сумм. Штрафовали решительно за все: и за «громкий

разговор», и за «небыстрый ответ мастеру», и даже за «невеселый вид»… В среднем ежемесячно высчитывали до двадцати пяти — тридцати процентов заработка.

Кроме того, каждый ученик должен был «подносить» угощение подмастерьям и мастеру. Около рубля у Вани ежемесячно уходило на этот освященный веками обычай, а зарабатывал он, как все его товарищ — ученик, очень мало. Лишь в редкие месяцы, когда шли срочные заказы военного ведомства или когда в календаре не оказывалось царских дней, а было лишь четыре воскресенья, заработок Вани несколько повышался. Иногда мастер не довольствовался полтинником или рублем, а изъявлял желание «погулять вволю» на квартире ученика. Ученики жили либо у родителей, либо снимали угол за рубль-полтора на окраине города.

Ваня не мог приглашать к себе мастера, так как первое время Екатерина Платоновна со всеми детьми жила у своей сестры в низенькой и; тесной комнатушке. Затем Бабушкина вышла замуж за кронштадтского рабочего-котельщика Матвея Фомвча Лепека. Но у отчима комнатка была тоже маленькая, и в ней ютилось пять человек.

Работая учеником торпедной мастерской, Ваня не получал от родных помощи, жил очень бедно и надеялся только на свои силы, на свой заработок.

Воя как описывал свою жизнь в городе-крепости сам Иван Васильевич:

«В нем-то, в этом Кронштадте, я впервые поступил на 15-м году на работу в торпедную мастерскую Кронштадтского порта и в течение трех лет зарабатывал по 20 коп. в день или 4 руб. 40 коп. — 5 руб. в месяц, на эти деньги я должен был содержать себя, не имея возможности получить ниоткуда помощи» Единственное развлечение для подростка проводящего целые дни в душных мастерских, — прогулка в воскресный день по городу.

Ваня любил стоять у высоких парапетов гранитной набережной. Вдали неясными очертаниями рисовался дымный громадный Петербург, а вокруг расстилался Финский залив, чаще всего покрытый мелкой свинцовой рябью, и лишь иногда, в чудесные июльские дни, отливавший бирюзою.

Подолгу Ваня простаивал у памятников — немых свидетелей мужества простых русских мореходов, открывших немало новых земель в северном и южном полушариях, выказавших лучшие человеческие качества: отвагу, самопожертвование для спасения товарища, выносливость и смелость. Он с любопытством осматривал открытый в 1886 году у главного фасада штурманского училища памятник знаменитому мореплавателю П.

К. Пахтусову. По окончании образования в Кронштадтском штурманском училище этот выдающийся моряк долгие годы плодотворно работал в труднейших арктических условиях, произвел описание берегов Печоры, составил планы берегов Новой Земли и острова, названного его именем.

Ваня несколько раз перечитывал на пьедестале скромную, горящую на солнце бронзовую надпись:

П. К. Пастухову.

Исследователю новой земли 1832 — 35 г.г.

Внимание Вани привлекал и поставленный в Летнем саду памятник морякам клипера «Опричник», погибшим в 1873 году во время жестокого шторма в Индийском океане: гранитная скала, переломленный якорь, канат, а сверху — флагшток с приспущенным флагом. Но особенно внимательно Ваня рассматривал скромный памятник у летнего помещения Морского собрания мичману А. А. Домашенко, утонувшему в 1827 году при спасении матроса клипера «Азов». Корабль был застигнут у берегов Сицилии сильным штормом, и с реи в бушующее море упал матрос. Домашенко бросился с кормы ему на помощь, но волны разъединили матроса и пытавшегося его спасти мичмана. Оба утонули… Моряки-балтийцы поставили памятник, увековечив геройский поступок молодого, только что начинавшего жизнь мичмана.

Часто Ваня проходил мимо арсенала, расположенного у Петровского парка. Стоящие у входа в арсенал старинные, еще петровских времен, пушки тускло поблескивал освещенные лучами заходящего солнца. Здесь же под небольшими портиками сверкали золотом и блестящей бахромой шведские и турецкие знамена, взятые русскими моряками в славных боях под Выборгом, Наварином, Чесмой. Низко склонялись они над целой группой трофейных пушек с золочеными инициалами короля Густава III. А в самом парке Ваня невольно останавливался перед высоким памятником Петру I. Выпрямившись, с мечом в руке, лицом к морю, словно на страже города-крепости, стоял основатель столицы. Издали виднелась надпись на постаменте:

ОБОРОНУ ФЛОТА И СЕГО МЕСТА ДЕРЖАТЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ СИЛЫ И ЖИВОТА, ЯКО НАИГЛАВНЕЙШЕЕ ДЕЛО.

Из указа Петра I 1720 г. Мая 10 дня.

Иногда на скамейке вблизи этого памятника Ваня заставал старого, сгорбленного годами и непогодой в кругосветных плаваниях матроса-балтийца. Старик прослужил почти полвека на парусных судах, был участником не одного морского боя. Не торопясь, словно вновь переживая прошедшую жизнь, рассказывал он молодым матросам и ученикам мастерских о

дальних странах, о Крымской войне, о защитных укреплениях Кронштадта, заставивших английского адмирала Непира отказаться от нападения на город-крепость. Ваня очень любил слушать рассказы старого балтийца. Но в городе с неласковым морским климатом короток осенний или зимний день, — быстро темнело, нередко не то моросил дождь, не то шел снег, и приходилось со вздохом сожаления вновь на целую неделю уходить в мастерские.

В иной год, обычно осенью, сурово-монотонная жизнь города оживлялась большими маневрами флота или посещением Кронштадта какой-либо иностранной эскадрой. Весь город приходил в движение, повсюду слышались разговоры о числе кораблей, количестве пушек на них, скорости хода.

Еще издали раздавались громовые перекаты орудийных салютов; иностранные корабли показывались на горизонте, и русские суда, расцвеченные флагами, шли им навстречу. К приветственным залпам кораблей присоединялись оглушительные удары крепостной артиллерии, и тогда казалось, что два великана — один в море, а другой на острове — бьют исполинскими молотами по громадной наковальне.

Вечерами кронштадтский рейд и весь небольшой город украшался иллюминацией, прихотливыми фейерверками. В ночной тьме кораблей не было видно, но тем ярче и рельефнее вырисовывались высокие мачты, трубы, корма, сплошь унизанные разноцветными фонариками и лампочками. В городе усердствовала полиция, заставляя домовладельцев, зажигать в каждом окне по пять свечей, а у ворот в баках и бочонках сооружать целые вулканы горящего дегтя и смолы. Перед этим, дня за два, полицейские рьяно очищали от безработных центральные улицы, и сотни землекопов, каменщиков, чернорабочих, не успевших еще найти себе пристанище и работу, ночевали на окраинах города под открытым небом.

Ваня все это видел и не знал, к кому обратиться за ответом на вопросы, невольно появлявшиеся у него при мысли о морских торжествах, иллюминациях и голодных, бездомных людях. В его мастерской большинство составляли такие же рабочие, всего лишь несколько месяцев приехавшие из отдаленных лесных углов северо-восточного захолустья. Эти люди отличались замкнутым характером, безропотностью, старались как можно лучше выполнять все приказания мастеров, боясь потерять с трудом найденное место. Они откладывали буквально копейки, чтобы хоть что-нибудь послать в деревню, где остались голодающие семьи.

Затем шли подмастерья, проработавшие в мастерских уже

несколько лет. Они держались более независимо, интересовались текущей жизнью, делились друг с другом своими впечатлениями о городских новостях, выходе эскадры на маневры, прибытии с «визитом дружбы» иностранных кораблей. Подмастерья чаще протестовали по поводу всевозможных штрафов и донимавших всех рабочих «добровольных пожертвований». Но стоило лишь мастеру хорошенько на них прикрикнуть, как они, ругаясь шепотом, расходились по своим местам и продолжали работать.

Среди рабочих мастерской находились и уже довольно пожилые люди — бывшие матросы, списанные с кораблей Балтийского флота за различного рода проступки, главным образом за неподчинение жесткому морскому уставу или попавшие на заметку начальства как неблагонадежные. Они немало повидали на своем веку, держались более независимо, чем подмастерья, и зачастую вели между собой задушевные беседы, к которым чутко прислушивался и юный ученик торпедной мастерской.

Эти разговоры обычно происходили в общей уборной, где можно было хоть на некоторое время скрыться от глаз мастеров. Рабочие делились новостями, рассказывали свои впечатления о проведенном воскресном отдыхе, подсчитывали по старому, замусоленному календарю, много ли в текущем месяце царских дней и прочих вынужденных праздников, примерно прикидывая заработок; говорили о новых заказах военного ведомства, которые, по слухам, должна была выполнить мастерская в ближайшее время. И не только новости текущего дня служили темой для бесед: рабочие в своем «клубе» затрагивали и более интересные вопросы.

«Говорили обо всем и даже о «государственных преступниках». Трудно передать, насколько интересны были эти разговоры, и как трудно было в то же время понять смысл этих разговоров, несмотря на то, что люди говорили очень интимно, не опасаясь ни шпионов, ни провокаторов, ни вообще доносов. Тут не было преступности против существующего строя, а были только одни смутные воспоминания, по слухам собранные сведения, часто извращенно понятые, и передавались они как нечто сверхнеобыкновенное, строго тайное, преступное, очень опасное и потому тем более интересное, сильно приковывающее внимание», — пишет в «Воспоминаниях» И. В. Бабушкин.

Рабочие вспоминали о своем товарище-слесаре из той же мастерской, где теперь проходил обучение Бабушкин. Этот слесарь любил читать и почти каждое воскресенье уходил за город. Там, на валу, уединившись от назойливых хозяйских соглядатаев, он читал какие-то особые, вероятно нелегальные,

газеты, а потом подолгу задушевно беседовал со своими друзьями. Рассказы о политических выступлениях на заводах и в особенности во флоте привлекали общее внимание и вызывали интерес рабочих мастерской.

В «клубе» чаще всего вел беседу пожилой рабочий— списанный с корабля матрос. Не спеша, покуривал он короткую глиняную трубочку, придавливая махорку-самосадку изжелта-черным, прокопченным ногтем. Его глуховатый, низкий басок рисовал перед слушателями подробности «охоты на царя» и жестоких ответных репрессий вконец напуганного правительства.

«Рассказчик, бывало, увлекался и говорил убедительно о каком-нибудь заговоре, подкопе, покушении, — писал И. В. Бабушкин, — причем упоминал фамилию кого-либо из казненных через повешение за городом. Не могу я теперь припомнить фамилии или лиц, про которых рассказывали, но впечатление всегда оставалось сильное. Вместе с этим оставалось непонятным: за что были казнены те люди и чего они добивались? При рассказах более понимающих и толковых людей можно было понять, что они (казненные) что-то читали, и читали тайно, читали преступное и что не были дурными людьми, а заступались за рабочих…»

С затаенным дыханием, слушая эти рассказы, Ваня ярко вспоминал «соленую каторгу», «проворную жизнь», беспросветное существование своих сверстников. Много мыслей теснилось в его мозгу.

«Что же это за люди, которые пошли на смерть, стараясь добиться лучшей доли для всего народа?» — напряженно думал Бабушкин.

Рабочие слушали рассказы-воспоминания, не прерывая говорившего, и лишь когда на минуту в «клубе» воцарялось молчание, раздавались пытливые многочисленные вопросы. И Ваня и его товарищи по мастерской увлекались этими беседами. Жадно, не пропуская ни одного слова, ни одной детали, слушали они рассказчика.

В соседнем помещении шумели сотни токарных станков, шуршали широкие приводные ремни, но рассказчик говорил вполголоса, то и дело оглядываясь по сторонам, чтобы оборвать свою речь на полуслове при появлении в дверях мастера или одного из его «ушей» — доносчиков. И от напряженного внимания у слушателей еще более захватывало дыхание, еще более обострялся слух.

Ване хотелось подробно побеседовать об услышанном. Обратиться к кому-нибудь он не решался. А прочитать… но в те годы Ваня почти совсем ничего не читал. На помощь ему еще не

пришли книги — эти могучие союзники, помогавшие многим молодым ищущим людям того времени выйти на широкую дорогу революционной борьбы за дело рабочего класса. Юноше приходилось читать книжки лубочных изданий, вроде «Битвы русских с кабардинцами», или старательно распространяемое начальством мастерских «душеспасительное» описание Афона. Не книги, а сама окружавшая его суровая действительность заставляла молодого слесаря глубоко задумываться и искать путь к лучшей жизни.

«Неужели так действительно «от века положено», — думал Ваня: — чтобы одни весь свой век работали, а другие только бы заставляли их работать еще больше? Ведь должна же быть на свете такая сила, которая положила бы конец горькой жизни!..»

На все эти вопросы он не находил пока ответа. Но беседы с рабочими, тесное общение с ними заставляли Ваню пытливо запоминать виденное, накапливать новые впечатления…

У Бабушкина постепенно стали пробуждаться иные запросы, начинало складываться новое отношение к жизни. Влияние рабочей среды формировало в молодом слесаре четкое классовое отношение к своим товарищам-рабочим, с одной стороны, и всевозможным представителям заводской администрации — с другой.

Ваня вспоминал свою деревенскую жизнь, условия работы подростков в кустарных мастерских столицы, и все сильнее ему хотелось поговорить с кем-нибудь «по душам», чтобы найти хоть какой-нибудь удовлетворительный ответ на вопросы, о которых он думал все чаще и чаще…

Ване удалось найти на окраине Кронштадта за недорогую плату маленький уголок в семье старого отставного матроса. Возвратившись, домой, Ваня нередко помогал своему старику хозяину осмолить лодку, починить пошатнувшийся забор, наколоть дров. Хотя ходить на работу было значительно дальше, но Ваню это не пугало: он мог, придя на квартиру, отдохнуть лучше, чем его товарищи в общежитии с казарменным распорядком. Года через два на квартиру к хозяину Вани перешел еще один жилец, старый слесарь, проработавший на столичных заводах много лет. Этот рабочий оказался атеистом, ненавидевшим попов, купцов и всяческие, канон выражался, «наросты на теле народа». Его сильно озлобили долгие годы тяжелого подневольного труда и лишений.

Надвигалась неумолимая старость — слабели ноги, притуплялось зрение, — жизнь была целиком отдана фабрикантам и заводчикам, а впереди, вместо заслуженного отдыха, ожидали безработица и смерть где-нибудь в трущобе.

Приходя в субботу домой, слесарь, не торопясь, закуривал и, произнеся обычную поговорку: «Какая бы ни была работа, а сегодня — суббота», ставил на маленький трехногий столик бутылку водки. Пригласив своего соседа по жилью «отдохнуть от недельки», он наливал в «морской» стакан водки, выпивал его залпом и сразу же начинал рассказывать Бабушкину все, что накипело у него на сердце.

Слесарь сам не знал, каким же способом можно улучшить тяжелую жизнь рабочего, хоть немного облегчить условия поистине каторжного труда, но зато он не скупился на воспоминания.

Каких только фактов, возмущающих душу молодого, еще мало знакомого с заводскими порядками человека, не передавал старый рабочий! Он подробно рассказывал Бабушкину о сложной и возмутительной системе штрафов по малейшему поводу, а чаще всего и безо всякого повода, широко практиковавшейся на заводах и фабриках столицы. Весь, трясясь от негодования и жалости к самому себе за бесцельно прожитую жизнь, он со злобой говорил о притеснениях, которые испытывали рабочие, в особенности о страданиях молодых работниц.

— Мы-то хоть иногда огрызнемся, кулак покажем… а они, бедные, что могут сделать?.. Плачут только да в Неве свое горе топят!.. — кричал слесарь и, помолчав, как бы окинув взглядом десятки загубленных на его глазах товарищей, добавлял: — Ну, подумай, рассуди сам, Ваня: разве можно так жить? Разве бог, если бы он был, допустил это?..

Инстинктивная, неоформленная злоба, душившая слесаря, приводила к совершенно ложным, но, с его точки зрения, правильным и допустимым мерам и способам борьбы с ненавидимым им миром эксплуатации и угнетения.

Однажды он обратился к своему молодому соседу с необычной просьбой — достать какого-нибудь сильнодействующего яда. И на недоуменный вопрос, зачем ему яд, слесарь заговорил взволнованно и страстно:

— А вот что: у меня в деревне жена и ребятишки, и дом есть, и вот я думаю поехать домой и хочу захватить с собой этого яду, чтобы отравить сначала всю скотину попа и деревенского кулака, а потом что-нибудь с ними самими сделать! Я тебе скажу, что попы самые вредные люди. Ты мне поверь: никакого бога нет, и все это выдумка, чтобы дурачить нашего брата. Мастерам нужно глотку резать на каждом шагу, а деревенских попов и кулаков — всячески изводить» а то они не дадут никакого житья нашему брату.

О многом заставляли думать Ваню эти откровенные речи. Он

понимал, что ядом вряд ли можно справиться с кулаками и попами в деревне, а в городе — с хозяевами — фабрикантами и их подручными-мастерами. Но такая горечь звучала в речах старого слесаря и так, страстно ненавидя, рассказывал он об обыденных случаях угнетения рабочих, что Ваня и сам невольно сочувственно относился к выводам слесаря.

Наконец Ване исполнилось восемнадцать лет, и, согласно существовавшим правилам, его перевели из учеников в мастеровые. Молодому слесарю, хорошо освоившему свое ремесло, стали поручать обработку сложных деталей и даже дали самостоятельное задание. Но платили немногим больше прежнего, ссылаясь на якобы существующий обычай «мастеровых из бывших учеников не очень баловать». Этот «обычай» был очень выгоден администрации, но заставлял слесарей искать себе места на других предприятиях Кронштадта и Петербурга, где было немало больших механических заводов и мастерских.

Ваня старался устроиться на один из петербургских заводов. В кронштадтских мастерских он теперь получал восемнадцать рублей в месяц, хотя выполнял туже самую работу, что и квалифицированные мастера, получавшие пятьдесят-шестьдесят рублей.

Его отчим, Лепек, посоветовал попытать счастья на Балтийском судостроительном заводе, где хороший слесарь зарабатывал до восьмидесяти рублей. Лепек дал Ване несколько адресов мастеров, от которых зависело принятие на завод новичка. Кроме того, надо было сдать «пробу», то-есть на глазах мастера тщательно обработать какую-нибудь довольно сложную деталь. Этой пробы Ваня не боялся: за годы ученичества в торпедной мастерской он приобрел хороший навык.

Несколько раз ездил Ваня из Кронштадта в Петербург, обращаясь то на Балтийский, то на Путиловский завод с предложением своих услуг. Наотрез ему нигде не отказывали, так как, по совету отчима, Ваня раза два угощал мастеров тех цехов, куда он просил принять его на работу. Через полгода он решился переехать в Петербург и на месте искать работу. Сборы были недолги: Ваня сходил проститься с матерью и отчимом, поблагодарил, как полагается, «за науку» своего старшого по мастерской и через день уже стоял на пристани с небольшим чемоданом, стареньким деревянным сундучком и тюком с постелью.

Екатерина Платоновна, за последние годы все чаще и чаще прихварывавшая, пришла провожать сына. Прощаясь, она замерла, крепко обняв его…

Пароход тронулся, вначале медленно, а затем, миновав

канал, пошел быстрее и быстрее. И вскоре перед юношей снова показались неясные очертания города, облака дыма, силуэты фабричных труб, заводских зданий.

Глава 4
Рабочий семяниковского завода

В 90-х годах промышленность России быстро развивалась. В самом конце XIX века число рабочих достигло 2 792 тысяч.

Подъем промышленности наблюдался повсюду: и в центральных районах страны, и на Урале, и на юге. В особенности заметен был рост крупных металлообрабатывающих предприятий в столице, а также в Донбассе и на Урале. Так, например, на юге России в 1887 году было всего лишь два крупных металлургических завода (Юза и Пастухова), а через десять-двенадцать лет возникло семнадцать новых больших чугуноплавильных заводов и еще двенадцать заводов строилось.

На Урале расширялись существующие чугунно и медеплавильные заводы, строились и вводились в действие новые домны, возникали при заводах новые крупные цехи.

Этот бурный расцвет промышленности был связан со значительным и быстрым развитием железнодорожной сети. Если в 90-х годах в среднем ежегодно прокладывалось около двух тысяч километров новых железнодорожных путей, то в последние годы этого периода (1898–1900) рельсовый путь был проложен на протяжении более двенадцати тысяч километров. Шло спешное строительство Великого Сибирского пути, дававшего выход заволжскому и сибирскому хлебу к прибалтийским и черноморским портам. Эта «весна капитализма», закончившаяся очень скоро известным кризисом промышленности в самом начале 900-х годов, требовала в 90-х годах прошлого века немало рабочих рук, прилива в крупные промышленные города новых и новых тысяч рабочих.

Петербург в середине 90-х годов XIX века был центром быстро развивающейся промышленности России. В столице сосредоточивались металлообрабатывающие, судостроительные, судоремонтные и другие заводы. Большое развитие получила и текстильная промышленность. В особенности чувствовался рост промышленности за городскими заставами, где на десятки километров тянулись однообразные фабрично-заводские здания, длинные бараки общежитий и различные подсобные, складские помещения.

Едва ли не самым густонаселенным, застроенным новыми фабриками и заводами был район за Невской заставой — Шлиссельбургский тракт, простиравшийся по левому берегу Невы километров на пятнадцать. Отовсюду поднимались густые клубы

дыма механических заводов, текстильных фабрик. Невский механический завод был расположен у заставы. Рабочие нередко называли этот завод Семянниковским — по фамилии одного из его владельцев.

За Семянниковским заводом более чем на полтора километра раскинулись производственные и подсобные помещения общества «Александро-Невской мануфактуры», возглавляемого миллионером немцем Палем. Рядом — корпуса бумагопрядильной и ткацкой фабрики Губбарта и К°, фактическим руководителем которой был ненавидимый рабочими за бесконечные притеснения и издевательства англичанин Максвель.

Поблизости расположились кирпичные здания Александровского сталелитейного завода и мастерские Николаевской железной дороги.

Большое место занимали вагоностроительные и ремонтные мастерские. И совсем уж в тумане от вечного дыма и копоти заводов виднелся фарфоровый завод.

На правом берегу Невы находились корпуса фабрики англичанина Торнтона и К° — «Товарищество шерстяных изделий», выпускавшей десятки тысяч метров сукна, различных тканей.

Весь длинный Шлиссельбургский тракт с его низенькими одноэтажными домишками в 90-х годах казался проходным двором, по которому круглые сутки то на дневную, то на ночную смену шли и шли тысячи рабочих.

Тяжелые условия работы, всевозможные притеснения со стороны мастеров и администрации заводов и фабрик уже давно вызывали глухое недовольство рабочих. То в одном, то в другом городе России вспыхивало открытое недовольство системой заработной платы, непомерными штрафами и прямым обсчитыванием рабочих. В середине 90-х годов рабочие все чаще и чаще стали прибегать к забастовкам. В фабрично-заводских районах столицы зрели новые, грозные силы.

* * *

По приезде в Петербург Бабушкин хотел поступить на Балтийский завод, один из крупнейших в столице. Но как ни старался молодой рабочий устроиться на этом заводе хотя бы подручным слесаря, ни один мастер не взял его в свою мастерскую.

Денег почти т было, и нельзя было ждать, когда, может, был,

на Балтийском заводе освободится местечко. Бабушкин решил попытать счастья на других заводах.

Расспрашивая возвращавшихся с работы слесарей, он узнал, что за Невской заставой требуются слесари на большой механический завод Семяжникова. Поступить туда оказалось тоже нелегко: надо было «угостить» мастера, да и еще кое-кого из конторы. Сохранилась запись табельщика в алфавитной книге завода: «Бабушкин Иван, крестьянин Вологодской губернии, Тотемского уезда, села Леденгского, поступил 16 июня 1891 года по рабочему № 323 в механическую мастерскую».

Бабушкина зачислили «в партию», то-есть на сдельную работу, поручаемую группе рабочих. Следовало выставить для всей партии «спрыски». Но денег для угощения такого количества людей у Бабушкина не было. Нарушать обычай не допускалось ни под каким видом.

— Хоть лопни, а спрыски чтоб были! — категорически предложил: новому слесарю механической мастерской старшой партии. Впрочем, он же подсказал Бабушкину взять под поручительство всех членов группы выпивку и закуску в долг, с тем чтобы из первых же получек погасить его.

Бабушкин согласился, и в первый день его работы на заводском дворе состоялись традиционные «спрыски».

Став полноправным членом группы, Бабушкин рьяно принялся за дело. За работу платили, поштучна, и поэтому приходилось трудиться изо всех сил, совершенно не считаясь со временем и думая лишь о том, как бы сосед не обогнал в обработке такой же детали. Рабочие получали; определенный процент на каждый заработанный всей партией рубль. Не состоявшие в партии этого процента, не получал. И фазу сказалась резкая разница в работе ученика — слесаря кронштадтских мастерских и слесаря — рабочего Семянниковского завода. В Кронштадте Бабушкин работал поденно и особенного утомления от работы не чувствовал. Здесь, же он повал словно в. ад.

«Совсем не то — пишет Бабушкин в «Воспоминаниях», — работа сдельная, поштучная: на этой работе человек себя не жалеет, от положительно забывает о своем здоровье, не заглядывает вперед своей жизни никогда не задумывается, как влияет работа на продолжительность его жизни.

Нет! Он гонит и гонит работу вперед, пот градом льется с него, и необтертая капля тяжело шлепается на его работу, вызывая; его неудовольствие и ругань, порывистое движение рукавом по лбу сейчас же следует за этим, и опять работа, работа спешна», торопливая, и все для того, чтобы получить, лишнюю

копейку процента на рубль».

Охраны труда, как и в кронштадтских мастерских, не существовало. Никто не заботился о здоровье рабочих, не запрещал работать буквально до истощения сил. Это был поистине капиталистический ад!

В среде рабочих не только Семянниковского и других заводов даже существовало ходячее выражение: «зарвался на работе». Если рабочий в результате непомерной спешки, усиленнейшего труда «на обгон» падал с прервавшимся дыханием, весь в лихорадочном поту, соседа его обычно говорили: «Зарвался».

Бабушкин, описывая подобного рода, потогонные порядки на своем заводе, отмечает:

«Еще хуже в партии, где каждый следит друг за другом.

Особенно трудно, когда нескольким рабочим дается для работы одинаковая вещь: тут уже всякий проявляет самую наивысшую, какая только возможна, степень интенсивности. При таких работах рабочие положительно зарывают свое здоровье. Постоянно попадаются один или два более ловких, которые гонят работу вперед остальных, другие, из сил выбиваясь, стараются не отстать и даже боятся пойти по естественным надобностям, дабы не упустить лишних минут, в которые их могут обогнать в работе».

Это нечеловеческое напряжение, этот изматывающий все силы труд длился по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки.

На Семянниковском заводе широко практиковались обязательные сверхурочные часы. Хотя официально рабочий день не должен был превышать двенадцати часов, но на деле почти не было дня, чтобы администрация не заставляла «гнать экстру», работать далеко за полночь.

Рабочий день считался с шести утра и длился, исключая перерыв на обед, до семи вечера, то-есть одиннадцать с половиной часов.

Гудок, извещавший об окончании трудового дня, в большинстве случаев звучал насмешкой: мастер под предлогом «спешной экстры» заставлял всю партию (восемнадцать человек) оставаться на сверхурочную работу.

Сколько здоровья у каждого отнимали эти ночные работы, трудно себе представить. Но дело было обставлено настолько хитро, что каждый убеждался во время получки, что, если он работал мало ночей или полночей, то и получал меньше того, который не пропускал ни одной сверхурочной работы».

Действительно, вся система заработной платы была построена в расчете на обязательное принуждение к ночным работам. Тот, кто по каким-либо причинам не участвовал в

«ночах» и «полночах», терял значительную часть заработка.

Но даже при желании отказаться от сверхурочных работ этого сделать было нельзя: табельщик еще до гудка относил мастеру номер рабочего партии, обязанной «гнать экстру». Без номера выйти из ворот невозможно, а мастер разрешения на уход со сверхурочной работы никогда не давал, угрозами и руганью заставляя оставаться на ночь или полночь.

Если же рабочий отказывался особенно упорно или, по заявлению мастера, был непочтителен, то за подобного рода поведение администрация нередко увольняла строптивого.

В один из вечеров Бабушкин спешил закончить отделку хомута для эксцентрика паровоза. Он работал у своих слесарных тисков, стоя на ящике, навалившись всем корпусом на восемнадцатидюймовый напильник.

Два его соседа-слесаря трудились над отделкой таких же хомутов.

«…Мы старались во всю мочь, засучивши по локоть рукава рубашки и снявши не только блузы, но и жилеты, — пишет Иван Васильевич. — Пот выступал на всем теле, и капли одна за другой шлепались и на верстак и на пол, не вызывая ничьего внимания». Некогда было не только передохнуть, но и просто поднять голову, смахнуть заливавший глаза пот.

Кое-кто искоса поглядывал вглубь мастерской, не подаст ли мастер условного знака о прекращении работы, — в субботний вечер рабочий день заканчивался на десять — пятнадцать минут раньше заводского гудка. Но никакого движения, обычной суматохи, предвещавшей конец напряженного труда, еще не было. И вдруг Бабушкин услышал замечание нового слесаря из соседней партии:

— Будет стараться-то, все равно всей работы не переделаешь!..

Эти слова как нельзя более соответствовали настроению Ивана Васильевича.

Бабушкин выпрямился и прежде всего бросил взгляд в сторону мастера и его ближайших помощников: он не раз уже на горьком опыте убеждался, что «забегалки», как называли на заводе соглядатаев администрации, передадут мастеру малейшее подозрительное слово. «Забегалок» поблизости не было, и между молодыми слесарями-смежниками произошел короткий, но имевший большое значение для Бабушкина разговор.

— Оно правда, но мы на пару работаем, и потому я не желаю итти в хвосте других, — ответил Иван Васильевич.

— Завтра воскресенье, как ваша партия — будет работать или нет? — продолжал новый товарищ Бабушкина, Илья Федорович

Костин.

Бабушкин ответил, что завтра его партия не работает.

— Что же ты делаешь в свободное время дома? — настойчиво продолжал расспрашивать Костин.

Иван Васильевич обычно с нетерпением ждал воскресенья: в этот день можно было хоть немного отдохнуть, поспав до полудня или даже дольше. Вечер быстро проходил в прогулке по городу или попросту в вялом, скучном ничегонеделании, а там опять ранним утром надо спешить по гудку на тяжелую, выматывающую все силы работу, работу без отдыха и передышки.

— Да ничего особенного. Вот устраиваем скоро вечеринку с танцами… — начал было Бабушкин нерешительно, но сосед его перебил:

— А у тебя книги какие-нибудь есть? Ты читаешь ли что-нибудь?

Иван Васильевич совсем смутился. У него, правда, было около десятка книг, но он почти не касался их. Бабушкин положил книги у себя в комнатке как украшение скромной, бедной обстановки жилища. Он охотно предложил Костину зайти посмотреть книги. Но Костин сам пригласил Ивана Васильевича к себе в ближайшее воскресенье.

Бабушкин обрадовался: до сих пор у него почти не было хороших знакомых, к которым можно было бы пойти побеседовать и повеселиться в редкие часы, свободные от заводской работы.

С завода оба слесаря шли вместе. Костин указал Ивану Васильевичу дом, в котором жил, и еще раз попросил его обязательно заглянуть к нему. Бабушкин расстался с ним дружески.

На следующий день, около часу дня, он уже подходил к квартире своего нового, понравившегося ему товарища. В небольшой квадратной комнате, кроме хозяина, сидели еще его брат и один из слесарей той партии, в которой работал Костин. Во время беседы со своими гостями Костин вынул маленький печатный листок и молча протянул его товарищу, пришедшему ранее Бабушкина. Иван Васильевич думал, что это какое-либо личное письмо, и безразлично смотрел на внимательно читавшего молодого слесаря.

Прочитав листок, рабочий с улыбкой вернул его Костину.

— Ну что? Как? — спросил Костин.

— Что ж, очень хорошо, — сказал его товарищ.

И вдруг Костин неожиданно для Бабушкина дал ему этот листок:

— Может, хочешь почитать? Так почитай.

И Бабушкин впервые в жизни прочитал подпольную революционную листовку. Какое она произвела на него впечатление, лучше всего видно из записи самого Ивана Васильевича:

«Я развернул и приступил к чтению. С первых же слов я понял, что это что-то особенное, чего мне никогда в течение своей жизни не приходилось видеть и слышать. Первые слова, которые я прочел, вызвали во мне особое чувство. Мысль непроизвольно запрыгала, и я с трудом начал читать дальше. В листке говорилось про попов, про царя и правительство, говорилось в ругательской форме, и я тут же каждым словом проникался насквозь, верил и убеждался, что это так и есть, и нужно поступать так, как советует этот листок… Тут же как молотом ударило по моей голове, что никакого царствия небесного нет и никогда не существовало, а все это простая выдумка для одурачивания народа.

Всему, что было написано в листке, я сразу поверил, и тем сильнее это действовало на меня. С трудом дочитывал я листок и чувствовал, что он меня тяготит от массы нахлынувших мыслей».

Листовка была полна резких, сильных протестов против правительства, приводила яркие, вопиющие факты царского произвола и народного бесправия.

Долгое время держалась в памяти Бабушкина эта первая подпольная листовка. Он понял, что Костин его пригласил к себе неспроста, и сразу же почувствовал себя в истинно товарищеской, дружеской среде.

Семена революционной пропаганды упали на вполне подготовленную почву. Состояние Бабушкина можно было сравнить с положением человека, долгое время бродившего в дремучем лесу, стремившегося к изредка мелькавшему впереди узкому лучу света и сразу вышедшего на залитую солнцем поляну.

Все, что возникало в сознании в не находило объяснения, стало ясным. Вся жизнь Бабушкина приобрела определенное освещение, определенную окраску.

Бабушкин с трудом перевел дух, пытаясь отдать себе отчет в нахлынувших впечатлениях. Такие минуты не забываются…

По разгоревшимся глазам Костина и его товарищей Бабушкин видел, что и они так же сильно, как и он, взволнованы прочитанным. Иван Васильевич понял, что и его новый знакомый Костин тоже усиленно ищет выхода из своей тяжелой жизни, рвется к знанию, общению с людьми.

Бабушкин и Костин подружились. Иван Васильевич интересовался, откуда его новый приятель достал подпольную

листовку. Из ответов Костина он догадывался, что тот человек, от которого Костин получил прокламацию, работает в их мастерской. Уверившись в том, что Бабушкин ни в коем случае не выдаст подпольщика, Костин познакомил Ивана Васильевича с Сергеем Ивановичем Фунтиковым, действительно работающим в механической мастерской Семянниковского завода.

Личность этого революционера, его убеждения и характер были во многих отношениях замечательны. Беседы с ним еще более укрепляли в рабочих стремление к борьбе с угнетателями. Но говорить с Фунтиковым было нелегко: на первых порах каждого новичка почти отталкивала прямолинейность, даже более того— резкость, с которой Фунтиков отстаивал свои убеждения.

По воспоминаниям его товарищей по заводу, Фунтиков был прямым, откровенным и решительным человеком. Он никогда не шел ни на какие компромиссы со своей совестью. Скопив за долгие годы работы около двухсот рублей, он пожертвовал их в рабочую кассу. Фунтиков имел один старенький пиджак, ходил осенью и зимой в потертом осеннем пальто я даже не носил чулок.

Рабочие его очень любили, за большую бороду и суровый вид называли «патриархом». Авторитет Фунтикова еще больше повысился после демонстрации похорон (15 апреля 1891 года) широко известного в рабочей среде писателя-демократа, публициста Николая Васильевича Шелгунова.

Н. В. Шелгунов был одним из прогрессивных деятелей своего времени. Никакие репрессии царского правительства не могли сломить боевого революционного духа писателя-демократа. Его статьи, бичующие самодержавие и помещичье-буржуазный либерализм, все чаще и чаще появлялись на страницах передового журнала «Современник». Рабочие столицы зачитывались статьями Н. В. Шелгунова. Когда жизнь писателя прервалась, они собрали значительное количество денег и купили большой венок. На траурной ленте было написано:

Н.В. Шелгунову.

Указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих.

Фунтиков шел в начале похоронной процессии, поддерживая венок. За ним двигалась многочисленная толпа рабочих, студентов, интеллигенции, пришедших отдать последний долг умершему писателю. На половине пути жандармский офицер попытался, было сорвать «крамольную» надпись. Но Фунтиков сам бережно снял ленту с венка и спрятал под пальто у груди. И уже на кладбище вновь появилась на венке волнующая надпись.

…Бабушкин не без робости подошел вместе с Костиным к Фунтикову, — он не раз слышал о своеобразном характере Фунтикова, о его прямых, подчас даже резких вопросах. Действительно, Фунтиков встретил Бабушкина сурово:

— Ну что? О чем думаешь?

— Да книжку бы какую умную почитать… — запинаясь, произнес Бабушкин.

— На что тебе она? Что ты будешь делать, если прочитаешь не одну умную книжку? — пристально вглядываясь в молодого слесаря, спросил Фунтиков.

— Да вот… нас обижают и правды не говорят, а все обманывают.

— А что ты будешь делать, если правду узнаешь? Бабушкин промолчал и, постояв еще с минуту, пошел на свое место.

Но именно эти в упор поставленные вопросы заставили молодого рабочего задуматься над своей жизнью, искать выхода из окружающей его жестокой действительности. «В самом деле, — думал он, — что же надо делать, если даже удастся узнать всю правду?»

Бабушкин все чаще делился своими сомнениями с Костиным. Тот тоже не мог ответить Бабушкину на целый ряд вопросов и пытался, было объяснить всю неправду жизни тем, что попы исказили и затемнили библейские заветы, которые в своей первоначальной основе являлись якобы учением социалистическим. Костин долгое время был, как и многие рабочие, приехавшие в столицу из далеких деревень, человеком очень религиозным и в поисках новых путей пытался все истолковывать с помощью библии. Говорил он плохо, запинался, да и сам под конец объяснения беспомощно умолкал.

Бабушкин только покачивал головой, — нет, никакой «очищенной», «просветленной» библией, хоть ее толкуй до рассвета, не объяснить всего того, что происходило ежедневно на глазах всей массы рабочих.

И с новой силой, еще более жадно тянулся он к книгам, а более всего — к смелым и прямым людям, которые в простых и понятных словах смогли бы объяснить законы жизни.

Бабушкин и Костин каждое воскресенье стали посещать знакомых, беседовали с рабочими Семянниковского и других заводов, исподволь, обиняком задавая волнующие вопросы и мучительно ища ответа.

Хозяин комнаты удивлялся, видя, как круто переменил образ жизни его молодой квартирант: вместо того чтобы в воскресенье проспать до обеда, а затем пойти куда-нибудь на вечеринку, молодой слесарь беседовал с приходившими товарищами по

заводу, но не о работе, а о прочитанных книжках, о том, как живут рабочие в других городах. Бабушкин и Костин даже на варгунинские гулянья перестали ходить, предпочитая летом уехать вдвоем — втроем куда-нибудь по Неве на лодке и в уединенном местечке, подкрепившись скромной закуской, поставив на самодельный таган котелок с чаем, всласть поспорить и побеседовать. Мастер тоже стал косо поглядывать на Бабушкина и Костина, пытавшихся теперь под всяческими предлогами избежать обязательных сверхурочных работ. Приятели старались, как можно раньше уйти с завода домой, чтобы пойти в библиотеку за новыми книгами или зайти в гости к товарищам, о которых Костин слышал как о толковых людях.

Постепенно крут знакомых молодых рабочих расширялся. В большинстве своем это были такие же молодые люди, как и они сами, тоже стремившиеся не на вечеринку или в трактир, а к задушевной, товарищеской беседе со своими сверстниками. Друзья знакомились, однако, со строгим выбором.

«…Как только мы замечали, что собеседник начинает соглашаться с нами в разговорах, — пишет Бабушкин в «Воспоминаниях», — мы сейчас же старались достать ему для чтения что-либо из нелегального; но в знакомстве с новыми людьми мы были очень разборчивы. Прежде всего мы старались обходить или избегать всякого, кто любил частенько выпивать, жил разгульно или состоял в родстве с каким-либо заводским начальством. Будучи сами очень молодыми, мы подходили чаще всего к такой же молодежи, а одна или две неудачи совершенно отпугнули нас от людей женатых, средних или выше средних лет, таким образом, выбор оказывался довольно незначительным».

Большинство друзей Бабушкина и Костина были с Семянниковского завода; на этом заводе уже несколько лет подряд происходили волнения, и молодежь часто слышала рассказы пожилых рабочих о том, как несколько лет назад на их заводе появлялись листовки. Вспоминали о бунте, вспыхнувшем в механической мастерской завода на почве непомерно сниженных расценок, о вызове хозяевами завода нарядов полиции, о поголовных обысках и избиениях многих рабочих.

Нередко в «господском клубе», как иронически называли общую уборную при мастерской, говорили о взрыве, произведенном Халтуриным в Зимнем дворце, о деле «первомартовцев». Нашлись свидетели публичной казни Софьи Перовской и ее товарищей. Многие из беседовавших восхищались террористическими актами народовольцев:

— Ка-ак бомбой ахнут!.. От царя только дым остался!..

Однажды Бабушкин, выслушав план одного пожилого

рабочего о новом взрыве Зимнего дворца, поддался искушению принять в нем участие. План этот был грандиозен по своим масштабам, но оказывался при ближайшем рассмотрении совершенно невыполнимым: для его осуществления требовались такие приспособления и машины, каких человечество еще не знало. Это был даже не план конкретного выступления, а скорее лишь страстное желание измученного работой человека «убрать того, кто наверху стоит и все зло в своих руках держит». На Бабушкина сильно повлияла горячая убежденность автора этого проекта. Иван Васильевич стал раздумывать, нельзя ли и в самом деле изобрести такой снаряд, который уничтожил бы Зимний дворец, а вместе с ним и царя. Улучив минутку, Бабушкин подошел к Фунтикову и, понизив голос, поделился с ним этим планом.

Фунтиков внимательно выслушал взволнованный рассказ Бабушкина и спокойно ответил, что для убийства одного царя не стоит выдумывать столь обширных да к тому же пока что технически не осуществимых проектов.

— Если кто хочет убить царя, то нечего так много об этом думать, а стоит только пойти на Невский, нанять хорошую комнату или номер в гостинице и застрелить царя, когда он поедет мимо. — Насмешливо поглядев на смущенного молодого собеседника, Фунтиков добавил: — Люди воробьев убивают, неужели так трудно убить царя? Да такого здорового!

И в заключение Фунтиков дал понять, что нужно думать не об убийстве отдельных личностей, стоящих во главе существующего строя, а о том, какими путями добиться уничтожения этого строя в целом — со всеми его капиталистами-хозяевами в городе, помещиками и кулаками в деревне, со всей сворой охраны и полиции.

Этот ответ был совершенно неожиданным для Бабушкина. Иван Васильевич, смущенный иронической усмешкой Фунтикова, решил не думать больше о фантастических планах убийства царя, а всерьез заняться чтением. Он надеялся почерпнуть в книгах новые силы, для того чтобы объяснить, наконец, себе и своим товарищам, как же надо бороться.

К периоду увлечения Бабушкина и Костина чтением относится и их интерес к изучению рабочего быта. Как раз в это время неподалеку — на фабрике Максвеля — были открыты новые казармы-общежития.

Рабочие текстильных фабрик, зарабатывавшие значительно меньше, чем слесари механического завода, вынуждены были ютиться в маленьких низеньких бараках-общежитиях.

И торнтоновцы, и максвельцы, и рабочие фабрики Паля жили

почти в одинаковых бытовых условиях — крайне скученно, в грязи и нищете. Особенно тяжело жилось в ту пору торнтоновским и максвельским рабочим.

Рабочие фабрики Торнтона жили в тесных каморках, в которых на нарах или на полу спали вповалку. В каждой каморке помещалось по три-четыре семьи. Рабочие обязывались покупать все съестные припасы только в фабричной лавке, торговавшей втридорога гнилыми продуктами. Мало того, Торнтон в своей «вотчине» запрещал рабочим выходить с территории фабрики и общежития: сторожа и специально оставленные у входа на фабрику городовые зорко следили за «порядком».

Бабушкин и Костин решили познакомиться с новым общежитием фабрики Максвеля.

В один из воскресных дней оба друга, надев кумачовые рубахи и фуражки, какие носили фабричные, отправились к фабрике Максвеля и спустя некоторое время незаметно вошли в ворота общежития.

Каменное здание имело довольно внушительный вид. Бабушкин и Костин стали подниматься по большой широкой лестнице с чугунными перилами. Угрюмые серые коридоры, маленькие дверки и такие же маленькие темные каморки… Друзья заглянули в некоторые из них.

Теснота, невозможный запах поразили их. Длинные полутемные коридоры разделяли комнаты для одиноких и семейных. Повсюду сырость, грязь, нечистоты.

У Бабушкина и Костина осталось самое тяжелое впечатление от неопрятных, скученных кроватей, стен, на которых подавлено бесчисленное множество клопов. «Сзади слышен стоном стонущий гул в коридоре, — пишет Бабушкин, — отвратительный воздух беспрестанно надвигается оттуда же, и все сильней и сильней подымается в душе озлобление и ненависть против притеснителей, с одной стороны, и невежества — с другой, не позволяющего уяснить причины маложеланного существования.

О! Нужно как можно больше знания нести в эти скученные места!» — вот вывод, к которому пришел Бабушкин, покидая с Костиным помещения для рабочих.

Неприглядной оказалась обстановка и на грязном, захламленном дворе общежития. Молодые парни и девушки коротали праздничный досуг кто как умел. Иные пели тоскливые, протяжные песни своих деревень, и далеко за фабричные строения уносилась вологодская песня, слышалась рязанская частушка. Другие пытались плясать, вспоминая родные деревенские хороводы. Большинство же сидело и лежало на земле, пользуясь хорошим солнечным днем, и безучастно

смотрело на опротивевшие темно-красные фабричные корпуса и трубы.

Больше всего людей толпилось вокруг тесных кружков рабочих, игравших в «орлянку». Монеты высоко взлетали, игроки вслух и молились, и ругались, к сожалели о своей ставке…

Молодежь группировалась у сваленных в кучу бревен, на которых несколько человек в самых неудобных позах — кто верхом на бревне, кто на корточках — с азартом играли в «козла». Многие карты можно было различить лишь с большим трудом, до того они выцвели и стерлись, а вместо некоторых карт шли в ход грубо раскрашенные листики картона.

Приятели пересекли широкий двор, подходя то к одной, ток другой кучке рабочих, — здесь играли в карты на деньги.

После посещения жилищ максвельских текстильщиков «мы усердно принялись точить оружие для борьбы, то-есть читать и развиваться», — вспоминал Иван Васильевич. Друзья много спорили между собою, затрагивая различные интересующие их темы. Обсуждали и распорядок в мастерской в даже строение солнечной системы. Многие вопросы они решали неправильно. И все чаще, не удовлетворяясь результатами своих жарких споров, оба друга прибегали к помощи и авторитетному разъяснению Фунтикова.

Фунтиков приветливее стал относиться к своим молодым товарищам по мастерской, беседовал с ними по дороге с завода, когда можно было говорить, не опасаясь ушей «забегалок» или самого мастера. Он все ближе и ближе сходился с молодыми слесарями. Иногда все втроем отправлялись в лодке на один из маленьких островков Невы или Ладоги и там коротали долгий летний день в спорах и беседах.

В одно из воскресений Фунтиков пригласил обоих друзей к себе для беседы «подольше и по душам». Бабушкин был очень обрадован этим приглашением.

Часа за полтора до назначенного срока Иван Васильевич отправился к Фунтикову, стараясь итти переулками и проходными дворами. Фунтиков жил в двух довольно больших, очень неуютных, неприбранных комнатах. Когда Бабушкин пришел к нему, там уже сидели Костин, трое рабочих с того же Семянниковского завода и студент-медик Тахтарев. Этот интеллигент вел в подпольных рабочих кружках популярные беседы по социологии и политической экономии.

Беседы происходили обычно под видом простой, товарищеской вечеринки с самоваром и закуской. На одну из таких «вечеринок» и попал Бабушкин с Костиным. Иван Васильевич впервые в своей жизни был на подпольном собрании в

кружке, организованном Фунтиковым.

Познакомившись с собравшимися, лектор повел речь о тяжелом положении рабочих в России и за границей.

По окончании беседы появился кипящий самовар и скромная закуска — ситный хлеб и колбаса. За чаем обсуждали затронутые лектором вопросы. Высказывались главным образом Фунтиков и Сущинский. Молодые рабочие — члены кружка впервые слушали лектора из интеллигентов и поэтому, стесняясь высказываться, забрасывали его различными вопросами. Бабушкин оживился и задавал один вопрос за другим: и об условиях жизни рабочих за границей, и о стачках, и о подпольном Красном кресте.

Тахтарев — будущий ярый «экономист» — не мог, однако, вести занятия с рабочими как истинный марксист, четко и ясно осветить единственный путь освобождения рабочего класса — борьбу за диктатуру пролетариата. Он выхолащивал действенное, боевое учение Маркса, сбивался на узкую дорожку исключительно экономических требований. Поэтому у Бабушкина и Костина оставалось много неразрешенных вопросов.

Выручало их домашнее чтение. Они читали и перечитывали брошюру Свидерского «Труд и капитал», брошюры Туна и Плеханова по отдельным вопросам истории революционного движения в России, книгу Е. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет». Все это освещало условия труда и быта русских рабочих в отдельных местностях и районах России и давало хороший материал для размышлений о путях освобождения рабочего класса.

Занятия в кружке, знакомство с теорией Дарвина постепенно разрушали религиозность Костина.

Споры, которые начались между друзьями почти с первого дня их знакомства, все более обострялись, и Бабушкин не без сарказма выбивал из-под ног Костина одну его религиозную твердыню за другой: и ветхозаветное толкование о происхождении человека, но «долголетии земли», и убеждение о «спасительном» значении веры.

— Я верю, да, именно твердо верю, потому что знаю, — не раз в споре говорил Иван Васильевич своему другу Илье, — только одно: мы сами, рабочие, можем построить свое счастливое царство здесь, на земле, не размышляя ни о каком «царствии небесном». Вот почему я хочу узнать получше и поскорее: как же нам этого добиться?

И снова с жадностью молодой слесарь Семянниковского завода садился за книги, желая получить ответ на вопрос, поставленный им самим уже ясно и определенно: где же найти выход из беспросветной жизни?

После долгой слежки охранке удалось «ликвидировать» большую группу народовольцев и арестовать в ночь на 21 апреля 1894 года нескольких социал-демократов, имевших подпольные связи с этой группой. В числе арестованных оказался и Фунтиков. Тяжелые думы теснились в голове Бабушкина. Так описывает он свое состояние:

«Мастерская работала полным ходом, все спешили окончить свою работу. Для чего? чтобы взять скорее другую вещь и опять торопиться? спешить и спешить? для чего? …опять для того же: хозяевам нужна прибыль! и потому работай, торопись и не оглядывайся, пока они тебе не выкинут твой жалкий заработок, И тут же перед моим воображением проносится картина прихода жандармов, обысков.

А нашего Ф. (Фунтикова. — М. Н.) — нет, нет нашего патриарха, отца, с его вдумчивыми глазами, строго-серьезным лицом, с его железной энергией и бесстрашным мужеством. Ох, тяжело терять таких людей, особенно человеку, не привыкшему к такого рода потерям. Впоследствии я на аресты смотрел довольно спокойно, а тогда это было не то, и очень тяжело было мириться с фактом».

После ареста Фунтикова Бабушкин и Костин обращались было к П. А. Морозову, как к хорошо осведомленному товарищу, пользовавшемуся доверием Фунтикова. Но Морозов иногда любил выпить, и на этой почве у молодежи происходили с ним пререкания. Очень характерны воспоминания об образе жизни молодых подпольщиков того времени, написанные самим Иваном Васильевичем:

«Мы с Костей были того мнения, что ни один сознательный социалист не должен пить водки, и даже курение табаку мы осуждали… В это время мы проповедовали также и нравственность в строгом смысле этого слова. Словом, мы требовали, чтобы социалист был самым примерным человеком во всех отношениях, и сами старались всегда быть примерными».

Вскоре был арестован и П. А. Морозов.

Лишившись старших товарищей, Бабушкин и Костин решили организовать два самостоятельных кружка и, по конспиративным соображениям, вести занятия на своих квартирах поочередно.

В это время за Невской заставой в подпольных марксистских кружках появился рабочий Балтийского завода Василий Андреевич Шелгунов, однофамилец умершего писателя. Он привлекал к себе внимание открытым, мужественным лицом с большими черными глазами, своими смелыми, правдивыми речами. Ходил он почти всегда в рубашке-косоворотке.

Знакомство с В. А. Шелгуновым оказало на Бабушкина

значительное влияние. Когда Шелгунов появился в кружке, то Бабушкин, Костин и его друзья еще энергичнее принялись за работу: установили связи с рабочими фабрик. Паля, Максвеля, Торнтона и железнодорожных мастерских Николаевской дороги.

Шелгунов не только старался передать товарищам все свои знания, помочь им при чтении трудных книг по социологии, истории культуры, — он знакомил их с марксистами из интеллигенции, которые должны были проводить регулярные кружковые занятия.

Помимо занятий в кружке, И. В. Бабушкин стал учиться в вечерней рабочей школе. Он слышал, что в ней можно получить серьезные знания, что учительницы там работают бесплатно, а в составе учеников немало передовых, развитых рабочих.

В этой школе преподавала Л. М. Книпович. Она, по воспоминаниям Н. К. Крупской, «умела подойти к каждому ученику совсем просто, по-товарищески. У нее в группе учился И. Бабушкин. Как-то вначале во время урока грамматики он написал на доске фразу: «У нас на заводе предвидится стачка». Лидия Михайловна после урока отозвала его в сторону и отчитала: «Вы что — рисоваться, что ли, хотите? Если вы думаете не о рисовке, а о деле, то неуместно такие шутки выкидывать». Бабушкин покраснел, но стал еще лучше, еще с большим доверием относиться к Лидии Михайловне».

На фабрики и заводы Торнтона, Паля, на Невский механический, на целый ряд других быстро разраставшихся крупных предприятий столицы поступало дорогое заграничное оборудование, сложные станки и машины. Для работы на этих новых машинах, приводимых в движение не только паром, но и электричеством, требовались люди, достаточно грамотные, могущие разбираться в технических чертежах. Поэтому владельцы фабрик и заводов не только содействовали расширению деятельности уже существовавшего в столице «технического общества», но и на свои средства организовывали новые воскресные школы для рабочих. Эти школы были на Петергофском проспекте, на Шлиссельбургском тракте, за Нарвской заставой.

По воспоминаниям членов первых марксистских кружков (например, Шаповалова), многие рабочие начали посещать вечерние технические школы, так как обточка конусов, шлифовка сложных деталей требовали некоторого знания геометрии и алгебры. За Невской заставой, где было немало крупнейших фабрик, заводов и мастерских, где быстро развивавшийся российский капитализм сосредоточил десятки тысяч рабочих, обслуживавших сложные паровые машины, возникла воскресная

рабочая школа. Она находилась в селе Смоленском, на Шлиссельбургском тракте, в доме Корниловой — Эвальд, № 65; ее зачастую называли «Корниловской», а иногда «Варгунинской», так как председателем Фарфоровского приходского школьного попечительства был фабрикант Варгунин.

Фабриканты и правительство, решаясь на открытие таких новых школ, принимали все меры, чтобы не допускать «превышения программы». Самым главным и для всех обязательным предметом являлся «закон божий». Предприниматели стремились затуманить этой «наукой» сознание рабочих, заставить забыть животрепещущие вопросы, возникавшие у них в тяжелой повседневной жизни. Программа строго ограничивала изучение каждого предмета; например, в подготовительной группе можно было проходить арифметику лишь в пределах первых четырех действий, а в группе повторительной — до десятичных дробей. Отклонение от этой «начальством рассмотренной и утвержденной» программы строжайше каралось.

Но как ни следили всякого рода администраторы за «рамками программы» и образом мыслей учеников и учительниц, воскресные школы быстро превратились в очаги революционной пропаганды. Учительницами, кроме Н. К. Крупской и Л. М. Книпович, работали А. М. Калмыкова, А. А. Якубова, А. Л. Катанская, П. Ф. Куделли и другие.

В этих школах рабочие необыкновенно тепло и дружески относилась к своим учителям, предостерегали от проникновения в классы полицейских соглядатаев, всячески старались облегчить нелегкий труд преподавателей. Рабочие с большим вниманием следили за опытами по физике и химии, запоминали каждый совет, каждую мысль своих школьных руководителей.

Педагоги умели на любом уроке оживить, казалось бы, самый сухой предмет, заставить говорить даже мертвые цифры. Решая задачу на вычитание, ученик воскресной школы вдруг слышал обычным тоном произнесенный вопрос учительницы:

— А если вычитаемое состоит из целого ряда чисел, — к примеру, если у вас из жалованья мастер за одну неделю подряд удержит два — три штрафа?

И память рабочего невольно воскрешала недавние случаи из его же собственной жизни, воскрешала все несправедливости и придирки фабричной администрации.

В особенности рабочие любили уроки по химии и географии. На занятиях по химии взрослые ученики слушали своего учителя как зачарованные, — так умел он связать историю химии, характеристику ученых-химиков с жизнью. Говоря о развитии

химии во Франции конца XVIII века, учитель умело обрисовал условия жизни в этой стране. Он заговорил о развитии красильного производства, о бурном росте текстильной промышленности, рассказал о великом штурме Бастилии, о восставшем народе, заполнившем площади и улицы Парижа.

После этого урока учитель рекомендовал крайне заинтересованным слушателям прочитать «Историю одного крестьянина» Эркмана — Шатриана, а на следующих уроках химии как бы мимоходом коснулся и тяжелых условий труда на химических заводах и фабриках Петербурга. Скупо, двумя-тремя штрихами очертил он нечеловеческие условия труда в тесных, лишенных вентиляции мастерских, где тысячи людей обречены чахнуть в облаках ядовитых испарений. Перед каждым слушателем вставали их заводы, их мастерские… А учитель уже продолжал неторопливый рассказ о законе сохранения вещества, о том, что действие рождает противодействие, что в природе ничто не пропадает даром.

Особенно же удавались уроки по географии и истории: здесь было легко и удобно проводить еще более смелые противопоставления и приводить к случаю факты угнетения русского рабочего класса и крестьянства.

На общем собрании групп Н. К. Крупская прочитала двумстам ученикам воскресной школы лекцию, имевшую исключительный успех: рабочие, не шелохнувшись, слушали иллюстрируемый туманными картинами рассказ о жизни и борьбе рабочих в европейских странах, об английском парламенте, о роли машин.

На всю жизнь сохранили рабочие самые теплые, самые благодарные воспоминания о своих настоящих педагогах, подлинных учителях.

С первых же дней открытия Смоленской школы члены подпольных кружков почувствовали, что в вечерних классах можно будет по душам побеседовать и с текстильщиками, и с металлистами, и с железнодорожниками.

Так от школы, где рабочие могли встречаться и довольно долго находиться в тесном общении на самом законном основании, протягивались крепкие нити к подпольным кружкам.

Фабрикант Торнтон пытался, было организовать тоже воскресную школу, пригласив преподавать в ней… учеников духовной семинарии. Но рабочие вскоре отказались слушать «душеполезные» беседы и заполнили классы Смоленской школы. Один пожилой металлист, побывав на занятиях по химии, привел с собой в следующее воскресенье и восьмилетнего сынишку: «Пусть правду послушает!»

Влияние преподавателей на своих отзывчивых слушателей не

ограничилось только стенами школы. Л. М. Книпович и П. Ф. Куделли попросили прийти несколько наиболее внимательных учеников в воскресенье к себе на квартиру. В числе приглашенных был И. В. Бабушкин.

Учительницы предложили своим ученикам-гостям ознакомиться и выучить какую-либо роль из фонвизинского «Недоросля». Перед каждым лежала тетрадочка с тщательно переписанной ролью Скотинина, Митрофанушки и других персонажей бессмертной комедии. Но вскоре гости убедились, что изучение ролей этой комедии было лишь предлогом. В соседней комнате на столе появился самовар, и радушные хозяйки-учительницы пригласили своих учеников побеседовать за чашкой чаю. О «Недоросле» забыли, — вместо тетрадок в руках учеников оказались фотографии из голодающих губерний, снимки раскрытых изб после выколачивания недоимок ретивыми царскими властями…

Так пролетали воскресные дни в задушевных беседах.

Большое влияние на формирование мировоззрения И. В. Бабушкина оказали также книги революционного содержания. Молодой рабочий буквально набрасывался на них. После тяжелого трудового дня, в ущерб своему отдыху, нередко далеко за полночь он читал книги по политической экономии, социологии, истории России и зарубежных стран.

В начале лета, когда занятия в школе прекратились, Бабушкин и Костин с четырьмя-пятью товарищами ездили в воскресенье за Неву и целый день читали и обсуждали «настоящую книжку», привезенную на дне лодки в ворохе различных рыболовных принадлежностей.

В горячих спорах быстро летело время, и уже в сумерках друзья возвращались в город с новыми силами, новыми мыслями.

Учительницы Смоленской школы умело руководили чтением своих учеников. Большое количество книг доставала им Н. К. Крупская. Немало литературы по специально составленному учителями воскресной школы списку покупали и сами рабочие. В читальнях для них был крайне ограниченный выбор книг. Не только произведения Добролюбова, Чернышевского, Белинского были недоступны рабочему читателю, но даже стихи и поэмы Некрасова находились в середине 90-х годов под запретом.

Но тем настойчивее, тем усиленнее разыскивали рабочие именно эти книги, тем увлекательнее были для них незабываемые произведения великих русских писателей, вдохновляющие на борьбу за светлое будущее трудящихся.

Глава 5
В кружке В. И. Ленина

Зимой 1894 года в жизни Бабушкина произошло событие решающего значения: он познакомился с великим вождем пролетариата В. И. Лениным и вскоре стал одним из ближайших его учеников.

Развитие капиталистического производства в 90-х годах способствовало большому росту промышленного пролетариата. Тяжелое экономическое положение и политическое бесправие рабочего класса толкали его на борьбу с угнетателями. В промышленных центрах на фабриках и заводах все чаще стали возникать крупные стачки.

В то время члены петербургских социал-демократических кружков изучали марксизм оторвано от жизни рабочих. Беседы в кружках нередко носили сухо», отвлеченный характер, основные положения марксизма излагались в отрыве от повседневных задач борьбы с предпринимателями и царизмом, и сами кружки не были связаны с массовым рабочим движением.

По приезде в столицу (31 августа 1893 года) В. И. Ленин немедленно начинает работать в марксистских кружках, разъясняет кружковцам необходимость развития широкой политической агитации среди масс столичного пролетариата.

В. И. Ленин, видя, что остатки народников (либеральные народники) стараются мешать распространению марксизма в России и опорочить марксистов, возводя на них всяческую клевету, ведет непримиримую борьбу с либеральными народниками.

Борьбу с народниками 80-х годов начала еще первая русская марксистская группа «Освобождение труда», созданная Г. В. Плехановым в Женеве.

Группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым проделала большую работу и по распространению марксизма в России.

Она перевела на русский язык выдающиеся произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке» и другие, пересылала в Россию нелегальную марксистскую литературу.

Но на пути распространения марксизма стояли народники, взгляды которых преобладали в то время среди революционной интеллигенции.

Г, В. Плеханов в своих марксистских работах нанес

сокрушающий удар ошибочным взглядам народников.

Своей борьбой с народниками Плеханов значительно подорвал влияние их на революционную интеллигенцию.

Но и у группы «Освобождение труда» и у Плеханова были свои ошибки. Плеханов и его группа не преодолели полностью народнические воззрения, допуская применение индивидуального террора.

Плеханов недооценивал роль крестьянства в революции, не считал крестьянство союзником пролетариата в революционном движении.

В. И. Ленин провел большую работу по исправлению ошибок группы «Освобождение труда», одновременно продолжая борьбу с народниками — врагами марксизма.

Народники утверждали, что капитализм в России — явление случайное, и стремились примирить, затушевать нараставшие острейшие классовые противоречия.

Редакторы журнала «Русское богатство» лидер народников Н. Михайловский и С. Кривенко старались доказать, что путем постепенных реформ можно добиться «общего улучшения жизни». Либеральные народники всячески превозносили «рациональные мероприятия» по переселению крестьян, регулированию арендной платы, сельскохозяйственной мелиорации и т. п. Они сознательно закрывали глаза на то, что подобные «рационализирующие меры» лишь укрепляют буржуазный строй, помогают царизму.

Вскоре по приезде в столицу В. И. Ленин прочитал реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках», доказывая примерами, что в России происходит все ускоряющийся процесс разложения простого товарного хозяйства и превращения его в хозяйство капиталистическое, что в земледельческом и общинном крестьянстве идет глубокий процесс разложения на буржуазию и пролетариат.

Реферат Ленина, вызвавший большое оживление работы в кружке, дал марксистам сильное оружие против народничества.

В замечательной работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», бичуя Михайловского за его заявление о том, что «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их», В. И. Ленин пишет:

«России надо еще создавать пролетариат?! В России, в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплуатацию трудящегося, — которую сравнивали (и законно) с Англией по положению ее бедноты, в которой голодание миллионов народа является постоянным явлением рядом, напр., с вое возрастающим вывозом хлеба, — в

России нет пролетариата!!!

Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова!»

В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, идейно разгромив народничество, наметил путь, по которому должны были пойти русские марксисты. Ближайшей задачей он ставил свержение самодержавия. Для разрешения этой и последующих задач В. И. Ленин считал необходимым из существующих отдельных разрозненных марксистских кружков создать единую социалистическую рабочую партию, которая и будет руководить революционной борьбой рабочих. В. И. Ленин указывал на рабочий класс России как на единственно революционный в стране, который в союзе с крестьянством свергнет самодержавие и в союзе с трудящимися и эксплуатируемыми массами, «рядом с пролетариатом других стран, прямой дорогой открытой политической борьбы пойдет к победоносной коммунистической революции».

В. И. Ленин осенью и зимой 1893–1894 годов руководил несколькими кружками: за Невской заставой, на Петербургской стороне, а затем кружком в гавани на Васильевском острове.

Передовые петербургские рабочие видели в Ленине своего любимого учителя.

Владимир Ильич проявил необычайную энергию для объединения рабочих кружков, находившихся в различных, иногда очень отдаленных районах города. В заречных частях Петербурга (главным образом на Васильевском острове, на Выборгской и Петербургской сторонах, где в середине 90-х годов один за другим возникали большие заводы и фабрики) работали ближайшие соратники В. И. Ленина — А. А. Ванеев, М. А. Сильвин (Таганский), З. П. Невзорова. Рабочие марксистские кружки были организованы на Балтийском заводе, на металлургических заводах Розенкранца, «Феникс», на франко-русском заводе «Берт» и на других.

Кружки возникли в районе Шлиссельбургокого тракта и Невской заставы — на Обуховском заводе, Александровском сталелитейном (часто его называли «Малый Берт»), на ткацких фабриках Паля, Максвеля. Кроме В. И. Ленина, в этом районе кружки вели также Г. М. Кржижановский и Н, К. Крупская. Работе кружков помогала хорошо законспирированная нелегальная библиотека, которой ведала Н. К. Крупская. Пропагандисты этого района (Кржижановский, Малченко и другие) нередко беседовали и с рабочими Колпиеского завода, который тоже входил в «группу Шлиссельбургского тракта».

Обширный район деятельности ленинских соратников по организации марксистских рабочих кружков (В. В. Старков, А. А. Якубова, П. К. Запорожец и другие) находился на территории за Московской и Нарвской заставами, по Обводному каналу, где были металлургические заводы, а также большие текстильные и бумажные фабрики. Главное внимание в этом районе было обращено на кружки рабочих Путиловского завода.

Эти три группы пропагандистов объединялись центральным бюро, во главе которого стояли В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. В. Старков и Ю. О. Мартов.

Владимир Ильич благодаря блестящим теоретическим знаниям, исключительной работоспособности, горячему энтузиазму и несокрушимой вере в победу рабочего класса был душой, вдохновителем многочисленных рабочих кружков.

И. В. Бабушкин и Костин не были удовлетворены занятиями в кружке Тахтарева, не дававшими ответа на вопрос: что же делать для коренного изменения беспросветного положения рабочих, задавленных жестокой капиталистической эксплуатацией, и с интересом ждали начала занятий с новым лектором.

«Как только настала питерская осень, — пишет в «Воспоминаниях» Бабушкин, — со всех сторон понаехала интеллигенция, и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Новый знакомый, назовем его Н. (В. А. Шелгунов. — М. Н.), рабочий, поселившийся за Невскою заставой, связанный с интеллигенцией… организовал кружок. Местом для занятий послужила моя комната, как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составился из 6 человек и 7-го лектора (В. И. Ленина. — М. Н.), и начались занятия по политической экономии, по Марксу».

Несмотря на то, что слушатели кружка уже имели некоторое представление об этой науке, так как одни ранее занимались в. кружке Фунтикова, другие читали кое-какие брошюры по рабочему вопросу, где неизбежно затрагивалась тема накопления капитала, рождения и укрепления капиталистического производства, все рабочие с первого же занятия были увлечены новым лектором, его манерой беседовать со своими товарищами-кружковцами.

«Лектор излагал нам эту науку, — рассказывает И. В. Бабушкин, — словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный,

с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора…»

В. И. Ленин обладал ценнейшим качеством пропагандиста — умением глубоко волновать, увлекать своих слушателей органической, теснейшей увязкой теории с практикой, с жизнью.

Эти исключительные способности Ленина-пропагандиста сразу привлекли к нему рабочих, крепчайшими нитями связали с ним рабочую массу.

Иван Васильевич с восторгом отзывался в беседах с товарищами о своем новом руководителе.

Ленин требовал от своих слушателей не только изучения ими вопросов политической экономии и народного хозяйства, но и умения конкретно применять полученные знания в повседневной борьбе с капиталистами.

«В своих пропагандистских выступлениях Ильич не обходил больных вопросов, не затушевывал их, напротив — ставил их со всей резкостью и конкретностью, — вспоминает Н. К. Крупская. — Он не боялся резкихслов, нарочно заострял вопрос, он не считал, что речь пропагандиста должна быть бесстрастна, уподобляться мирному журчанью ручейка; его речь была резка, грубовата часто, но зато врезалась в память, волновала, увлекала.

Ленин как пропагандист резко ставил вопросы и увлекал своей страстностью аудиторию».

Один из подпольных кружков возник у Черной речки, близ завода Гольдберга. Кружок состоял из пяти рабочих крупных металлургических и машиностроительных заводов. В целях строгой конспирации рабочие-подпольщики собирались небольшими группками. По воспоминаниям слесаря А. П. Ильина, в кружке на Черной речке собирались по два раза в неделю, в остальных кружках — раз в неделю. Помогал рабочим Сильвин, которого члены кружков знали под кличкой «Силин».

Кружок испытывал большие затруднения в подборе лектора. Попытки рабочих-руководителей привлечь в качестве лекторов «знающих людей» из числа главным образом революционно настроенной учащейся молодежи не увенчались успехом. Сами же руководители-рабочие при всем своем горячем желании не могли оживить замиравшую работу кружка из-за недостатка знаний. В этот момент в рабочем подполье появился В. И. Ленин. Участник кружка А. П. Ильин так вспоминает деятельность Владимира Ильича и отношение к нему рабочих-подпольщиков:

«К моему приходу в маленькой комнатке уже собрались все. Принялись за беседу, начинали обсуждать происшествия

последних дней. Но все же как-то темы для кружка не видно. В нашу комнатушку, которая находилась под крышей, кто-то постучал. Оглядываемся — все в сборе. Не тов. Сильвин ли? — подумали мы. — «Войдите». В комнату вошел, без пальто, в широком пиджаке и в шляпе с широкими полями, небольшой, коренастый человек с небольшой бородкой, с какой-то особой походкой с развальцем. Назвал себя какой-то фамилией, которую я сейчас не помню, и сказал, что он прислан т. Сильвиным. Новый человек в нашем кружке — с виду интеллигент, с небольшой лысиной, с острыми глазами, с какой-то необычайной речью, нервной и быстрой, — был для нас уже с первого взгляда новинкой. Его умение выслушивать каждого из нас, популярное толкование разных «ученостей», для нас с первого взгляда непонятных, сделали этого человека нашим любимцем уже с первого вечера… Его популярные лекции по политической экономии, его острые ответы и нередко злые характеристики еще и сейчас в обрывках мелькают у меня в памяти.

Помню Владимира Ильича зимой 1894/95 года. В осеннем пальто, без воротника, он, несмотря на мороз, доходивший до 15–20 градусов, не забывал нашего кружка, а если и случался пропуск, то при следующем свидании он сообщал нам, почему это случилось».

Ленин еще более сблизился с кружковцами при помощи своего рода «заданий на дом», которые он настоятельно советовал выполнять всем своим слушателям.

Владимир Ильич упорно и терпеливо воспитывал в слушателях классовое самосознание. И. В. Бабушкин, вспоминая занятия В. И. Ленина в кружке, писал: «Эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов.

Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни.

И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую под разными предлогами, но на деле — за собиранием необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда при удобном случае и для разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской».

Иван Васильевич жил напряженной, деятельной жизнью. Времени буквально не хватало, — после долгой работы в мастерской завода Иван Васильевич готовился к занятиям в кружке. Он много читал, жадно впитывая новые и новые мысли,

записывал впечатления от бесед с В. И. Лениным, точно и аккуратно выполнял все его поручения по связи с другими марксистскими кружками рабочих не только в районе Невской заставы, но и по всему городу.

Все эти усиленные занятия и подпольная работа помогали Бабушкину расти, развиваться и осознавать себя полезным делу рабочего класса. С гордостью и любовью вспоминал он об этих кипучих, бодрых днях.

Это время у нас было самое интенсивное в смысле умственного развития, каждая минута нам была очень дорога, каждый свободный от работы час был заранее определен и назначен, и вся неделя также строго распределялась. Когда припоминаешь теперь это время, просто удивительно становится, откуда только бралась энергия для столь интенсивной жизни».

В начале зимы 1894 года, ранним утром, в дверь комнатки Бабушкина тревожно постучали: квартирная хозяйка Костина прибежала сообщить Ивану Васильевичу об аресте его друга.

«Я отправился на завод, — писал в своих «Воспоминаниях» И. В. Бабушкин, — чувствуя потерю столь дорогого мне товарища, товарища, с которым мы жили одной жизнью и одним делом, но ему первому выпало на долю испытать произвол русских жандармов. Что-то будет с Костей? В чем-то будут обвинять его жандармы?.. Около этих вопросов вертелась моя мысль, и не уходило из моей головы убеждение в таком же скором обыске и аресте меня…

Занятия в кружках, собиравшихся в моей комнате, продолжали происходить столь же правильно и регулярно, как и раньше, только чувствовалась утрата одного человека».

Руководителем кружков по-прежнему был В. И. Ленин. Он кропотливо и настойчиво изучал условия труда, систему заработной платы, быт рабочих многих петербургских заводов и фабрик.

Владимир Ильич предвидел неизбежность близких выступлений петербургского пролетариата. Он старался как можно больше получить конкретных проверенных фактов из фабричной и заводской жизни. В собирании этих сведений большую помощь оказывал Владимиру Ильичу Бабушкин.

Рабочий класс столицы готовился к первым массовым стачкам. Волновались торнтоновским ткачи, все острее выявлялось недовольство системой бесконечных штрафов у рабочих Балтийского, Путиловского заводов, чаще отказывались от новых расценок на фабрике Лаферма.

24 декабря 1894 года на Невском (Семянниковском) заводе произошло выступление рабочих, долгое время горячо

обсуждавшееся на всех заводах и фабриках столицы. Администрация Семянниковского завода, наряду с неограниченной системой штрафов, часто задерживала заработную плату, ожидание которой превратилось для рабочих завода в дополнительный вид унижения и всевозможных оскорблений со стороны конторщиков, мастеров и прочих представителей администрации завода. Нередко рабочие долгими часами в течение трех-четырех дней выстаивали перед закрытой кассой, не зная, будет ли получка или, в конце концов, конторщик махнет рукой и равнодушно объявит:

— Р-расходись, чего столпились?.. Нету денег, приходите завтра, авось — либо выдадим.

Рабочие расходились в самом подавленном, мрачном настроении, ругая, на чем свет стоит администрацию: дома их ожидали голодные семьи, лавочники в долг не давали ни куска хлеба, заработать на стороне нельзя было ни копейки, так «сак «экстры» отнимали все время.

Семянниковцы негодующе шутили, если жалованье задерживалось только на день или на два:

— Что-то в этом месяце хозяева добрые: только два дня на коленях мы свои же деньги выстаивали.

С приближением рождества на заводе пошли толки, что, наверное, и на этот раз получка будет задержана.

— Что же, на них креста нет, что ли? Как же это перед праздником деньги не выдать?.. — говорил кто-нибудь из пожилых слесарей в мастерской Бабушкина, а молодежь со смехом восклицала:

— Эх ты, голова! Разве не видел, какой огромный крест носит заводской поп? И сам директор на манишке? Владимирский, дворянский крест! Вот на них все наши рабочие денежки и уходят.

За день до рождества Семянниковцы ждали получку с полудня до позднего вечера. Многие надеялись, получив деньги, уехать в свои родные места, неподалеку от Петербурга, чтобы хоть два-три дня отдохнуть в семье.

Иногда артельщики начинали выдачу жалованья часов в семь-восемь вечера, и часть рабочих получала деньги в десять-одиннадцать часов, почти ночью. Ожидать же приходилось с полудня, так как не было известно, когда артельщики привезут деньги. В этот же раз семянниковцы напрасно ждали денег: уж поздним вечером администрация объявила, что деньги привезут только на следующий день. Рабочие нехотя разошлись по домам, посылая тысячи проклятий заводской конторе.

На другой день, к вечеру, завод-гигант медленно умолкал.

Все реже раздавались тяжелые удары многопудового молота в кузнице-поковке.

В литейных цехах, где день и ночь, обливаясь потом, полуголые, измученные сталевары следили за готовностью стали, теперь, накануне нескольких праздничных дней, ярко-багровые отблески печей несколько смягчились, потемнели: поддерживался лишь «малый огонь», чтобы не допустить остывания печей.

Бабушкин, проходя мимо огромных, кованных железом дверей «мартеновки», невольно вспоминал и сравнивал «соленую каторгу», которую он запомнил в детстве, с таким же адским трудом рабочих-сталеваров.

Вокруг конторы собралась тысячная толпа. Сгущались ранние сумерки неприветливого декабрьского вечера. Заметно похолодало. Резкий, пронзительный ветер с Финского залива заставлял плохо одетых рабочих ежиться, глубже засовывать руки в карманы курток, чаще переминаться с ноги на ногу. Кое-кто пытался согреться дружеской борьбой.

Прошло уже больше трех часов, а о получке все еще ничего не было известно.

Попытка послать делегата в контору кончилась тем, что дверь распахнулась, и тот слетел со ступенек высокого крыльца, напутствуемый отборной руганью старшего конторщика. Возбужденная этим вызовом, толпа плотнее придвинулась к зданию конторы. Заводской двор был уже полон, — толпа, как морской прилив, со сдержанным гулом залила улицу перед заводом, теснилась в соседних переулках. Шум, крик, брань далеко разносились в морозном воздухе.

— Давай, давай! Не морозь людей!.. Де-нег!

Рабочие начали проталкиваться в мастерские, надеясь согреться, но тут же выбегали во двор завода; кто-то крикнул, что артельщик принес два мешка с деньгами. Слух оказался напрасным. Прибежал рассыльный и громко объявил:

— Сегодня получки не ждите! Расходитесь!

Толпа грозно зашумела. Никто не хотел итти домой, — что за праздник з голодной семье?..

— Кровопийцы!.. — пронзительно крикнул кто-то простуженным, хриплым голосом. — Наши же кровные деньги не даете!

Большой булыжник метко ударил в фонарь, тускло светивший над резными чугунными воротами завода, украшенными огромным двуглавым орлом. И, как бы дополняя звон вдребезги разбитых стекол, над толпой раздался единодушный крик:

— Бе-ей!..

К заводу со всех сторон бежали полицейские, раздавались заливистые свистки городовых. Бабушкин также находился на заводском дворе, обсуждая то в одной, то в другой кучке взволнованных рабочих создавшееся положение.

Когда вспыхнуло волнение, зазвенели стекла в конторе, «мастеровые торопливо побежали вниз по лестнице, спеша к воротам, — вспоминает Бабушкин. — Сзади нас слышались голоса некоторых рабочих, зовущих уходящих обратно, дабы не попасть в какую-либо кашу. Совершенно напрасно. На этот зов никто не обращал внимания, и мы скоро очутились у ворот. Масса народу оставалась зрительницей происходившего. Пройти через эту толпу не было никакой возможности. Наша проходная подвергалась разрушению. Там били стекла и ломали рамы. С улицы на наши ворота летели камни и палки, брошенные с целью сбить фонари и орла. Фонари скоро потухли, стекла побились, и, кажется, существенно пострадал также и двуглавый орел».

Цокот копыт заставил многих обернуться: из города на рысях к заводу спешили казаки. Ободренные их прибытием, полицейские старались оттеснить толпу от дома управляющего и, поощряемые приставом, вместе с казаками хватали рабочих, вязали им руки и тащили в полицейский участок.

Но большинство семянниковцев продолжало наступление: в полицейских летели куски каменного угля, булыжники, обрезки железа со свалки заводского двора. Толпа угрожающе двигалась с завода на улицу, оттесняя казаков.

В этот момент на завод примчался петербургский брандмайор генерал Паскин. Он бегом направился по высокой лестнице в контору.

Вокруг конторы вновь собралась толпа: вышедший оттуда вскоре в большом волнении Паскин пытался было свалить всю вину на рабочих, укоряя их в «бунте и самоуправстве». В ответ ему пожилой мастеровой, Бабушкин и еще двое слесарей вполне справедливо заметили, что это выступление вызвано систематической задержкой жалованья. Генерал сбавил тон и стал просить немного подождать, пока артельщики привезут деньги. Семянниковцы согласились, но заявили твердо, что никуда с заводского двора не уйдут, пока не получат жалованье сполна.

Решительность и стойкость рабочих победили: не более чем через полчаса появились испуганные артельщики.

Жалованье выдавали срезу во всех мастерских, чтобы толпа поскорее разошлась.

— Вот как надо их учить: сразу нашлись и деньги и артельщики! — громко говорили довольные результатами своего

выступления рабочие.

Весть о бунте семянниковцев молнией разнеслась по Петербургу. Рабочие других предприятий получили наглядный урок, как надо предъявлять требования к администрации. Вскоре заволновались рабочие Петербургского порта, строившие броненосец «Петропавловск», Нового Адмиралтейства, ткачи фабрики Торнтона… Правительство старалось потушить их выступления массовыми арестами и высылками. Эти репрессии еще более возбуждали столичный пролетариат.

Владимир Ильич, зорко следивший за событиями на Семянниковском заводе, решил выступить именно в этот момент с обращением-листовкой к семянниковцам. Он набросал проект листовки и прочитал его Бабушкину. Ленин писал о причинах невыносимой жизни рабочих, о поддержке царскими чиновниками администрации завода, о единственно верном и могучем средстве борьбы рабочих за свои права — организованном, решительном и дружном выступлении-стачке. Листовка звала к продолжению успешно начатой борьбы, к неуклонному сопротивлению хозяевам. Написана она была страстно, горячо. Каждое слово, как всегда в боевых ленинских подпольных листовках, находило путь и сердцу пролетария.

Это была первая агитационная листовка русских марксистов. В. И. Ленин в своей статье «Из прошлого рабочей печати в России», написанной в 1914 году, отметил, что в период зарождения рабочей печати (90-е годы) огромное значение для успешного ее развития имело участие передовых рабочих в составлении и распространении подпольной марксистской литературы. «Из петербургских рабочих, действовавших в то время, — писал В. И. Ленин, — можно назвать Василия Андреевича Шелгунова, который впоследствии ослеп и лишен был возможности действовать с прежней активностью, и Ивана Васильевича Бабушкина, горячего «искровца» (1900–1903) и «большевика» (1903–1905)…»

Иван Васильевич принимал деятельное участие в составлении листовки. В. И. Ленин и его ученик немало потрудились над ее перепиской печатными буквами для гектографа. Листовка была довольно большой, ее пришлось сшить в виде тетрадочки. Распространение всех экземпляров было поручено Бабушкину. Рассовать их по ящикам возле станков в мастерской было опасно, так как они могли попасть в руки мастеров. С большими предосторожностями Иван Васильевич все же распространил листовки, положив их на паровозную раму около котла и даже засунув в разбитое стекло мастерской. Цель была достигнута: слесари мастерской живо заинтересовались таким смелым и

ярким освещением только что происшедших на заводе событий. Правда, две листовки попали в руки мастеров, и те сейчас же передали их администрации завода, но все же, как отметил в своих «Воспоминаниях» И. В. Бабушкин, «опыт можно было считать удачным».

Глава 6
Агитатор и руководитель

Наступил новый, 1895 год.

Все шире и глубже развертывалась работа в подпольных марксистских кружках, объединяемых и руководимых В. И. Лениным. Новые и новые силы вливались в социал-демократическое движение столичного пролетариата. Колоссальная, кипучая деятельность Владимира Ильича давала обильные всходы: в различных заводских районах Петербурга вспыхивали открытые выступления ткачей, металлистов, портовых рабочих.

В. И. Ленин упорно работает над укреплением марксистских кружков, ведет непримиримую борьбу против «легальных марксистов».

Эти либеральные буржуазные интеллигенты старались приспособить рабочее движение к интересам буржуазии. Они печатали свои статьи в легальных газетах и журналах, всячески восхваляя буржуазию.

Из марксизма «легальные марксисты» выбрасывали самую его суть — учение о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата, — пытались превратить марксизм в буржуазный реформизм.

Политическое лицо «легальных марксистов» ярко выражено их представителем П. Струве, призывавшим «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму». По воспоминаниям Н. К. Крупской, члены петербургской социал-демократической группы были связаны между собой полной идейной солидарностью. В непримиримой борьбе с народниками члены этой группы под руководством В. И. Ленина окончательно оформили свое мировоззрение. Одновременно они отмежевывались от «легальных марксистов».

В. И. Ленин еще при первой встрече со Струве и Потресовым указывал им на необходимость революционной борьбы и беспощадно вскрывал попытки «легальных марксистов» противопоставить революционной борьбе всякого рода «культурно-просветительную деятельность».

25 апреля 1895 года, после перенесенной тяжелой болезни (воспаление легких), Владимир Ильич выезжает за границу, в Швейцарию. Там он знакомится с Г. В. Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда», договаривается об издании за границей сборника «Работник».

Важнейшей своей задачей В. И. Ленин считал в этот период установление связей с группой «Освобождение труда», личное ознакомление с формами и методами борьбы западноевропейского пролетариата.

Владимир Ильич внимательно изучает зарубежное рабочее движение (в Германии, Франции), знакомится с его руководителями (П. Лафаргом и др.). По окончании срока лечения в санатории В. И. Ленин работает в Берлинской публичной библиотеке, изучает выходящую за границей марксистскую литературу.

И. В. Бабушкин, к этому времени уже получивший немало указаний и советов от В. И. Ленина, становится одним из виднейших агитаторов нескольких рабочих кружков за Невской заставой.

На первых порах это было очень трудное дело. Прежде всего пришлось выдержать настоящий бой с мастером на заводе, так как участие в кружках, агитация среди рабочих поглощали немало времени. Мастер же требовал «работать экстру», сверхурочно. Бабушкин с двумя своими товарищами-слесарями категорически отказался подчиниться незаконному требованию. Мастер рассвирепел и дал всем троим «прогульную записку». Это было еще более незаконное действие, прямое самоуправство: получивший такую записку не мог две недели появляться на заводе, то-есть лишался полумесячного заработка. А когда «наказанный запиской» приходил через две недели к своему станку, мастер с нескрываемым торжеством победителя немедленно заставлял все-таки «работать экстру». Издевательски ухмыляясь, он ласково осведомлялся:

— Проветрился? Дурь из головы за две недельки вышла? Не хотел добром, заставим силком!..

Товарищи Бабушкина, получив «прогульную записку», задумались. Однако Иван Васильевич спокойно направился к фабричному инспектору и заявил ему об явном беззаконии.

Фабричный инспектор прикрикнул, было на Бабушкина, упрекая его в «своевольстве» и в «отказе от работы».

Иван Васильевич не дал себя запугать и по-прежнему спокойно заявил, что пришел к нему не за угрозами, а за выяснением совершенно незаконных поступков мастера. В тоне молодого слесаря слышалась такая уверенность и сила, что инспектор отступил: он забормотал о том, что якобы «не раз запрещал мастеру выдавать такие записки», и обещал лично приехать на завод разобрать дело.

Семянниковцы торжествовали: действительно, в мастерской вскоре появился фабричный инспектор и, поговорив наедине с

управляющим, отменил распоряжение мастера. Однако администрация завода, лишь только инспектор уехал, решила избавиться от «смутьяна», как злобно называл мастер Ивана Васильевича: Бабушкину выдали расчет. И все-таки стойкость, с которой Бабушкин требовал своего права у инспектора, произвела большое впечатление на рабочих.

«Этот случай, — пишет в своих «Воспоминаниях» Иван Васильевич, — вызвал много толков на заводе, и я даже был некоторое время героем, сумевшим подтянуть мастера. По-видимому, на короткое время там прекратили насильно заставлять работать вечера и полуночи с ночами». Бабушкину удалось вскоре устроиться на чугунолитейный завод, но уже не слесарем, а сторожем в лабораторию. Теперь у него было достаточно времени для работы в кружках.

После отъезда В. И. Ленина за границу Иван Васильевич принял деятельное участие в массовой агитации и среди рабочих Шлиссельбургского тракта.

* * *

Рабочие несколько раз собирались за фабрикой Торнтона, в лесу, на правом берегу Невы. На одной из таких сходок петербургские пролетарии почтили память умершего в 1895 году друга Карла Маркса — Фридриха Энгельса. Для конспирации сходку решили превратить в обычную прогулку, захватив с собой провизию и даже самовар. Чтобы не привлечь внимания «хозяйских ушей» и полиции, подпольщики пробирались в условленное место по двое, по трое, приезжали на лодках по Неве.

И когда на сходке прозвучал взволнованный голос В. А. Шелгунова, назвавшего Фридриха Энгельса, все безмолвно обнажили голову…

Шелгунов говорил недолго и негромко, но каждое слово его разносилось по лесной поляне, вызывая в слушателях образ незабвенного учителя, друга. Ведь многие рабочие читали произведения Энгельса или слышали о них. Они знакомились с положением рабочего класса в Англии, с развитием общества и государства по работам борца за освобождение рабочих всего мира, борца за светлое будущее человечества — за коммунизм.

Поэтому речи выступавших вслед за Шелгуновым были такими же задушевными и горячими.

По окончании сходки над лесной поляной, над широкой гладью реки раздалась дружная песня:

Не все же будет гений зла
Служить заплечникам в угоду,
Придет желанная свобода,
Всю нечисть выметет дотла!
И за мытарства долгих лет
Они во всем дадут ответ!

После сходки в лесу группа членов марксистских кружков и их руководителей решила устроить совещание под видом прогулки на пароходе по Неве. Мысль эта была очень хорошей: можно было в течение многих часов оставаться в тесной, дружеской среде. Договориться с пароходной конторой было поручено ГГ. Н. Лепешинскому. Он с успехом выполнил это поручение.

Ранним сентябрьским утром от одной из петербургских пристаней отошел пароход «Тулон». На его палубе и на корме расположилось около двадцати пассажиров. У всех были узелки и корзинки с провизией. Не забыт был даже, как и на лесной сходке, внушительных размеров самовар. Некоторые захватили гитары, мандолины. Молодой высокий литейщик, усевшийся на носу «Тулона» с гармонией в руках, приветствовал отплытие парохода бурным маршем.

День выдался на редкость теплый и безоблачный. Оживление и смех царили на палубе: многие пели, плясали, пытались с разбегу перепрыгнуть через сложенные пирамидой якорные цепи и бухты просмоленных веревок.

Команда парохода вскоре убедилась, что это обычная, мирно настроенная компания сослуживцев, решивших, по старинному обычаю жителей Охты, Черной речки, Васильевского острова и других окраин столицы, устроить «проводы осени». Но друзья не только веселились и пели: в то время как на палубе беззаботно резвилась молодежь, более пожилые сошли в каюты (весь пароход был зафрахтован для прогулки) и о чем-то вполголоса горячо беседовали… Затем на палубу поднялись «.старички», а в каюты спустились только что танцевавшие молодые кружковцы, также начавшие со своими руководителями оживленную беседу.

Пароход шел тихо, и казалось, что он стоит, а навстречу ему важно и медленно плывут редкие могучие сосны, огромные гранитные валуны, низкорослые северные березки. По желанию экскурсантов, «Тулон» остановился неподалеку от Шлиссельбурга. Пассажиры со смехом и песнями вышли на берег

и, убедившись, что поблизости никого нет, уселись в тесный кружок…

Лишь поздним вечером вернулись экскурсанты в Петербург, освеженные бодрящим осенним воздухом и воодушевленные дружескими беседами.

Осень 1895 года проходила для Бабушкина быстро и незаметно: он все глубже входил в подпольную жизнь, выполнял ряд поручений центральной группы пропагандистов, привозил в различные районы столицы руководителям марксистских кружков книги, брошюры и хранившуюся у него литературу. Он с нетерпением ожидал возвращения из-за границы В. И. Ленина.

В. И. Ленин вернулся в Россию 7 сентября, посетил Вильно, Москву, Орехово-Зуево.

Он немедленно принимается за укрепление и расширение социал-демократических организаций, той же осенью объединяет отдельные петербургские марксистские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», тем самым, закладывая основу для создания революционной марксистской рабочей партии.

Руководство всей работой «Союза борьбы» было поручено пяти членам центральной группы, стоящей во главе этой организации. В. И. Ленин возглавлял всю деятельность «Союза борьбы» и являлся редактором его изданий. Были созданы районные группы, в них входили самые активные передовые рабочие — члены подпольных кружков, связывавшие районные группы с фабриками и заводами.

Через районные группы руководители «Союза борьбы» распространяли в кружках листовки, брошюры, передавали для очередных занятий марксистскую литературу. В кружках изучались не только теоретические вопросы марксизма, но и вопросы текущей политической жизни. Таким образом, марксистские кружки на заводах, фабриках и других предприятиях Петербурга превращались в социал-демократические ячейки, где рабочие воспитывались политически.

В. И Ленин поставил перед «Союзом борьбы» задачу — перейти от узкой кружковой пропаганды марксизма к массовой политической агитации.

Петербургский «Союз борьбы» оказал огромное влияние на ряд социал-демократических кружков и групп различных областей и городов России.

Под влиянием петербургского «Союза борьбы» в Закавказье возникают марксистские организации, в Сибири — «Социал-демократический союз», образуется «Северный союз» социал-демократической партии из марксистских групп Иваново-

Вознесенская, Ярославля, Костромы. По примеру петербургского «Союза борьбы» разрозненные социал-демократические группы объединяются в такие же «Союзы борьбы» в Москве, Киеве, Екатеринославе, Орехово-Зуеве и во многих других городах.

В. И. Ленин еще с осени 1893 года зорко следил за назревающими событиями на фабрике Торнтона. Нечеловеческие условия труда и жизни ткачей должны были привести их к неминуемому открытому выступлению. Сигнал семянниковцев — их бунт в декабре 1894 года — был подхвачен торнтоновцами.

В течение 1895 года положение ткачей еще более ухудшилось: расценки систематически снижались.

Владимир Ильич детально изучил положение рабочих на этой фабрике, систему штрафов, принципы расценок отдельных работ, даже спецификацию и номенклатуру хлопчатобумажных товаров, в частности он получил сведения у браковщика торнтоновокой фабрики Кроликова.

5 ноября 1895 года под руководством «Союза борьбы» на фабрике вспыхнула забастовка. Вслед за тем «Союз борьбы» распространил среди торнтоновцев подпольную листовку «Чего требуют ткачи?» Ткачи с небывалым оживлением обсуждали ее. Вскоре появилась новая листовка, написанная В. И. Лениным. В ней разоблачался хитрый прием фабрикантов, решивших, провести снижение заработной платы не всем рабочим сразу, а исподволь, по отдельным цехам. В листовке убедительно доказывалось, что улучшить свое положение рабочие могут только общими дружными усилиями.

«Рабочие и работницы фабрики Торнтона!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всех нас памятными днями… — говорилось в листовке. — Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька… Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 р. 50 К. в полумесяц, в течение же этого времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на, 5 р., семьей из мужа, жены и ребенка — всего на 2 р. Они поспустили последнюю одежонку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтоны наращивали миллионы на свои миллионы. Но и этого всего было мало, и на их глазах выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью…»

В. И. Ленин приводил далее конкретные требования, которые

должны предъявить хозяевам рабочие прядильного отделения, новой красильни, а также чернорабочие. Стачка на фабрике прошла дружно: 5 ноября забастовало пятьсот ткачей, 6 и 7 ноября к. ним присоединились, несмотря на все уговоры испуганных фабричных инспекторов, и остальные рабочие. В продолжение трех дней фабрика стояла. Эта стачка ткачей вызвала (10 ноября) забастовку и даже открытое выступление работниц папиросной фабрики «Лаферм»: здесь, так же как и у Торнтона, царил произвол администрации, издевательства мастеров над работницами, чудовищная система штрафов, явно несправедливая браковка готовой продукции.

Администрация фабрик Торнтона и «Лаферм» вынуждена была несколько отступить; требования торнтоновцев были частично удовлетворены, и впервые столичный пролетариат увидел воочию, какая сила кроется в сплоченности и организованности рабочего класса.

Значительная доля успеха борьбы ткачей заключалась в боевой мобилизующей силе листовок, изданных «Союзом борьбы» под непосредственным руководством В. И. Ленина.

«Союз борьбы» впервые в истории русского революционного движения стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением. Стачки на заводах и фабриках столицы находили немедленный отклик в листовках «Союза борьбы». А так как «Союз борьбы» был через членов кружков хорошо осведомлен об условиях труда на заводах, о причинах стачки, то каждая листовка била прямо в. цель, показывая рабочим истинное положение дела. Листовки разъясняли бастующим, каков должен быть дальнейший путь борьбы за коренные изменения условий существования, выдвигали политические требования и учили, как надо бороться за их осуществление.

Департамент полиции, встревоженный сведениями о растущей активности членов «Союза борьбы», поступавшими от филеров и провокаторов (врач Михайлов, рабочий Кузюткив), сумевших проникнуть в некоторые марксистские кружки приказал! петербургскому охранному отделению «усилить наблюдение за весьма преступным сообществом лиц, именующих себя «социал-демократами».

За В. И. Ленивым и его ближайшими соратниками по «Союзу борьбы», слежка в особенности усилилась осенью 1895 года.

В. И. Ленин осенью и в начале зимы: 1895 года написал для первого номера нелегальной газеты «Рабочее дело» ряд статей, подготовлял новое большое собрание рабочих нескольких районов. Но в начале декабря руководство «Союза борьбы* во главе с В-. И. Лениным было арестовано.

«8-го декабря журнал был готов к печати, на другой день должен был быть сдан в типографию, — пишет Н. К. Крупская. — Ванеев взял к себе рукопись для окончательного просмотра. Но когда утром на другой день я зашла к Ванееву, чтобы взять рукопись, отворившая дверь горничная сказала, что Ванеев никогда тут не жил, а потом, что он уехал сегодня ночью. В течение дня мы выяснили, что арестовано из нашей группы 6 человек: Ленин, Кржижановский, Запорожец, Ванеев, Малченко, Старков. Их потом в шутку называли «декабристами».

Однако арест не остановил революционную работу основателя «Союза борьбы». Владимир Ильич сумел из тюрьмы установить связи с оставшимися на воле друзьями. Бабушкин и его ближайшие товарищи остро чувствовали отсутствие такого глубоко образованного и опытного руководителя, каким был В. И. Ленин.

После ареста Ленина Бабушкин стал во главе группы пропагандистов — руководителей рабочих кружков в районе Шлиссельбургского тракта. Со свойственной ему искренностью и прямотой Иван Васильевич писал о тех трудностях, с которыми пришлось ему встретиться на этой ответственной и важной работе:

«Как год тому назад я положительно целиком был занят восприниманием разных хороших слов и учений от интеллигентов и в школе — от учительниц, и изредка появлялся на собраниях несмелый и стеснительный, так теперь приходилось всюду проявлять самостоятельность, приходилось разрешать самому всякого рода вопросы, возникающие в кружках, на фабриках и заводах и в школе. Иногда и чувствуешь, что ты не очень компетентен, но говоришь, советуешь, разъясняешь только потому, что лучшие и умные руководители уже высланы, и раз пала обязанность быть передовым, то отговариваться было невозможно. Не думаю, чтобы с моей стороны не было промахов, но следить за собою самому очень трудно, все же мною была употреблена в дело вся энергия и предусмотрительность».

В этих строках ярко обрисован характер Бабушкина, его партийное отношение к делу, беззаветная преданность «Союзу борьбы». Иван Васильевич стремился ознакомить как можно больше рабочих с задачами, которые ставили себе члены «Союза борьбы». Но в то время далеко еще не все рабочие, а в особенности, недавно приехавшие в столицу из деревень, понимала, чего же добиваются их товарищи — члены подпольных марксистских кружков. Даже сами названия «социалист», «политический преступник» были мало понятны многим рабочим. Администрация заводов и всевозможные прислужники царизма

распускали клевету о том, что якобы «социалисты идут против всех», что они «опасные злодеи». Поэтому Бабушкин написал листовку «Что такое социалист и политический преступник?».

Горячо и волнующе звучали последние слова листовки: «Не будем же, братья товарищи, поддаваться обманным речам тех, кто нас держит во тьме невежества, будем стараться выяснить себе истину, чтобы идти к освобождению от теперешнего рабского состояния.

Силы наши велики, ничто не устоит перед нами, если мы будем идти рука об руку все вместе.

Ваш товарищ рабочий».

Несколько раз Иван Васильевич переписывал листовку начисто, стараясь, чтобы любой прочитавший ее рабочий отчетливо понял, кто его враг и кто истинный друг. Бабушкин не мог посоветоваться теперь со своим руководителем по кружку, как это было во время его совместной работы с В. И. Лениным над листовкой к торнтотовцам, но он чувствовал, что написанное им обращение найдет доступ к рабочему сердцу. Эту листовку Иван Васильевич показал, прежде всего, своей учительнице по воскресной школе — Н. К. Крупской и оставшимся на свободе членам «Союза борьбы».

И. В. Бабушкин в конце декабря 1895 — начале января 1896 года распространял листовки на различных предприятиях Шлиссельбургского тракта, проводил занятия в кружках и был связным между рабочими-кружковцами и остававшимися на свободе соратниками В. И. Ленина — Крупской, Ленгником, Радчежш и другими.

Иван Васильевич, уже достаточно опытный в подпольной борьбе, по целому ряду признаков видел, что за ним установлено наблюдение: к хозяину его квартиры то и дело заходили под всякими предлогами незнакомые лица, подозрительно разглядывавшие всех квартирантов, старавшиеся невзначай или «по ошибке» заглянуть к Бабушкину. Жил Иван Васильевич в это время на Шлисеельбурпгском тракте, на проспекте села Фарфорового, в доме.№ 89. Хорошо — проинструктированный В. И. Лениным о приемах конспирации, Иван Васильевич принял все меры предосторожности, чтобы какой-либо ничтожной заметкой в записной книжке или случайно оставшейся запиской не дать жандармам хотя бы малейший след к розыскам других членов «Союза борьбы».

«Я очень удивился, что меня оставили на свободе, — писал в своих «Воспоминаниях» Иван Васильевич, — видимо, меня не арестовали с корыстной целью, желая выследить мои и со мной сношения, но это полиции не удалось».

3 января 1896 года Бабушкин в последний раз посетил своих друзей на Семянниковском и Обуховском заводах, передав связным пачку новых прокламаций. При этом он предупредил товарищей, чтобы они были готовы к новым обыскам и арестам, так как полиция принимала все меры для отыскания подпольной типографии. Поздно вечером Бабушкин съездил в село Александровское и посетил конспиративную квартиру, передав ожидавшим его друзьям подпольную литературу. Вернулся к себе домой Иван Васильевич уже за полночь.

Через день, 5 января, он лег спать ранее обыкновенного. Но не успела спуститься на шумный город ночная тишина, как в двери квартиры, где занимал маленькую комнатку Бабушкин, громко и настойчиво постучали. Через минуту в комнату вошли участковый пристав, околоточный надзиратель и городовые. В дверь заглянул испуганный хозяин квартиры.

— Мне поручено произвести у вас небольшой осмотр вещей, — почти любезно произнес пристав, соблюдавший столичный тон и всемерно старавшийся копировать гвардейских офицеров.

Обыск продолжался долго, но не дал никаких результатов, как ни старались околоточный и городовые. И вое же пристав, уже перед рассветом, негромко, как бы даже сочувствующим тоном: сказал:

— Хотя обыск и не дал никаких веских улик, но я все же должен… по совокупности, так сказать, имеющихся у нас сведений попросить вас одеться и следовать за мной. Иван Васильевич пожал плечами, видя полную бесполезность протеста, молча поднялся и стал одеваться.

Пристав в виде утешения начал распространяться па тему о том, что, возможно, арест этот «плод недоразумения, которое легко можно рассеять правдивыми показаниями», и что Бабушкина по недостатку улик скоро отпустят. Но Иван Васильевич, круто повернувшись на каблуках, так спокойно и вместе с тем презрительно посмотрел на красноречивого пристава, что тот, не закончив фразы, махнул рукой околоточному надзирателю.

Городовой распахнул настежь двери, и Бабушкин в сопровождении полицейских вышел на крыльцо.

— Что же это не в карете, без почета? — иронически спросил Иван Васильевич, увидев обыкновенные извозчичьи сани.

— Не хватает тюремных карет, — развел руками околоточный, — арестантов немало в эти дни.

Иван Васильевич знал, что арестованных отправляют или в Петропавловскую крепость, где правительство в течение десятков

лет держало в ужасных условиях политических заключенных, или в тюрьму под названием «Кресты», или в дом предварительного заключения.

Извозчик тронул с места крупной рысью. Пристав велел ехать малолюдными улицами, избегая центра города, хотя в этот ранний час лишь изредка мелькали силуэты прохожих. Наконец извозчик добрался до высокого серого здания, куда обычно привозили политических.

— В одиночную! — распорядился дежурный надзиратель, принимая от пристава арестованного Бабушкина.

Глава 7
В одиночном заключении

Длинный трехэтажный дом предварительного заключения угрюмо выделялся своими серыми корпусами на оживленной Шпалерной улице. В этой тюрьме политических заключенных держали в одиночных камерах.

Ивана Васильевича поместили в одну из одиночек первого этажа. На втором этаже, в камере № 193, был заключен его учитель В. И. Ленин. В этой же тюрьме находились Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец. Бабушкин с невольным чувством тревоги и одиночества приглядывался к непривычной тюремной обстановке.

Оторванный от друзей, от любимого дела — работы в подпольных кружках, Иван Васильевич хмуро и сосредоточенно осматривал свою одиночку. Тяжелая, массивная дверь открывалась со скрежетом, неприятно действующим на нервы. Она была устроена таким образом, что, простояв несколько мгновений открытой, с силой захлопывалась. От этого неожиданного стука заключенный поневоле вздрагивал, — закрытая дверь липший, раз напоминала ему, что он отрезан от всего мира, поставлен лицом к лицу с вымуштрованными надзирателями тюрьмы и жандармами.

Неподалеку от двери находилась железная кровать, привинченная к стене. На день кровать поднималась и закреплялась у стены, чтобы заключенный не мог лежать до положенных тюремными правилами «часов сна». На ночь, на кровать клали тонкий тюфяк, из которого выглядывала не то вата, не то какие-то хлопья. Подушка тоже не отличалась мягкостью — при первом же прикосновении к ней Бабушкин уколол палец о крупные куриные перья, которыми она была набита.

Стены камеры окрашены в серо-зеленый цвет. На кровати — такого же цвета суконное одеяло.

Белье насквозь пропитано дезинфицирующими средствами. В камере — едкий запах поташа и жавелевой кислоты.

Камера не проветривалась в достаточной мере, и спертый воздух вызывал постоянные головные боли. Мало того, в противоположном от кровати углу, почти под окном, находилась раковина клозета — нововведение, заменившее в столичной тюрьме исконную парашу. У стены, почти напротив кровати, вместо столика — железная, наглухо, закрепленная доска.

Сиденье тоже железное, узенькое и неудобное. Над столиком — небольшая полочка для посуды; на ней — жестяная миска для супа, жестяная тарелка для каши, деревянная ложка и кружка.

Камера очень мала — всего около четырех метров в длину и менее двух метров в ширину. Единственное окно, вернее окошечко, находилось почти под потолком. Свет еле струился в давно не мытые, подслеповатые стекла, заделанные к тому же железной решеткой. Если выглянуть из этого окна, то можно увидеть тюремный двор, похожий на мрачный глубокий колодец, сдавленный со всех сторон серыми стенами здания тюрьмы. Но ни выглянуть, ни даже подняться на подоконник нельзя, — заключенный мог лишь жадно глядеть на далекое небо, еле виднеющееся в глубокой амбразуре окна.

Длительное пребывание в такой тюремной одиночке неизбежно вело к тяжелым заболеваниям. Нередко заключенный впадал в неизлечимое психическое расстройство.

По воспоминаниям Н. К. Крупской, несколько соратников В. И. Ленина по петербургскому «Союзу борьбы» не вынесли суровых условий тюремного заключения и погибли. Запорожец сошел с ума, Ванеев заболел туберкулезом и вскоре, в первый же год ссылки, умер в Сибири.

Нужна была исключительная сила воли, исключительная целеустремленность, чтобы и в тяжелых условиях тюрьмы продолжать с прежней энергией борьбу за освобождение рабочего класса.

В. И. Ленин и в одиночной камере дома предварительного заключения оставался на революционном посту.

Ему удалось установить связи с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», в частности с Н. К. Крупской. Из тюрьмы В. И. Ленин пересылал своим товарищам написанные им листовки и брошюры, давал советы относительно дальнейшей работы «Союза борьбы». В тюрьме же он написал конспиративным способом, между строк медицинской книги, проект программы партии.

Н. К. Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине» пишет: «Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так в тюрьме он был центром сношений с волей.

Кроме того, он много работал в тюрьме. Там было подготовлено «Развитие капитализма в России». Владимир Ильич заказывал в легальных письмах нужные материалы, статистические сборники. «Жаль, рано выпустил», надо бы еще немножко доработать книжку, в Сибири книги достать трудно», — в шутку говорил Владимир Ильич. Не только «Развитие капитализма» писал Владимир Ильич в тюрьме, он писал листки,

нелегальные брошюры, высказывался по вопросам, обсуждавшимся в организации. Чтобы его не накрыли во время писанья молоком, Владимир Ильич делал из хлеба маленькие молочные чернильницы, которые — как только щелкнет фортка, — быстро отправлял в рот. «Сегодня съел шесть чернильниц», — в шутку добавлял Владимир Ильич к письму».

Несмотря на строгость тюремного режима, царившего в доме предварительного заключения, узники все же сумели установить с волей нелегальную переписку. Раз в неделю — по четвергам — к заключенным допускались на свидание родные.

Так как арестованные по политическим делам в 1895–1896 годах были в подавляющей своей массе молодыми людьми двадцатитрех- двадцатисемилетнего возраста, то к ним приходили почти каждый четверг «невесты» — члены подпольных рабочих кружков, учительницы воскресных школ. Этих «невест» присылал политический Красный крест. Они приносили продукты, среди которых особым вниманием заключенных пользовалось вишневое варенье: «можно с воли в «приношениях» (напр., в ягодах вишневого варенья), — вспоминает П. Н. Лепешинский, сидевший в доме предварительного заключения почти одновременно с И. В. Бабушкиным, — получать крошечные комочки бумаги с драгоценными информациями…» Заключенные, в свою очередь, ухитрялись пересылать записки, тщательно зашитые в швах рубашек, так как администрация тюрьмы разрешала отдавать на волю стирать белье.

Иногда заключенным удавалось перестукиваться с соседями по камерам. Но воспользоваться этим Бабушкину не пришлось: с одной стороны была пустая камера, а с другой — глухая стена.

Полное одиночество не сломило Ивана Васильевича: он держался в тюрьме так же твердо, как и в условиях подпольной напряженной работы. Он видел, что тюрьма — неизбежный этап нелегкой жизни профессионального революционера.

Твердость характера, революционная настойчивость и выдержка сказались и в распорядке жизни узника. Бабушкин ввел жесткий регламент дня и выдерживал его с завидной последовательностью. День проходил примерно так.

Едва забрезжит рассвет, Бабушкин поднимался, аккуратно убирал постель и, не торопясь, тщательно умывался. Затем «разминал косточки»: десятки, раз шагал по диагонали одиночки, размахивая руками и приседая.

Непоколебимая воля, горячая уверенность в победе рабочего класса поддерживали в узнике силы и энергию. Он не давал «шалить» нервам, наблюдал за каждым своим поступком.

Бабушкин особо следил за чистотой камеры: сам подметал

пол и аккуратно, для «обязательной гимнастики», натирал его (надзиратели предлагали самим заключенным натирать воском асфальтовый пол камеры).

После утреннего чая с затхлым черным хлебом Иван Васильевич доставал с полочки книги, клал на узенький столик разлинованную тетрадку и усердно занимался вплоть до обеда. Проглотив несколько ложек безвкусного супа-баланды и каши-размазни, Бабушкин снова читал, конспектировал и перечитывал книги и журналы тюремной библиотеки, стараясь отыскать в них статьи по истории Англии, Франции, статистико-экономические описания немецкой и бельгийской промышленности и т. п. И как бывал рад Иван Васильевич, когда ему попадалась статья, в которой освещалось положение английских горняков или французских ткачей.

Читал Бабушкин целыми днями. В тюрьме чтение являлось могучим оружием узника в борьбе с одиночеством. Заключенные-«политики» Петропавловской крепости, пересыльных тюрем, дома предварительного заключения находили в книгах своих верных друзей. В тюремной библиотеке преобладали старые журналы. Но немало было и переводных сочинений по различным разделам естествознания, географии, этнографии. Попадались даже книги по истории народного хозяйства и политической экономии, главным образом переводные.

Заключенным разрешалось получать книги и с воли, после тщательного просмотра их жандармским управлением. В тюремной библиотеке находились также личные книги заключенных, уже отбывших свой срок. Особенно интересные книги оказались именно в числе личных. Поэтому Бабушкин прилежно занялся самообразованием. То, что не удалось ему сделать в детстве и в ранней юности, он стремился наверстать сейчас. В камере почти всегда царил полумрак, желтовато-тусклый свет лампочки быстро утомлял глаза: сказывалась тяжелая болезнь, перенесенная Иваном Васильевичем в «проворной жизни».

Аккуратность и точность во всякой работе — характерные черты Бабушкина — проявлялись и в манере чтения: Иван Васильевич читал книгу вдумчиво, не торопясь, конспектируя те места, которые оказывались с первого раза особенно трудными для понимания. Еще в подпольном кружке Фунтиков с удивлением и в то же время с невольным одобрением отмечал эту систему занятий Бабушкина:

— Ты, Ваня, читаешь долгонько, но зато и помнить будешь навек.

Иван Васильевич, законспектировав какую-нибудь книгу по естествознанию или экономической географии, помнил долгие годы все подробности и в спорах с товарищами поражал их необыкновенно глубоким, критическим усвоением материала.

Но не только спасение от гнетущей тюремной тишины и одиночества находил в книгах Бабушкин. Узники использовали книги библиотеки и как средство общения между собой. Заключенные делали чуть заметные уколы иголкой под буквами. Эта переписка» хотя нередко и прерываемая тюремным карцером, все же скрашивала тягостные дни и недели одиночного заключения. В особенности невыносимо медленно тянулось время в первые месяцы.

«Много ли месяцев, а может быть, даже лет придется мне провести здесь, в этом полутемном погребе?» — думал Бабушкин.

Прошел февраль, март, а за ним и апрель, но дверь камеры по-прежнему не открывалась. Лишь глухо щелкала форточка-глазок и пронырливый, назойливый взгляд надзирателя то и дело ощупывал узника.

Наконец раздался грубый голос:

— Одеваться! Поедете с нами.

Первый допрос состоялся только четыре месяца спустя после ареста, в мае 1896 года. В закрытой тюремной карете Бабушкина привезли в петербургское охранное отделение, помещавшееся на Кирочной улице. Допрос вели попеременно то жандармский штаб-ротмистр Кузубов вместе с представителем прокурорского надзора, то сам начальник охранного отделения, опытный и ловкий сыщик Секеринский. Больше всего жандармов интересовал вопрос, кто же именно входил в рабочие кружки, что говорилось на подпольных сходках, какие и где были разбросаны листовки. Поэтому в начале допроса и представитель прокуратуры, и жандармы были предупредительны, мягки и вежливы. У жандармов было немало способов заставить допрашиваемого дать желательные для охранки показания.

Кузубов начал допрос с демонстративного показа Бабушкину объемистого дела в темно-зеленой обложке, на которой четкой канцелярской рукой было выведено:

«Дело особого отдела Департамента полиции. О розыске лиц по делам политического характера, подлежащих обыску и безусловному аресту. Крестьянина Ивана Васильева Бабушкина».

Кузубов, толстый, пожилой жандарм, недавно был переведен в Петербург из Одессы «за усердие к службе». Он пристально всматривался в лицо допрашиваемого. Представитель прокурорского надзора, молча, покуривая, держался в стороне. Бабушкина посадили так, чтобы свет из окна падал прямо на его

лицо. Иван Васильевич невольно прищурился: давно он не видел яркого солнца. Это не укрылось от Кузубова, перебегавшего глазами с лица подсудимого на пухлое «дело», на чистый бланк «протокола допроса № 1».

Около «дела» разложены были всевозможные справки, донесения, отношения, на которых фамилия «Бабушкин» была жирно подчеркнута разноцветными карандашами.

— Вот видите, молодой человек, — начал прочувственным голосом опытный и хитрый жандарм, — в какое плохое общество вы по неосторожности попали… Взгляните, ведь каждый ваш шаг у нас отмечен. Вот, например: вы были вместе с Тахтаревым 17 ноября, 25 ноября и 1 декабря 1895 года на рабочем собрании в квартире Меркулова и беседовали о прочитанных запрещенных книгах. Затем нам известно, что в августе вы были на сходке в лесу, где произносились речи о заграничном ученом Фридрихе Энгельсе.

Помолчав, Кузубов перелистал другое пухлое донесение и прочел:

— «2-го декабря 1895 года у Меркулова происходила большая сходка, на этой сходке были рабочие Бабушкин, Шелгунов и несколько интеллигентов… На сходке шла речь об устройстве рабочей кассы… Бабушкин несколько раз приходил к Ульянову Владимиру Ильичу и договаривался с ним о руководстве в рабочем подпольном кружке, именуемом «социал-демократическим».

— Аи-аи, как же это вы так неосторожны? — подал реплику помощник прокурора. Бабушкин молчал.

Кузубов, не смущаясь молчанием допрашиваемого, продолжал вкрадчивым голосом:

— Ну, конечно, мы понимаем, понимаем… сами были молоды, сами, хе-хе, увлекались, читали разные там книжки и брошюры… Вас ведь вовлекли по неопытности в эту преступную организацию, не так ли? Вы не беспокойтесь, ничего серьезного нет. Сообщите нам только все, что вы знаете, и мы вас освободим.

Затем он долго и нудно заполнял предварительные графы протокола — о месте рождения, о родных, о занятиях в Леденгском. Жандарм старался придать допросу характер почти мирного обычного разговора. В этот «разговор» вступил и представитель прокуратуры, интересовавшийся подробностями работы на соляных варницах, условиями труда рабочих — лесосплавщиков. Бабушкин отвечал на эти вопросы, красочно рисуя «соленую каторгу». Жандармы сочувственно раза два кивнули головой, — они надеялись, что узник я далее будет так же словоохотлив.

Но лишь только Кузубов приготовился записывать ответ на вопрос о составе подпольных кружков, как Бабушкин стал рассказывать совсем неинтересные для допрашивающих подробности о своих любимых книгах, о распорядках в заводских цехах и т. п. На поставленные в упор вопросы: кто, кроме него, работал в кружках? Кто был руководителем? — Бабушкин отказался отвечать наотрез. Тогда жандармы моментально переменили тактику допроса: с угрозами и руганью набросился на него «сам» начальник жандармского управления.

— Не знаешь?.. Забыл?.. Я тебе все напомню! В карцере сгною! На хлеб, на воду посажу!..

Бабушкин тихо, но очень твердо ответил:

— Напрасно вы кричите, погода сырая, можете горло застудить. И зачем это вы сразу перешли на «ты»? Я думал, что в столице начальство более вежливо.

Кузубов подскочил к нему, захлебываясь и крича:

— А вот этих лиц ты тоже, конечно, не знаешь?

Бабушкин внимательно посмотрел на фотографии В. И. Ленина, Запорожца, Старкова, Кржижановского и равнодушно ответил:

— В первый раз вижу.

И как ни старались жандармы, им ничего не удалось добиться от Ивана Васильевича. Кузубов вынужден был написать в протоколе № 1: «…отказался отвечать… фотографии не опознал… о составе кружков не знает…»

…Поздним вечером Бабушкина отвезли в дом предварительного заключения.

Иван Васильевич торжествовал победу, вспоминая каждый свой ответ. Он чувствовал, что жандармы не смогут из его показаний сделать нужные для них выводы. Они не добились от Бабушкина ни одного фактического указания, не узнали ни одного имени. Раздраженные его упорством, тюремщики удвоили наблюдение. Малейшая попытка перестукивания с соседями по камерам решительно пресекалась.

На втором допросе, состоявшемся лишь через три месяца после первого, Бабушкин по-прежнему то отвечал на вопросы следователя ироническими репликами, то оживлялся и сообщал два-три характерных факта издевательств мастера над рабочими на Невском заводе. Жандармы, несмотря на хитроумные подходы и вопросы, не могли ничего узнать и на этот раз. Твердость Бабушкина вывела Кузубова из напускного равнодушия и «всеведения»: жандарм заорал, вновь грозя арестованному карцером и лишением пищи.

В ответ на это Иван Васильевич пожал плечами и бросил в

лицо жандарму:

— Я был бы удивлен иными обещаниями.

Кузубов только махнул рукой, приказывая конвою отвезти арестованного в тюрьму.

Бабушкин уже освоился с тюремным распорядком жизни и спокойно ожидал следующего допроса. Однако дни шли за днями, а третьего допроса все еще не было. Жандармы по своей излюбленной тактике на целый ряд месяцев как бы забыли об узнике, надеясь, что он не выдержит и даст, наконец, более или менее откровенные показания. Они даже лишили Бабушкина прогулки, хотя эта прогулка скорее напоминала утонченное издевательство, так как заключенные «гуляли» в особых узких отделениях, выходивших в один общий коридор. Из этого коридора был лишь один, выход — в тюрьму. Одно отделение от другого было отгорожено окрашенным в коричневый цвет плотным, высоким забором. Увидеть заключенного, гуляющего в соседнем отделении, было невозможно. Гуляли политические и уголовные одновременно и располагались так, чтобы соседями политического заключенного с обеих сторон отделения были уголовные. Во всем была видна продуманная система изоляции политических заключенных. Жандармы изо всех сил старались, как заявлял старший надзиратель, «докурить» своего узника, добиться от него нужных им сведений, даже перевели его в холодную, почти неотапливаемую камеру.

Надежды тюремщиков оказались напрасными. Вместо уныния и покорности Бабушкин нередко начинал напевать вполголоса песню, которую пели его товарищи-рабочие, вспоминая на лесной полянке учителя и друга — Ф. Энгельса:

Придет желанная свобода, Всю нечисть выметет дотла!

На третьем допросе, в начале зимы 1896/97 года, Кузубов грозил Бабушкину лишением свидания с матерью, намекал даже на «крупные неприятности», которые может причинить матери его «недопустимое запирательство». Бабушкин любил мать, но все же остался по-прежнему тверд и непреклонен.

Более года провел Иван Васильевич в полном одиночестве, запертый в маленькой четырехугольной каменной клетке.

«Громаднейшее здание внушило с первого же взгляда к себе ненависть, но пришлось поближе ознакомиться с ним и сжиться с его привычками и уставами, а тринадцатимесячное с лишним заключение заставлю пережить все волнения, возникавшие за это время. За все это время не пришлось перекинуться ни единым словом, ни с одним из товарищей, тут же рядом сидевшими и, подобно мне, одинаково молчавшими, поддерживая гробовую тишину в продолжительные и длинные месяцы», — писал Иван

Васильевич в своих «Воспоминаниях».

Екатерина Платоновна несколько раз приходила в тюрьму, добиваясь свидания; подавала прошения в департамент полиции о скорейшем рассмотрении дела ее сына.

Однако свидания ей не дали. Тогда она ходатайствовала «об оставлении, по освобождении из тюрьмы, сына в С.-Петербурге», ссылаясь на его болезненное состояние. На прошении матери чиновник департамента полиции наложил краткую и сухую резолюцию, даже не приводя мотивов отказа: «Удовлетворено быть не может. 30 ноября 1896 г.».

Ниже этой бездушной резолюции обычным канцелярским почерком сделана приписка:

«Просительнице объявлено».

Полное одиночество, даже отказ от свидания с матерью не сломили твердости узника: он продолжал держаться прежней тактики.

Наконец канцелярия по производству особых уголовных дел при министерстве юстиции закончила доклад министру внутренних дел о «государственном преступлении 88 лиц», в числе которых указаны руководители «Союза борьбы» и рабочие — члены подпольных марксистских кружков.

В докладе отмечено, что, «начиная с декабря 1894 г., в столице стали разновременно возникать волнения среди заводских и фабричных рабочих, как-то: на Невском механическом заводе, в Новом Порту, в Новом Адмиралтействе, на Путиловском заводе, на фабриках Лаферма и Торнтона, причем среди рабочих подбрасывались воззвания, подстрекавшие к сопротивлению и борьбе с хозяевами и начальством… Еще в половине 1894 г. среди социал-демократов возникла центральная группа, в которую входили: помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, студенты Технологического института Василий Старков, Петр Запорожец. Результатом такой деятельности социал-демократов были упомянутые волнения на петербургских фабриках и заводах и распропагандирование многих рабочих, среди которых социал-демократы нашли себе деятельных сотрудников».

Большое внимание следователи министерства юстиции обратили на членов подпольных рабочих кружков:

«Относительно рабочих Ивана Бабушкина, Семена Шепелева и Ивана Яковлева дознанием установлено, что они, подчинившись влиянию руководителей… проявляли активное участие в агитации, причем Бабушкин, пользовавшийся особым доверием членов группы «старая интеллигенция», являлся посредником в их преступных сношениях с рабочими…»

17 декабря 1896 года министерство юстиции в дополнение к посланному министру внутренних дел заключению составило «Ведомость по делу о Санкт-Петербургском кружке «социал-демократов», в которой подробно зафиксированы как предложения прокуратуры и министерства юстиции «о мерах пресечения», так «предложения департамента полиции. 29 января 1897 года царь «повелеть соизволил» о высылке Бабушкина из столицы.

Ивана Васильевича вновь вызвали к Кузубову и объявили ему это «монаршее соизволение». Сестра Бабушкина, Мария Васильевна, ходатайствовала перед департаментом полиции) о разрешении остаться высылаемому брату в городе на два-три дня для свидания с родными. На этот раз департамент отнесся к просьбе милостиво.

Три дня пролетели быстро. Иван Васильевич повидался с матерью и сестрой, поделился впечатлениями о тюремной жизни, вспомнил с Екатериной Платоновиой Леденгское и стал готовиться «отъезду.

Глава 8
В Екатеринославском подполье

«В начале весны 1897 г. я поселился в Екатеринославе, — пишет в своих «Воспоминаниях» И. В. Бабушкин. — После тринадцатимесячного пребывания в петербургской тюрьме проехать свободным человеком, почти через всю Россию, было большим удовольствием, а оказаться в южном городе с началом весны было положительно приятно. Все ново вокруг, и люди совершенно как будто иные, не те, что остались там далеко в северной столице; суровые тюремные стены не мозолят больше привычного глаза, все дышит свободно, легко, а там — за другой улицей — уже широкая необъятная степь, манящая к себе свободного от работы человека».

«Свободный от работы человек»… В этом метком выражении И. В. Бабушкин точно определил положение, в котором находились сотни рабочих, высылаемых в административном порядке, без суда, из Петербурга, Москвы, Харькова и из других крупных городов.

С первых же шагов на месте своего нового жительства Бабушкин почувствовал всю тяжесть поднадзорного состояния. Прежде всего, нужно было явиться для регистрации в городское полицейское управление.

В Екатеринославе (Днепропетровск) уже были высланы зимой 1896/97 года несколько столичных рабочих, главным образом металлисты крупных заводов. Одни подверглись административной высылке за участие в массовой стачке весной 1896 года, другие — за то, что были членами петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Полицмейстер города Екатеринослава встретил нового высланного металлиста крайне грубо. «Хозяин города» топал ногами и кричал, что он не понимает, почему это административно высылаемые из Петербурга выбирают своим местожительством именно Екатеринослав.

— На что ты здесь надеешься? — свирепо уставившись на Бабушкина, кричал полицмейстер. — Думаешь, тебя здесь медом будут кормить? Не-ет, голубчик, поживешь здесь и на своей шкуре испытаешь, что я угощаю совсем другим! А насчет работы — попробуй-ка найди ее, хоть здесь и много заводов!..

Бабушкин хладнокровно выслушал эти злобные обещания начальства, ознакомился с «инструкцией о порядке и правилах поведения лиц, подвергнутых гласному надзору полиции в г.

Екатеринославе», и пошел искать себе пристанище. Денег было в обрез, только-только до поступления на какой-либо завод, и поэтому Иван Васильевич снял на Чечелевке, в доме № 13, уголок у рабочего Брянского завода Гажуры.

На другой день Бабушкин встал очень рано и отправился на одну из центральных площадей: еще в Петербурге он уговорился с питерским рабочим, также наметившим себе местом ссылки Екатеринослав, встретиться здесь немедленно по приезде. Вдвоем гораздо легче освоиться в чужом городе, легче подыскать работу, завести знакомства на заводах. Но как ни высматривал Иван Васильевич своего петербургского знакового, как аккуратно ни приходил несколько дней на условленную площадь, он его не встретил.

Неудача не обескуражила Бабушкина. Он начал поиски работы, и через несколько дней убедился, что полицмейстер был в некоторой степени прав: поступить куда-либо на работу оказалось очень трудна. Надо было иметь документ на право проживания в Екатеринославе. Но екатеринославская полиция, обязав Бабушкина, как «лицо административно высланное», являться каждую неделю в полицейское управление для отметки, отказалась выдать паспорт.

Все доводы Ивана Васильевича о том, что он лишь административно высланный, а не лишенный права на жизнь и на работу и не обреченный на голодную смерть, не оказали на полицмейстера никакого действия.

Дни шли, жить становилось не на что, и Бабушкин вынужден был в марта 1897 года обратиться с резким заявлением в департамент полиции, протестуя против подобного рода действий екатеринославских властей. «Здешняя полиция, — писал Иван Васильевич, — по получен»» бумаг, касающихся меня, отказала! мне в выдаче какого-либо вида на жительство… я систематически лишаюсь материальных средств к жизни, а потому мое положение делается невозможным, а смысле пропитания».

Заявление это подействовало, — недели через три из Петербурга пришло, наконец, в екатериноелавскую полицию новое отношение департамента полиции, и секретарь полицейского управления выдал Бабушкину «свидетельство на право жительства», но не паспорт. С пропиской этого свидетельства предстояло также немало хлопот и неприятностей и от квартирохозяев и от полиции, но Бабушкин все-таки получил надежду найти работу.

Еще в первые дни по приезде в Екатеринослав, расспрашивая своего хозяина комнатки и соседей-рабочих, Иван Васильевич узнал о распорядках на местных заводах.

В начале своих поисков он полагал, что поступить на завод будет легко. Однако оказалось совершенно иное. Куда бы ни обращался Бабушкин с предложением своих услуг, почти везде — и на заводах и на фабриках — его ожидал отказ.

«Средства начинали истощаться, а впереди — ничего приятного. Вставая утром часов в пять, — описывает поиски работы Иван Васильевич, — я отправлялся к какому-либо заводу и уже заставал там громадную толпу безработных людей. Иногда я держался несколько в стороне, иногда входил в самую середину этой толпы и сливался с ней. Большинство, конечно, были приехавшие из деревень, и, главным образом, орловцы. Они имели здесь земляков и надеялись при их помощи получить работу, что в большинстве случаев и удавалось: я часто видел выходивших с работы людей, которые день или два тому назад стояли со мной за воротами завода. У меня никого не было знакомых, и мои обращения к директору или мастеру с вопросом о работе постоянно кончались неудачей».

В воспоминаниях революционеров — социал-демократов, будущих большевиков, работавших в Екатеринославе в те годы (1896–1898), отражены такие же картины безработицы. Г. И. Петровский в своей книге «Детям о прошлом» говорит, что у ворот Брянского металлургического завода толпились тысячи безработных в тщетной надежде получить работу. Он сам испытал всю тяжесть безработицы, будучи в течение нескольких месяцев почти без всяких средств к существованию.

Более месяца Бабушкин, несмотря на высокую квалификацию столичного слесаря, не мог найти работу ни на одном из екатеринославских заводов. Иван Васильевич встречался с рабочими, уже получившими место на заводах, и расспрашивал их, не знают ли они о приехавших металлистах из других городов.

Однажды рано утром к Бабушкину вошел хозяин комнатки, пришедший с ночной смены, в сопровождении неизвестного рабочего. Познакомившись, гость повел Бабушкина на свою квартиру, где жили двое рабочих-петербуржцев, также административно высланных из столицы и искавших работу. Они были разных квалификаций: один из них оказался модельщиком крупного петербургского завода, другой — еще «фабричным мальчиком», хотя этому «мальчику» было больше 19 лет. Иван Васильевич с удовольствием беседовал с товарищами, вспоминая свою деятельность в подпольных кружках.

В особенности ему понравился «фабричный мальчик», которого он вскоре стал называть Матюшей (или Матюхой). Это был простой деревенский парень, окончивший лишь два класса

захолустной сельской школы. Но работа на петербургской фабрике, общение с пролетариями столицы скоро сделали из него активного участника рабочих выступлений. Матюха живо заинтересовался «правильными речами», как он говорил, членов марксистских кружков, стал часто ходить на подпольные собрания. С горящими глазами рассказывал он Бабушкину о невиданной еще в Петербурге стачке ткачей 1896 года. Все эти новые сведения поднимали дух, ободряли Бабушкина, не слышавшего в период своего заключения ничего достоверного о жизни рабочих столицы.

* * *

Работы все не было. У всех заводских ворот Бабушкин встречал те же толпы безработных, видел те же трафаретные дощечки: «Рабочих не требуется».

Наконец на исходе второго месяца поисков заработка Ивану Васильевичу с большим трудом удалось упросить мастера-итальянца крупного завода взять его «на пробу».

«Сдавать пробу» были обязаны все рабочие, вновь поступавшие на завод, так как мастер должен был убедиться в качестве работы слесаря. В зависимости от полученных результатов мастер и начальник цеха определяли рабочему жалованье. Каждый поступающий на завод старался как можно лучше выдержать испытание.

Бабушкин принялся за свою пробу с большим рвением. Но как Иван Васильевич ни старался, новый напильник в его руках оказался совершенно непослушным: за долгие месяцы тюремного заключения с ладоней сошли мозоли, кожа стала чувствительной. Иван Васильевич вскоре увидел, как на его «отдохнувшей» в тюрьме руке появилась водяная мозоль, сильно мешавшая при отделке детали. Часа через два усиленного, напряженного труда Бабушкин понял, что вряд ли ему удастся сдать пробу и поступить на этот завод.

Мастер-итальянец молча прохаживался по цеху, бесстрастно покуривая сигару, и совсем, казалось, не обращал внимания на старавшегося изо всех сил новичка. Во время короткого перерыва Бабушкин перекинулся несколькими словами с соседом, обрабатывающим на станке почти такую же деталь, которая была дана для пробы Ивану Васильевичу. Они сразу поняли друг друга: сосед оказался тоже питерцем, просидевшим год в «Крестах» и, так же как и Бабушкин, высланным в Екатеринослав.

Новый знакомый хотел всячески помочь товарищу в беде,

выжидая момента, когда мастер выйдет из цеха. Но итальянец все так же равнодушно прохаживался по нему, незаметно, но зорко наблюдая за Бабушкиным.

— Эх, парень, видно, бросить тебе прядется, смотри, руку вконец испортишь!.. — с сожалением вполголоса заметил сосед, когда мозоль на руке Бабушкина лопнула.

Однако Иван Васильевич, не обращая внимания на сильную боль, продолжал работать, обвязав руку носовым платком.

Стиснув зубы, стремился он, во что бы то ни стало закончить работу. С каждой минутой рука болела все сильнее, точность и тщательность отделки пробы сильно страдали оттого, что приходилось то и дело менять направление напильника. Глубоко переведя дух, Иван Васильевич попросил, было разрешения закончить пробу спустя несколько дней, когда немного подживет рука, но итальянец через переводчика ответил Бабушкину, что слабых рабочих завод не принимает и что новичок может получить деньги за проработанный день.

«Что я мог возразить против этого? — писал И. В. Бабушкин. — Конечно, ничего, и потому, чувствуя горькую обиду, получил 80 копеек (поденно было отмечено 1 р. 20 коп.) и с отчаянием ушел к себе на квартиру, совершенно упавший духом. «Каким образом, — думал я, — поступлю я теперь на другой завод? Ведь там такая же проба заставит натереть новые мозоли, и мне опять будет отказ, как слабому человеку, негодному для заводской работы». Я изыскивал способы добиться мозолей на ладони, но ничего не мог придумать. Моя рука болела недели две; затем я попробовал вертеть ладонью по палке, чтобы натереть мозоли, но это, наконец, надоело, и я бросил».

Вскоре после неудачной попытки сдать пробу и поступить на завод Бабушкин совершенно случайно встретил на платформе вокзала одного из своих хороших знакомых по Петербургу — Меркулова, рабочего, с которым Иван Васильевич не раз виделся на подпольных собраниях. Судьба обоих членов «Союза борьбы» была в значительной мере сходной: Меркулов был арестован почти одновременно с Бабушкиным, сидел в доме предварительного заключения и был выслан в Екатеринослав на такой же срок.

Конечно, Иван Васильевич обрадовался встрече с товарищем по подпольной работе, проживавшим, как выяснилось при первых же словах, в Екатеринославе уже третий месяц. Старые знакомые решили немедленно навестить третьего петербуржца-того самого металлиста, который сочувственно отнесся к Бабушкину во время сдачи им пробы. Составился маленький тесный товарищеский кружок троих столичных металлистов, имевших значительный

опыт подпольной работы.

Товарищи решили, что жить втроем и выгоднее и веселее. Они сняли комнату, в которой и поселились все вместе.

Бабушкин уже хорошо знал расположение заводов в различных частях города, он завел дружбу с рабочими металлургических предприятий. После длительных мытарств ему удалось устроиться на Брянский металлургический завод по своей специальности. Его знакомые питерцы нашли работу на маленьком заводике; один из них устроился даже мастером. Поступил на тот же заводик — вначале подсобным рабочим — и Матюша. На Брянском заводе Иван Васильевич познакомился с Г. И. Петровским, работавшим в инструментальной мастерской мостового цеха, куда был направлен при оформлении на работу и Бабушкин.

В своих «Воспоминаниях» И. В. Бабушкин пишет: «На этом заводе я нашел здесь одного хорошего и дельного человека Г. (Г. И. Петровского. — М. Н.). Этот Г. привлек мое внимание давно, и у меня с ним часто происходили продолжительные беседы, которые располагали нас положительно жить по-питерски».

Г. И. Петровский вскоре познакомил Бабушкина с молодыми рабочими завода, остро и живо интересовавшимися общественными вопросами.

«Я задавался целью разыскать все старые силы существовавшей организации и тогда начать что-либо делать, а покуда продолжал расширять круг знакомых… что мне легко и удавалось, — вспоминает Иван Васильевич. — Воскресенья у меня опять были заняты, я должен был делиться своими знаниями с молодежью, которую мне собирал иногда Г. Правда, он и сам нуждался во всестороннем развитии и для этого по вечерам бывал у меня, но тут главным врагом была знакомая мне система сверхурочных часов. Хотя я видел, что Г. физически сильно утомляется от такой работы, но не мог сильно настаивать на непременном оставлении ночных работ, так как он нуждался еще в выучке быть хорошим работником, и, кроме того, его заедала семейная обстановка, требовавшая непременной и сильной его поддержки в экономическом отношении. Таков был мой главный помощник в будущем».

На своих товарищей Иван Васильевич производил большое впечатление: в воспоминаниях ряда подпольных работников, членов марксистских рабочих кружков в Екатеринославе 1897 — 1899 годов Бабушкин охарактеризован смелым, энергичным и инициативным революционером. Работа в петербургском «Союзе борьбы» под руководством В. И. Ленина принесла свои плоды: в Екатеринославе Иван Васильевич широко развил свой талант

незаурядного организатора рабочей массы, выдающегося пропагандиста и руководителя.

На заводе Бабушкин держался независимо, всячески отказываясь от обязательных сверхурочных работ и заступаясь за подсобных рабочих, которых сильно донимали мастера сложной системой различных штрафов и отчислений от заработка. Трудно представить себе сейчас нечеловеческие условия труда, а также те унижения и оскорбления, которым подвергались рабочие екатеринославских заводов.

К. Норинский, работавший в 1896 году на Брянском заводе машинистом крана-вертушки, обслуживавшего мартеновский цех, пишет: «Работа спешная, нервируют все время; на тебя обращены сотни глаз и кулаков, в воздухе висит сплошное ругательство. К этому нужно добавить несовершенство техники того времени: все старались выезжать на рабочей силе. После отливки, едва сталь остыла, приступали к освобождению ее из форм. Вот эта уж работа была для некоторых рабочих сплошным адом. Можете себе представить вылитую массу стали в 1 000 пудов; затем большое количество пудов чугунных форм, которые успели тоже прогреться — все это находится на территории в 1–2 сажени!.. На моей обязанности лежит быстро бросить крюки над самыми формами… Один момент опоздания, и человек не выдерживал: ведь он стоял у самого огня, у него горело все лицо…

Работы у меня все 12 часов было много… за время работы снятия форм у меня на блузе выступала соль. Первый момент шел пот, после же он делался солью. Рубаха сильно твердела, делалась комком».

На заводе не проходило почти ни одного дня, чтобы несколько рабочих не получили серьезного увечья. Мастера и администрация завода вместо помощи надрывавшимся в этом огненном аду рабочим старались как можно чаще и больше штрафовать каталей, доменщиков, горновых. На заводе были подобраны грубые и дерзкие охранники-сторожа и даже специально выписанные ингуши, почти не понимавшие по-русски, знавшие лишь одно правило; бить рабочих нагайками и прикладами по первому знаку администрации. Неудивительно, что среди рабочих прокатного цеха, у мартенов-везде нарастало глухое недовольство.

По воспоминаниям Г. И. Петровского, Иван Васильевич вел себя с начальством очень независимо. Мастера пытались, было добиться от него покорности, но Бабушкин умел постоять за себя и за своих товарищей. С первых же дней работы на заводе у него начались столкновения с мастерами.

В особенности резкие стычки происходили у Ивана

Васильевича с Подшиваевым, мастером инструментальной мастерской. Этот рьяный прислужник заводской администрации почти сразу невзлюбил самостоятельно державшегося петербургского металлиста.

Мастер несколько раз пытался «оседлать», как он любил выражаться, этого нового рабочего, являвшегося примером стойкости для остальных товарищей по цеху. Но Бабушкин хладнокровно доказывал, что сверхурочные работы необязательны, что мастер не имеет права без начальника цеха снижать расценки, штрафовать по своему усмотрению рабочих по самым фантастическим, явно выдуманным причинам и т. п.

Разозленный мастер начал было грозить Бабушкину штрафами то за «невыполнение внутреннего распорядка», то якобы за «неточную обработку» детали. Иван Васильевич заявил, что он штрафов не принимает, считая эту систему дополнительной эксплуатации рабочих совершенно незаконной. В горячем споре, возникшем по этому поводу между мастером и Бабушкиным, мастер объявил ему о расчете.

Бабушкин был вынужден уйти с завода еще и потому, что срок временного свидетельства на жительство окончился и заводское начальство требовало паспорт.

Но паспорта полиция опять-таки не выдавала, ссылаясь на какие-то особые разъяснения департамента.

Новые поиски работы оказывались безуспешными: везде требовали постоянный, а не временный вид на жительство.

Обсудив свое положение, Бабушкин решил на работу не поступать, а целиком отдаться революционной деятельности. Это был первый уход Ивана Васильевича в подполье, первый его переход на нелегальное положение.

В эту трудную пору своей жизни Иван Васильевич нашел человека, который разделил с ним его жизненный путь, полный опасностей и тревог: он встретился с Прасковьей Никитичной Рыбас, ставшей впоследствии его женой. Это была скромная, простая работница. Познакомившись с Бабушкиным, Прасковья Никитична вначале стеснялась «столичного человека», целыми вечерами не произносила почти ни слова. Но вскоре лед робости и отчужденности растаял, — она все ближе присматривалась к спокойному, твердому, так много пережившему человеку и, наконец, увидела, что дороги их слились…

— А знаешь ли, Паша, какая трудная быть может жизнь у нас впереди? — спросил ее однажды Бабушкин.

— Знаю, Ваня, — ответила она и добавила: — С тобой мне будет везде легко!

Бабушкин глубоко ценил ее искреннюю любовь, ее горячее

желание помочь ему во всяком деле. Он подолгу и часто беседовал с ней, рассказывал ей о жизни в деревне, в столице. Прасковья Никитична стала верным помощником Ивана Васильевича.

Для того чтобы добыть кусок хлеба, Бабушкину приходилось браться за любую, даже поденную работу, при найме на которую не требовался паспорт. Несколько недель он работал землекопом при постройке большого склада на берегу Днепра. С непривычки, после многомесячного сиденья в тюрьме, ему было очень трудно войти в ритм работы, требовавшей большого физического напряжения и выносливости. Но с виду казавшийся далеко не сильным, худощавый, среднего роста петербургский металлист обладал совершенно незаурядной выдержкой, силой воли и вскоре стал выполнять норму наравне с издавна привыкшими к земляным работам поденными чернорабочими.

Работать землекопом пришлось, однако, недолго. После внезапной проверки паспортов и увольнения с постройки всех «не имевших постоянного вида» Бабушкин поступил в артель по разгрузке барж, приходивших с низовьев Днепра, доверху нагруженных полосатыми спелыми арбузами. На расстоянии трех шагов друг от друга, цепочкой становились поденные рабочие, и тогда казалось, что арбузы, только что темно-зеленой горой возвышавшиеся над бортами баржи, внезапно оживали и, словно мячи в какой-то быстрой игре, перелетали по десяткам крепких, растрескавшихся на жаре рук на берег, под прохладный навес из старого паруса.

— Эй-эй, молодчик! Шевелись, шевелись! — то и дело покрикивал старшой артели. Этот труд тоже был не из легких. Бабушкин вспоминал, что за долгий четырнадцатичасовой рабочий день ему платили сорок-пятьдесят копеек. Осенью разгрузка барж окончилась, и снова надо было искать работу. Спустя некоторое время Ивану Васильевичу удалось поступить на прокладку трамвайных путей. Строительство велось спешно, и начальство при приеме смотрело на документы сквозь пальцы.

Несмотря на изнуряющую физическую работу, Иван Васильевич по вечерам находил еще достаточно энергии для поддержания дружеских отношений со знакомыми рабочими на екатеринославских заводах и фабриках. С первых же дней своего появления в этом городе он осторожно, но тщательно и неутомимо устанавливал связи с революционно настроенными рабочими. До приезда Бабушкина в Екатеринославе существовали лишь отдельные группы социал-демократического направления, ведущую роль в которых играли интеллигенты.

В своих «Воспоминаниях)» Иван Васильевич отметил: «..до

нашей организации, положившей в основу начало широкой агитации по всем заводам, существовала старая организация, которую можно было назвать организацией ремесленного характера и которая ничем особенно ярко себя не проявила».

В промышленных городах юга России, как и в столице, быстро росла численность пролетариата, назревали неизбежные столкновения рабочих с капиталистами. Необходимы были кадры умелых организаторов для объединения рабочего движения, для придания ему массового и, самое главное, политического характера.

Эту работу в Екатеринославе с большим успехом выполнял И. В. Бабушкин. Владимир Ильич в 1913 году, говоря о начале массового рабочего движения и об основании партии, отметил:

«Десятки и сотни рабочих (подобных покойному Бабушкину в Петербурге) не только слушали лекции в кружках, но сами вели агитацию уже в 1894–1895 годах, а затем переносили организации рабочих другие города (основание екатеринославских организаций высланным из Питера Бабушкиным и т. п.)».

Во второй половине 1897 года Иван Васильевич уже создал крепкую группу подпольщиков-рабочих, среди которых были Г. И. Петровский, токарь Дамский и питерцы — Меркулов, Петр Морозов и Матюха.

Бабушкин с большим успехом применил среди екатеринославских рабочих указания В. И. Ленина о тесной увязке экономических и политических требований пролетариата, о глубоком изучении местных нужд рабочих того или иного завода, фабрики.

Агитационную работу Бабушкин вел теперь, применяясь к условиям труда на заводах и учитывая уровень развития своих кружковцев. Иван Васильевич сам без улыбки не мог вспомнить о первых шагах своей кружковой деятельности, о неумении конспирировать. Здесь, в условиях Екатеринослава, Бабушкин выступал уже как опытный подпольщик. Теперь он не напишет на классной доске: «На заводе скоро будет стачка», как когда-то сделал это на занятиях в воскресной рабочей школе. Умело и осторожно подходил он к каждому члену своих кружков, не торопясь, знакомился с его умственными запросами, исподволь, с выбором давал читать рабочим Джованьоли «Спартак», Войнич «Овод». «Овод» служил нескончаемой темой для разговоров об интригах духовенства, о поддержке религией господствующих классов, о значении твердости, товарищеской спайки в борьбе трудящихся за свое освобождение.

Подготовив почву беседами на историко-революционные

темы, Бабушкин переходил к злободневным вопросам политической агитации.

Большое влияние на молодежь екатеринославских заводов оказала листовка «Что такое социалист и политический преступник?», которую Иван Васильевич, несмотря на большой риск, ухитрился все-таки привезти с собой из Петербурга. Теперь члены подпольных марксистских рабочих кружков в Екатеринославе с увлечением читали, что «социалисты — это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов-хозяев».

О методах пропаганды, о способах ведения занятий И. В. Бабушкина в рабочих кружках Екатеринослава рассказывает Г. И. Петровский:

«В разговорах со мной Бабушкин старался узнать мои взгляды и стремления, выяснял мой умственный горизонт. Хотя я и много уже читал в те времена, но больше всего всякую дребедень, затемнявшую сознание. Когда я рассказал Бабушкину, что я читаю, он рассмеялся и обещал дать мне почитать нечто лучшее.

Вскоре товарищ Бабушкин пригласил меня к себе на квартиру. Когда я пришел к нему в комнату на Чечелевке, меня поразила, прежде всего чистота: опрятная кровать, столик, накрытый чистой скатертью, небольшая этажерка с книгами, портрет Карла Маркса над кроватью, — скромно, но очень уютно и приятно. Товарищ Бабушкин дал мне прочитать книжку о восстании рабов под руководством Спартака в древнем Риме.

— Вот прочитай эту книжку, — сказал он, — если понравится, тогда еще дам. Книжку о Спартаке я спрятал за пояс под блузу, понес к себе на квартиру в Кайдаки (рабочий район Екатеринослава) и здесь вместе со своим другом Павлом Мазановым прочитал ее с захватывающим вниманием. Неотразимое впечатление произвела на нас великая отвага Спартака, предводителя рабов, восставших против римских рабовладельцев и отчаянно боровшихся за свое освобождение».

Иван Васильевич дал Г. И. Петровскому еще целый ряд таких же волнующих, интересных для каждого рабочего книг: «Через сто лет» Беллами, «Углекопы» Э. Золя, «Овод» Войнич, рассказы Г. Успенского, сатиры Салтыкова-Щедрина, стихотворения Некрасова, его поэму «Кому на Руси жить хорошо», «Два брата» Станюковича, «В забытом краю» Найденова, «Историю культуры» Летурно, «Историю земли» Мушкетова, «Астрономические вечера» Клейна.

Лишь хорошо ознакомившись со взглядами, чувствами своих товарищей рабочих, лишь убедившись в их полной готовности вести революционную работу, Бабушкин приступал к организации

новых марксистских подпольных кружков. Как и в Петербурге, его не останавливали ни усталость после работы, ни дальность расстояния. Иван Васильевич неутомимо и аккуратно, всегда в точно назначенный час появлялся на Амуре, в Кайдаках, на Холмиках — во всех районах Екатеринослава, где намечались товарищеские встречи и беседы.

Рабочие, измученные двенадцатичасовым физическим трудом, буквально оживали, когда Иван Васильевич вел с ними беседу, неторопливую, глубоко продуманную, всегда задевавшую самые больные вопросы.

Бабушкин создал несколько кружков из рабочих Брянского, Трубного заводов, железнодорожных мастерских. Кружковцы на своих собраниях беседовали о прочитанном, главным образом о сатирах Салтыкова-Щедрина, о том, как будут жить люди при социализме (материалом служила книжка Беллами), о положении крестьянства после реформы 1861 года. Последняя тема неизбежно переплеталась с темой о положении рабочего класса, в частности с условиями труда на екатеринославских заводах.

Кружковцы собирались чаще всего в районе Чечелевских улиц (одна из них теперь в Днепропетровске носит имя И. В. Бабушкина), выходивших прямо в степь. Неподалеку находилось Чечелевское кладбище, на котором удобно было собраться небольшой группой под видом очень популярных на юге России «поминок родителей на могилках». Члены кружка читали «Экономические очерки» Карышева, затем талантливо написанные брошюры А. Н. Баха, вскрывавшие «хитрую механику» капиталистического угнетения, читали и горячо обсуждали первые, дошедшие в Екатеринослав марксистские работы Плеханова. На берегу Днепра шли страстные споры о методах борьбы с администрацией заводов, о способах защиты прав рабочих.

Бабушкин применял в своей кружковой работе те же испытанные методы, что и за Невской заставой в Петербурге: советовал членам кружков поближе знакомиться с настроениями и нуждами рабочих каждого завода в отдельности, собирать материалы для предъявления администрации требований, вскрывать нарушения фабричных правил, неправильные расценки и т. д. Большую помощь в организации кружков оказал Ивану Васильевичу его старый знакомый слесарь П. А. Морозов, арестованный в Петербурге в 1894 году и отбывший там немалый срок предварительного заключения, а затем высланный из столицы и приехавший в Екатеринослав.

Постепенно, месяца через три-четыре. Бабушкин на чаи подготавливать своих товарищей по кружкам к активной

пропагандистской работе. Кружковцы собирались то у Бабушкина, Петровского или слесаря Дамского, то в районе Холмиков. Иван Васильевич, убедившись в преданности всех членов кружка, в их глубокой тяге к объединению, предложил товарищам обмениваться друг с другом опытом своей подпольной работы. На одном из собраний кружка под руководством Бабушкина обсуждал самый острый вопрос: о снижение администрацией расценок на местных заводах.

Среди рабочих Брянского и Трубного заводов росло сильное недовольство. Почти на всех предприятиях города то и дело вспыхивали разрозненные выступления значительных групп рабочих, протестовавших против всевозможных притеснений предпринимателей и заводской администрации. На строительстве трамвая двое суток бастовали укладчики рельсов, не вышла на работу целая смена прокатного цеха на Брянском заводе, отказались принять новые расценки прокатчики Трубного завода. Но эти единичные, короткие выступления подавлялись заводчиками и полицией.

Наступил новый, очень важный этап деятельности Ивана Васильевича: члены подпольных марксистских кружков готовились к выпуску первых листовок с призывом к рабочим города.

Иван Васильевич решил найти совершенно изолированное помещение, чтобы в случае ареста не подвести своих товарищей. Он хотя в сильно нуждался в средствах, но подыскал отдельную недорогую комнату и переселился в нее.

Бабушкин и его товарищи усиленно хлопотали, чтобы достать типографский станок или хотя бы попытаться напечатать прокламации в какой-либо типографии. Однако все их старания не увенчались успехом: один из наборщиков, согласившийся было «провернуть» десяток-другой листовок, в последнюю минуту испугался и отказался.

В то время в Петербурге уже появились первые мимеографы, но Иван Васильевич знал, что за каждым покупателем этого прибора полиция устанавливает неослабное наблюдение, и сам стал мастерить печатающий аппарат. Он сделал железный стержень с выступами и ручкой, охватывающей своими гнездами концы железкой оси валика, затем послал Матюшу в аптекарский магазин за агар-агаром, приготовляемым из водорослей, раствор которого в известной пропорции с глицерином дает прекрасную упругую массу, необходимую для нанесения на валик.

Пришлось также похлопотать о подыскании бумаги, подходящей для печатания. Во избежание подозрений Бабушкин покупал бумагу в разных частях города. Ближайшие его друзья-

кружковцы помогали Ивану Васильевичу печатать листовки. Когда листовки были готовы, подпольщики решили немедленно распространить их в рабочих районах города. «Конец 97-го и начало 98-го гг. были блаженными временами в Екатеринославе для лиц, распространявших листки, — вспоминал И. В. Бабушкин. — Нужна была только смелость выйти ночью на улицу и, никого не встретив — ни городового, ни дворника, ни провокатора, ни шпиона, которые мирно спали, заняться разбрасыванием листков.

Мы хорошо воспользовались этим обстоятельством и благополучно возвращались домой, кой-где иногда встречая ночного сторожа, после хорошо сделанной работы».

Бабушкин и его товарищи-кружковцы часть отпечатанных прокламаций расклеивали на заборах и домах, а часть раскладывали на скамейках городских скверов, на лавочках возле домов и т. п.

Результаты этого первого выступления членов кружка Бабушкина были хорошие: шедшие рано утром на заводы рабочие поднимали листовки, положенные на их пути, или читали приклеенные к заборам. Рабочие многие листовки попортили, стараясь снять их с забора и унести домой, чтобы прочесть не торопясь и не опасаясь появления полиции.

Бабушкин решил в следующий раз листовки не расклеивать на заборах и стенах домов, а постараться распространить их среди самих рабочих.

Полиция и администрация заводов узнали о появлении листовок лишь на другой день, когда мастера и всякого рода «хозяйские уши» (их было немало и на екатеринославских заводах) донесли жандармам и хозяевам о возбуждении, с которым читают и обсуждают рабочие какие-то появившиеся ночью воззвания. Полицейские помчались отбирать листовки и арестовывать читавших, но шпикам и полиции досталось лишь две-три листовки. Арестовать же никого не удалось, так как рабочие надежно спрятали эти ободряющие, правдивые обращения их неизвестных друзей. Но полиция насторожилась, и за каждым рабочим, состоявшим у мастера или шпика «на заметке», было усилено наблюдение.

Ивану Васильевичу также пришлось убедиться, что даже в отдаленном, глухом районе появился какой-то нарочито по-крестьянски одетый человек высокого роста, частенько прохаживавшийся около маленького домика, где жил Бабушкин. Иван Васильевич, уходя вечерами из дому, прибегал к дополнительным мерам предосторожности: он оставлял ярко горевшую лампу на своем столике, окно занавешивал так, чтобы с

улицы нельзя было рассмотреть ни в одну щелочку, есть ли кто-нибудь в доме, а сам выходил через кухню во двор и направлялся к саду.

Пробравшись вдоль низенького, покосившегося забора до заросшего вербой и ольхой оврага, тянувшегося далеко в степь, Бабушкин осторожно перелезал через забор и спускался вниз. Сделав большой крюк, Иван Васильевич появлялся совсем не с той стороны, откуда его могли выследить филеры. Жандармы думали, что кружками рабочих руководит какой-либо интеллигент, живущий в центральной части города. Поэтому филеры долгими часами бесплодно ожидали появления человека подозрительного вида в почти обязательной по тому времени мягкой шляпе с огромными полями, с книгами подмышкой и внушительного размера палкой для защиты от собак.

А в это время Иван Васильевич глухими переулками и задворками, где перелезая через покосившиеся тыны, где шагая прямо по огородам, меж зарослей высокой кукурузы, по плетям огромных тыкв и арбузов, пробирался к маленькому домику на одной из Чечелевоких улиц.

Внимательно оглядевшись, Бабушкин осторожно дергал еле заметную веревочку, искусно спрятанную в пустой бочке у водосточной трубы.

В глубине домика тихо звякал колокольчик, дверь немедленно отворялась, Иван Васильевич входил к поджидавшим его друзьям. Затем он усаживался, вынимал из-за пазухи тетрадь или книжку, и начиналась увлекательная беседа, нередко продолжавшаяся до полуночного гудка.

Успех первых листовок придал бодрости кружковцам. Они с оживлением говорили о большом впечатлении, произведенном первыми прокламациями.

— Надо выпустить листовки специально для каждого завода! — предложил Иван Васильевич на одном из собраний кружка. В петербургском «Союзе борьбы» рабочие особенно интересовались именно такими листовками.

Через месяц каждая группа кружковцев получила по целой пачке подпольных листовок (двести-триста штук), предназначенных в отдельности каждому, крупному заводу. Написано было несколько разных листовок, обращенных к металлистам Брянского завода, железнодорожникам и даже к рабочим Каменского завода, расположенного в тридцати трех километрах от Екатеринослава. Всего удалось напечатать около трех тысяч экземпляров.

Для распространения листовок были намечены наиболее надежные, активные кружковцы. На каждый район вокруг того

завода, где надо распространить листовку, выделено было три-четыре члена «Союза борьбы». Закончив успешно свою работу, они делали пометки мелом в условленных местах, чтобы товарищи знали, что никто не арестован и все листовки распространены. Иван Васильевич вспоминал, что «у всякого был свой знак, чтобы не было однообразия. Этот способ был очень удобен и конспиративен».

Но как проникнуть на самые заводы, разбросать листовки непосредственно в мастерских, в цехах? Днем, на глазах мастеров и хозяйских соглядатаев, сделать этого было нельзя. И Бабушкин со своими ближайшими товарищами по кружкам придумал немало остроумных способов для того, чтобы листовки попали прямо в руки рабочих.

…Полночь.

По всему городу раздаются то заунывные, то резкие свистки и гудки: на заводах меняется смена. На несколько минут гаснет электричество: останавливают машины для обтирания и смазки. Этим блестяще воспользовался, по совету Ивана Васильевича, его верный подручный Матюша. Еще с вечера, положив в карманы и за пазуху несколько десятков листовок, он засел на заводском дворе.

Терпеливо и настороженно наблюдал молодой рабочий за ярко освещенными окнами мастерской. Ровно в полночь, лишь только свет погас, и над городом раздалась перекличка гудков многочисленных заводов, Матюша выскочил из ямы и стрелой понесся через двор к мастерской. Там, как и обычно, во время короткого ночного перерыва, многие отдыхали, — кто сидел на подоконниках, кто устроился прямо на полу, кто прилег в узких проходах за своим станком.

Матюша отлично знал каждый закоулок мастерской и, пробегая по проходам между станками, старался не наткнуться на отдыхающих. Прямо вдоль корпуса… поворот, еще поворот направо… небольшая лесенка наверх, в чертежную… еще несколько шагов — и перед ним дверь во двор.

И когда ровно через пять минут, вновь ярко зажглись электрические лампочки, рабочие двух цехов и мастерской с удивлением увидели, что вокруг них белеют и на станках, и на полу, и на лесенке свежие, только что отпечатанные листовки. Еще до прихода мастера ночной смены листовки были в надежных руках. А Матюша, еле переводя дыхание, уже шел не спеша переулками, с удовольствием похлопывая себя по пустым карманам. На некоторых же заводах листовки влетали во время ночного короткого перерыва в открытые вентиляторы, которые тоже останавливались на несколько минут, и в форточки. Рабочие

ночной смены находили листовки по дороге на скамейках, у киосков. Утром на всех заводах шли оживленные толки о «ночной манне небесной».

На каждом заводе горячо обсуждались вскрытые в листовках безобразия администрации, выставленные прокламациями требования об улучшении условий бытового обслуживания в общежитиях и системы заработной платы.

Самым наболевшим вопросом был по-прежнему вопрос о незаконных штрафах, о всякого вида поборах администрации, вроде отчислений «на икону наследнику цесаревичу». Сборы эти применялись так часто, что рабочие говорили:

— Не икону, а целый монастырь на наши денежки построить ему можно!

В распространении листовок Бабушкину помогал Г. И. Петровский, старые питерские друзья Морозов и Меркулов. Немало преданных друзей и товарищей сплотилось вокруг И. В. Бабушкина.

Как и в Петербурге, в Екатеринославе Иван Васильевич быстро завоевал доверие и старых кадровых рабочих, проведших десятки лет у горнов и в цехах, и молодых, только что поступивших на завод, как Матюша.

Большую помощь оказывала ему Прасковья Никитична. Она передавала товарищам листовки, наблюдала за сторожами, пока Бабушкин и Матюша разбрасывали прокламации на заводе, выполняла и другие поручения Ивана Васильевича.

* * *

В начале весны 1898 года несколько «Союзов борьбы» (петербургский, московский, киевский, Екатеринославский) попытались создать социал-демократическую партию, для чего послали своих представителей в Минск на I съезд.

Съезд по своему составу был невелик. На нем присутствовало всего девять делегатов. Работа съезда проходила без участия Ленина, так как Владимир Ильич в это время находился в ссылке в селе Шушенском.

На съезде было провозглашено создание единой Российской социал-демократической рабочей партии, был избран Центральный Комитет и выпущен «Манифест». Но в этом «Манифесте» ряд важнейших положений марксизма не нашел отражения: не указывалась задача завоевания пролетариатом политической власти, не говорилось о гегемонии пролетариата, о союзниках рабочего класса в его борьбе против царизма и

буржуазии.

Практически партия еще не была создана. I съезд РСДРП не выработал программы и устава партии. Хотя на съезде и был избран Центральный Комитет партии, но вскоре все члены его были арестованы. Поэтому в местных партийных организациях по-прежнему еще существовал идейный разброд. Не было также и руководства из одного центра.

Но провозглашение об образовании Российской социал-демократической рабочей партии имело большое революционно-пропагандистское значение.

На I съезд от Екатеринославского «Союза борьбы» был послан один из интеллигентов, работавших в подпольных кружках, — К. А. Петрусевич. Вернувшись в Екатеринослав, он был почти тут же арестован, едва успев сообщить о решениях съезда члену Екатеринославского комитета И. Лалаянцу. Лалаянц рассказал о съезде на довольно большом собрании членов «Союза борьбы», происходившем в целях конспирации за городом в поле.

На этом собрании был торжественно прочитан «Манифест» I съезда Российской социал-демократической рабочей партии.

После чтения «Манифеста» собравшиеся объявили себя Екатеринославоким комитетом Российской социал-демократической рабочей партии.

Наряду с кружковой работой, печатанием и распространением листовок Бабушкин много сил отдавал организации районных и общегородской рабочих касс взаимопомощи. По примеру борьбы рабочих в Петербурге Иван Васильевич знал, какое большое значение имеют эти кассы, какую поддержку они могут принести стачечникам.

Но самое главное то, что кассы взаимопомощи являлись школой дальнейшего политического воспитания.

«Был выработан «устав кассы» в резко революционном духе, и в одно воскресенье сделали общее собрание… я, конечно, говорил о рабочем движении, о необходимости организации и т. п., — отметил И. В. Бабушкин. — Потом прочел предлагаемый устав и спросил: подходит ли он, и могут ли они (рабочие — члены кассы взаимопомощи. — М. Н.) его принять. При этом пришлось говорить о необходимости распространения нелегальной литературы и, вообще, о противоправительственной деятельности. Все высказались за принятие устава. После этого приступлено было к чтению по пунктам и спрашивалось, ясен ли таковой, не следует ли дополнить или разъяснить его. После общего опроса каждый пункт считался принятым. Я особенно волновался за пункт, в котором говорилось, что всякий член обязуется распространять легальную и нелегальную литературу,

если это будет необходимо. Оказалось, что этот пункт прошел без возражений, а дальше, конечно, все пошло своим порядком».

Собрание по выработке устава кассы взаимопомощи происходило в Нижнеднепровске, в доме Стенцеля, № 41. Был избран библиотекарь и кассир, установлен трехпроцентный взнос в кассу с каждого заработанного рубля. Организация была названа «Начало».

Бабушкин не только принял самое деятельное участие в создании этой кассы, но и роздал на первом же собрании более пятидесяти нелегальных брошюр: «Как взяться за ум», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Морозовская стачка» и другие. Иван Васильевич напомнил членам кассы золотое правило: «Прочти — и дай прочесть другому!» Он говорил, что каждая прочитанная брошюра стоит выигранной стачки с фабрикантами, — подпольные листовки и книжки вооружают рабочих для победоносной борьбы с капиталистами.

Члены «Начала» вскоре завели связь с «Рассветом» — подпольной организацией рабочих в том же районе. Эта группа вначале уклонялась от общей деятельности с членами «Начала» и марксистскими рабочими кружками, даже несколько противопоставляла себя городскому комитету социал-демократов.

Иван Васильевич настойчиво и энергично боролся за объединение «Начала» и «Рассвета», за выступления екатеринославских рабочих против предпринимателей тесным единым фронтом.

Для совместных бесед и обсуждений члены кружков собирались и в подпольных квартирах и за городом. Комитет решил провести первомайскую массовку под благовидным предлогом прогулки по Днепру на лодках. Собралось человек тридцать «рыболовов» со всевозможными снастями и припасами; в корзинах виднелись связки бубликов, горлышки тщательно завязанных узких глиняных фляг, продетая на веревочку вяленая тарань. Молодые рабочие, весело переговариваясь и постукивая тяжелыми чеботами с подковками, шумно разместились на передних узеньких и юрких душегубках-челночках. А «рыболовы» постарше — на больших лодках — плоскодонках.

Слушая то веселые, задорные украинские песни, то старинные, спокойно-величавые казацкие «думки», Иван Васильевич вспоминал такую же почти прогулку своих петербургских товарищей на пароходе «Тулон», жаркие споры в каютах и на палубе, хлопоты о пикнике на берегу Невы.

Сейчас с ним новые друзья и товарищи. И навстречу плыли уже не холодные финляндские сосны и серые гранитные скалы, а солнечные, ярко-зеленые тополя, бескрайные поемные луга, и

звучала новая песня — грозная для врагов боевая «Варшавянка»:

Но мы подымем гордо и смело Знамя борьбы за рабочее дело, Знамя великой борьбы всех народов За лучший мир, за святую свободу!..

На «рыбалке» обсуждались самые острые, важные вопросы; было решено всемерно поддержать нараставшее недовольство рабочих Брянского завода.

Бабушкин предвидел, что при малейшем толчке накопившееся негодование выльется в открытое выступление, он хорошо запомнил бунт на Невском заводе зимой 1894 года. Назревали волнения и в железнодорожных мастерских и на Трубном заводе.

На Брянском заводе администрация продолжала свою линию всяческого преследования и притеснения рабочих. На завод был вызван отряд ингушей. Ингуши вели себя крайне вызывающе: безо всякого повода нападали на рабочих, разгоняли даже идущих втроем — вчетвером, так как хозяева завода больше всего боялись «выступления скопом». Между рабочими и стражей завода возникали постоянные стычки.

В марте 1898 года вспыхнул бунт: рабочие требовали от администрации обуздания не в меру рьяных сторожей. Волнения на Екатеринославском заводе Бабушкин осветил в издававшемся в Женеве органе «Союза русских социал-демократов». Это было первое печатное выступление «первого русского рабкора», как назвала И. В. Бабушкина Надежда Константиновна Кругаская.

Корреспонденция Ивана Васильевича была напечатана в «Рабочем деле» № 1 под заглавием «Из Нижнеднепровске (Екатеринославской губ.)».

Автор обстоятельно излагал причины массового бунта, указывал на преднамеренное затягивание администрацией завода рассмотрения насущных требований рабочих, на спаянность фабричных инспекторов с дирекцией завода, рассказал о последовавших массовых арестах.

В июне 1898 года произошла новая вспышка в поселке Кайдаки: одна из рабочих сломал доску забора, окружавшего завод, я тут же был убит ударом кинжала охранника-ингуша. Как до набатному колоколу, к месту происшествия со всех сторон сбежались товарищи убитого. Они разогнали стражу, ворвались на территорию Брянского завода, разломали и сожгли сторожевые будки ингушей, разгромили и также подожгли главную контору.

Волнение перебросилось на поселок, в котором толпа в порыве стихийного гнева разгромила винную лавку, двинулась к заводскому магазину.

Из центра города спешили вызванные перепуганной

заводской администрацией войска, стремглав неслись на запаленных лошадях пожарные, — весь город был встревожен бунтом на Брянском заводе.

Администрации завода удалось подавить бунт лишь при — помощи дополнительного отряда войск. Немедленно по окончании «беспорядков» на заводе были выпущены, по предложению И. В. Бабушкина, листовки — призыв к организованной стачке.

На суде, происходившем затем над рабочими Брянского завода, один из инженеров, пишет в «Воспоминаниях» Бабушкин, «показал много интимных сторон заводской деятельности (хотя, как начальник, он, конечно, был прохвост из первых). Этот инженер говорил, что в листках всегда пишут о понижениях расценок, о нежелательном отношении заведующих лиц к рабочим и разных других злоупотреблениях, что, естественно, находило всегда отклик в сердцах рабочих».

На каждом заводе страстно обсуждали причины бунта, вспоминали испуг администрации, трусость приехавшего из города начальства.

Осень и начало зимы 1898 года Бабушкин, меняя свое пристанище, чаще всего находился в рабочих районах города — Амуре и Нижнеднепровске. С чувством гордости и удовлетворения мог он теперь взглянуть на плоды своего неустанного труда. Ряд кружков — «Рассвет», «Якорь», «Борьба», «Вперед» — работал успешно, объединяя многих подпольщиков почти всех крупных заводов Екатеринослава.

Иван Васильевич писал в своих «Воспоминаниях»:

«Зимой 98 и 99 года Екатеринослав кипел во всех частях и районах революционной пропагандой и агитацией. На всех заводах были свои люди, которые собирали сведения, следили за настроением и указывали на всякого рода злоупотребления».

* * *

Наступила весна 1899 года. Екатеринославский социал-демократический комитет решил ознаменовать великий праздник рабочих. Первое мая выпуском листовок, отпечатанных типографским способом.

Иван Васильевич вместе с Морозовым и Петровским задумал оборудовать типографский станок на тот случай, если бы не удалось напечатать листовку в частной типографии. Он раздобыл шрифт, под благовидными предлогами обошел все магазины города в поисках материала для краски, поручил товарищу, члену

социал-демократического комитета, расточить в мастерской завода, где тот работал, небольшую трубу — цилиндр с маленьким конусом. Эта труба послужила основой для валика.

Усилия не пропали даром: с большой опасностью, почти на глазах мастера, труба расточена, со всеми возможными предосторожностями вынесена с завода и доставлена сначала в комнату Бабушкина, а затем в Заднепровье, на Амур, в квартиру Морозова. Здесь, как пишет И. В. Бабушкин, «на шестке стояла разная посуда с составами клея и патоки, на полу сосуды с отлитыми валиками, всюду признаки беспорядочности и государственного преступления. Тут же были и ручки и стальные оси для предполагаемых валиков, сделанных уже в третьем заводе третьим членом комитета».

В течение недели Иван Васильевич и его друзья буквально ни на минуту не покладали рук, спали урывками, питались всухомятку… Но какое воодушевление царило в тесной маленькой комнатке!..

«Работали весело, шутили, — вспоминает Бабушкин, — и в то же время присматривались и изучали, чего, собственно, не хватает в нашей машине. Оказалось, что шрифт был старый, и потому не могло выходить настолько хорошо, чтобы удовлетворить нас; все же можно было улучшить кое в чем, но не было пока времени и средств. Последних особенно было недостаточно, так как из города (от городского комитета социал-демократов. — М. Н.) получено было на все дело, на все расходы десять рублей, и с этими деньгами пришлось обернуться и купить зеркало и бумагу».

Плотно занавешенные окна не пропускали света, в комнате нестерпимо пахло краской и клеем.

Печатать было трудно: самодельный валик оказался слишком легким, краска ложилась плохо. Печатнику Морозову, для того чтобы получить хороший оттиск, приходилось сильно нажимать на валик.

Бабушкин и его друзья распределили между собой обязанности: один наводил на набранный шрифт краску и нажимал валик, другой клал бумагу и снимал уже отпечатанный оттиск; третий развешивал, а четвертый убирал высохшие листы. Затем все работники «вольной типографии за вольной рекой Днепром», как говорил И. В. Бабушкин, складывали листовки аккуратными треугольниками. Оставалось приложить комитетскую печать — и все было готово.

Благодаря дружной, самоотверженной работе не знавших отдыха подпольщиков было напечатано не менее трех тысяч первомайских листовок. В них Бабушкин и его товарищи по

комитету выставили ряд политических требований.

На каждый рабочий район выделили по двести-четыреста экземпляров; их удалось распространить своевременно. Жандармы во главе с ротмистром Кременецким, управлявшим розыском в жандармском отделении, бросились арестовывать владельцев типографий, не догадываясь, что листовки отпечатаны в подполье. Однако аресты случайных лиц, заподозренных в распространении листовок, не дали ожидаемых полицией результатов.

Комнату Морозова, где целую неделю печатались первомайские прокламации, подпольщики привели в порядок, валики разобрали, типографскую краску зарыли в землю, пол оттерли и отскребли от случайно попавшей краски. Но самого хозяина комнаты, П. А. Морозова, полиция арестовала на вокзале, когда он с листовками собирался выехать из Екатеринослава по поручению комитета на ближайшие от города заводы. Стойко держался на допросах старый слесарь, и жандармы так и не узнали у него, где были напечатаны прокламации.

В Екатеринославе наряду с существовавшим уже рабочим комитетом группа интеллигентов образовала свой комитет социал-демократов. Интеллигенты пытались захватить в свои руки руководство подпольными кружками.

В этих трудных условиях Бабушкин проявил немало такта и выдержки. Он решительно протестовал против раскольнических действий интеллигентов.

В то же время, в целях расширения и улучшения подпольно — издательской деятельности рабочего комитета, Бабушкин сумел применить силы и знания тех интеллигентов, которые искренно и честно хотели участвовать в рабочем движении. Было достигнуто соглашение о полном контакте между городским и рабочим комитетами, в частности о том, что писать листовки могут и рабочие и интеллигенты, но «окончательная редакция данного листка и признание своевременности и необходимости такового принадлежит раб. комитету… впоследствии эти вопросы почти не вызывали никаких столкновений, и рабочий комитет очень часто принимал листки, писанные городским комитетом, безо всякого изменения», — отмечает Бабушкин.

Оба комитета имели взаимных представителей; в рабочий комитет входил И. Лалаянц, а представителем рабочего комитета в городской входил И. В. Бабушкин.

Ивану Васильевичу приходилось вести борьбу не только с пытавшимися верховодить в комитете интеллигентами-либералами: росту движения екатеринославоких рабочих угрожали также и другие враждебные пролетариату силы. На

собраниях комитета несколько раз обсуждался вопрос о «княжеской милости»: Бабушкин и его товарищи сражались на двух фронтах — с интеллигентами-народниками, которые пытались еще на некоторых заводах и фабриках захватить руководство рабочим движением, и с легальными рабочими организациями, возникшими в тот период в Екатеринославе по инициативе… губернатора князя Святополк-Мирского. Этот губернатор решил подавить рабочее движение, направив его в безопасное для предпринимателей и властей русло «мирной, чисто культурной деятельности». С этой целью жена Святополк-Мирского обратилась к одной из руководительниц вечерних школ Журавской с просьбой помочь самому князю создать «в культурно-просветительных целях» легальный союз, в который должны были войти лишь «надежные рабочие».

Затем Святополк-Мирский лично беседовал с Журавской, излагал ей свои планы «общего умиротворения… совместной работы на благо отечества и обожаемого монарха» — словом, изобразил вполне просвещенного администратора.

Журавская была пленена «благородством и широтой возвышенных идей» сиятельного собеседника и обещала, конечно, свое полное содействие. Она немедленно с энтузиазмом сообщила об этом нескольким интеллигентам народнического направления, и вскоре в Екатеринославе родилось «рабочее общество» под покровительством самого светлейшего «хозяина губернии». Местный богач, пивовар Бош, с большой готовностью предоставил для первого собрания этого общества каменное здание, приказав лакеям встречать всех приходящих «с полным уважением, как личных гостей хозяина».

Пользуясь неограниченным влиянием на местных фабрикантов и купцов, князь с группой либеральных интеллигентов объявил о своем «добросердечном отношении» ко всякого рода «истинно-культурной деятельности» — к чтениям с туманными картинами, к организации библиотек для рабочих (разумеется, книги там должны были быть подобраны в «религиозно-нравственном духе») и даже к воскресным школам.

— Как они ни стараются туману напустить, а цель их ясна: обезвредить наше движение, а если удастся, то и выловить руководителей, — говорил Иван Васильевич на заседании комитета.

Поэтому решено было хорошенько проинструктировать рядовых рабочих, которые пошли на собрание общества. При обсуждении устава «рабочего общества» они начали вносить такие смелые предложения, что и Журавская и докладчик-интеллигент пришли в ужас.

Один за другим вставали из задних рядов зала рабочие (в первых рядах, как полагается, расположилась «чистая публика»: интеллигенты-народники, служащие Боша, переодетые чиновники канцелярии Святополк-Мирского) и требовали записать в уставе пожелания, которые шли вразрез с «истинно-христианскими» и «вполне культурными» затеями князя. Первое собрание «рабочего общества», к негодованию его высоких покровителей-организаторов, закончилось необыкновенным шумом: рабочие требовали устава, который давал бы им возможность открыто говорить на заседаниях общества о своих нуждах, предъявлять запросы к фабрикантам и даже к администрации города.

Народники пытались перенести обсуждение устава на более узкие собрания, надеясь, что им легче удастся стравиться с маленькой аудиторией.

Лучшим способом для разоблачения истинной цели этого «чисто культурно-просветительного» предприятия, этих чтений с туманными картинами Бабушкин считал издание газеты.

— Наша, рабочая газета сразу разгонит весь этот княжеский туман! — сказал он, ставя перед членами комитета задачу как можно скорее осуществить регулярный выпуск газеты, издаваемой типографским способом.

Осень и зима 1899 года прошли <в напряженной подготовке к выпуску первого номера нелегальной газеты. Ее решили назвать «Южный рабочий».

В самом конце 1899 года на особо секретном собрании городского комитета были обсуждены некоторые статьи, написанные для первых номеров. Одна из Статей была посвящена рабочему движению на екатеринославских заводах и фабриках. Смело и убедительно в ней рассказывалось о том, что пролетариат России уже поднял победоносное знамя борьбы за свое освобождение и что Екатеринославские пролетарии, не страшась репрессий правительства и предпринимателей, заняли свое место в этом великом движении. В газете намечено было поместить и ряд революционных стихотворений. В особенности понравилась всем становившаяся все более и более популярной в массах песня «Беснуйтесь, тираны…».

Иван Васильевич с помощью своих ближайших друзей — Морозова, Петровского и других членов комитета, оборудовал хотя и маленькую, но настоящую типографию; тяжелый чугунный цилиндр прокатывался по десяткам и сотням листов; на них возникали ровные ряды строчек, напечатанных уже не кустарным составом, а настоящей типографской краской.

Рабочие встретили свою газету с восторгом.

«И вот в январе 1900 года, — сообщает Иван Васильевич, — наконец, вышла долгожданная газета «Южный Рабочий». На рабочем комитетском собрании она была частично прочитана… тут же условились, когда и где распространить ее. Разумеется, всякий рабочий хватался за газету с особым интересом, а приученный листками, он неохотно отдавал ее полиции или мастеру.

На Брянском заводе в прокатной рабочие нашли один номер газеты и были очень удивлены содержанием.

— Смотри, да это как настоящая газета! Вон и хроника и корреспонденция!

И тут же пошли в укромное место почитать эту газету. Эта первая газета осталась у них надолго в памяти и подняла настроение, так как они увидели, что, несмотря на аресты, деятельность не только не сокращается, но, наоборот, все становится более умелой и сильной».

Бабушкин видел, что появление рабочей газеты оказывает громадное революционизирующее влияние на все слои общества.

Много номеров «Юрия» (так рабочие называли свою подпольную газету) отправлено было в окрестные рабочие поселки, на часто посещаемый Бабушкиным Каменский завод. Выход «Южного рабочего» сразу же был замечен и городскими властями. Начальник жандармского управления вынужден был донести об этом событии в Петербург, в департамент полиции, откуда посыпались строгие приказы о «немедленном принятии действенных мер для пресечения столь опасных явлений».

Миновали «блаженные времена», когда подпольщики Екатеринослава могли без больших предосторожностей расклеивать на Фабрике и в Кайдаках (рабочие районы города) сотни листовок; полиция разыскивала «Трамвайного» и «Николая Николаевича» — клички, под которыми был известен Бабушкин в разных частях города. Жандармерия сбилась с ног в поисках подпольной типографии. Филеры доносили начальнику губернского жандармского управления о всяких мало-мальски подозрительных, с их точки зрения, вечеринках и сборищах на квартирах у рабочих. Начальник жандармского управления и полицмейстер, подгоняемые шифрованными телеграммами департамента полиции, всеми силами стремились искоренить «крамолу». Но рабочие, передавая друг другу подпольную газету, держались крайне осторожно и предусмотрительно. Тогда жандармы решили применить испытанный прием: начали арестовывать рабочих на квартирах во время ночных обысков, вылавливая ночевавших гостей, приезжих с сомнительными документами.

Видя усиливающуюся слежку полиции, руководители марксистских кружков и в особенности члены городского социал-демократического комитета проводили свои собрания по конспиративным соображениям в различных и подчас малодоступных местах. Кто бы мог подумать, что на пустой, полузанесенной илом и песком барке, одиноко приткнувшейся к маленькому островку на Днепре, происходят заседания екатеринославских социал-демократов? Бабушкин требовал, чтобы члены комитета приезжали на лодках под видом охотников или крестьян, везущих деревенские продукты на городской рынок. Сторожевой видел с барки весь островок, весь Днепр, и поэтому шпики не могли нагрянуть внезапно.

Незабываемое впечатление производили эти поездки в тихую осеннюю пору на днепровский островок. Бабушкин любил природу, — впечатления раннего детства оставили в его душе след на всю жизнь, — и он невольно сравнивал картины поздней украинской осени с такими же видами осеннего леса в Леденгском…

Иван Васильевич старался крайне ограничить свои посещения заречной части города. Он по многим признакам видел, что негласное наблюдение за ним усилилось, но не хотел оставить Екатеринослав именно в тот момент, когда так успешно начата борьба с властями, когда в заводских цехах появляются уже не листовки, а новые и новые номера настоящей подпольной газеты. Надо было укрепить развернутую работу, обеспечить и в дальнейшем выпуск «Южного рабочего».

В декабре 1899 года и в январе 1900 года Иван Васильевич все свое внимание обратил на укрепление связей между подпольными кружками и главным образом на конспирирование работы Екатеринославского комитета РСДРП. По дошедшим до Бабушкина отрывочным сведениям можно было подозревать, что в состав членов объединенного комитета пробрался провокатор: был арестован Меркулов, последовал арест еще ряда работников комитета и руководителей подпольных кружков, о деятельности которых знал лишь очень ограниченный круг лиц — члены комитета. Иван Васильевич предупредил своих ближайших товарищей о надвигающейся опасности, о необходимости подготовиться к возможному ночному налету полиции.

Друзья настойчиво советовали Бабушкину, как одному из самых видных членов комитета, временно покинуть город. Иван Васильевич оттягивал отъезд со дня на день, пока не получил с виду такое обычное маленькое письмо. Прочитав его, Бабушкин просиял и торопливо стал собираться в путь-дорогу.

— Еду, Паша! — с волнением сказал он Прасковье Никитичне

в тот же вечер, показывая письмо: — К старому другу еду!.. Он из Сибири уже вернулся!

Между тем, получив новые сведения от провокатора, ротмистр Кременецкий приступил «к генеральной ликвидации»: две ночи подряд в рабочих районах Екатеринослава шли обыски и аресты по спискам, составленным провокатором, выдавшим почти весь комитет социал-демократов. Но комнату Бабушкина полицейские и жандармы нашли пустой.

* * *

Еще в ссылке В. И. Ленин упорно работал над программой партии, написав в конце 1899 года статьи «Проект программы нашей партии», «Попятное направление в русской социал-демократии». В. И. Ленин видел, что назрела необходимость связать между собой разрозненные, распыленные марксистские кружки и организации. Для объединения революционных сил, для выработки партийной программы, которую необходимо было принять на намечавшемся в ближайшем будущем II съезде партии, крайне важно было создать печатный орган — газету, которая мобилизовала бы все социал-демократические организации на борьбу за основные политические, идеологические и экономические вопросы.

Создать такую боевую, подлинно марксистскую, независимую от цензуры газету в условиях царской России, на территории полицейского государства было невозможно: неминуем провал всей организации, новые аресты и ссылки наиболее активных ее сотрудников и корреспондентов. Поэтому В. И. Ленин решил издавать газету за границей. В последний год сибирской ссылки В. И. Ленин разработал подробный план этой газеты. Для успешного выполнения этого плана требовался целый ряд организационных мероприятий. Возвратившись из ссылки, В. И. Ленин, со свойственной ему энергией начинает создавать опорные пункты будущей газеты, намечает сотрудников в ряде крупных городов (Уфе, Москве, Петербурге).

Поселившись в Пскове с 26 февраля 1900 года, В. И. Ленин начал устанавливать связи с социал-демократическими организациями окрестных городов. Он нелегально выезжал в Ригу к М. А. Сильвину для встречи с латышскими социал-демократами, в Петербург, в Нижний Новгород и другие города.

В марте — апреле 1900 года в Пскове В. И. Ленин провел совещание революционных марксистов с «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским) по вопросу

об их содействии изданию газеты «Искра» и журнала «Заря».

В. И. Ленин считал возможным привлечь «легальных марксистов» к созданию газеты с целью получить при их содействии необходимые денежные средства для издания «Искры» и в конкретных исторических условиях использовать «легальных марксистов» как временных «попутчиков» в борьбе против самодержавия.

Внесенный на обсуждение В. И. Лениным проект программы газеты «Искра» и журнала «Заря» представлял собой четкий план борьбы за создание революционной марксистской рабочей партии.

Струве и Туган-Барановский после обсуждения проекта дали свое согласие поддерживать «Искру».

Но позднее, в декабре 1900 года, П. Струве потребовал, чтобы общеполитический отдел был организован не в «Искре», а в ежемесячном «Современном обозрении», причем руководство «Современным обозрением» было бы поручено ему. «Искра», по его мнению, должна быть чисто рабочей газетой и освещать вопросы только экономической борьбы рабочих.

В. И. Ленин отверг домогательства П. Струве и отстоял свою идею создания общерусского политического органа революционного пролетариата, каким должна быть «Искра».

В. И. Ленин решил прервать переговоры с П. Струве. Плеханов, знавший об этих переговорах, колебался и фактически делал новые и новые уступки либералам, за которых настаивали «легальные марксисты» в лице Струве.

В апреле 1900 года в Псков приехал И. В. Бабушкин. В. И. Ленин был рад видеть своего ученика-кружковца. Несколько вечеров подряд он подробно и долго беседовал с Бабушкиным о работе Екатеринославского комитета социал-демократов, о подъеме рабочего движения на заводах этого крупного города, о борьбе, которую пришлось вести Бабушкину и с народниками, и с княжеским «рабочим обществом», и с сепаратными, дезорганизаторскими выступлениями отдельных групп либеральной интеллигенции. В свою очередь В. И. Ленин подробно ознакомил своего ученика с планом объединения местных социал-демократических комитетов вокруг общерусской газеты.

Горячо и убежденно он говорил о том, что каждый профессиональный революционер и каждый сознательный рабочий должен помочь организовать газету. Он сравнивал будущую газету с. лесами, возводимыми вокруг великой постройки — Российской социал-демократической рабочей партии.

В. И. Ленин придавал исключительно большое значение созданию кадров профессиональных революционеров: «…Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» — писал В. И. Ленин в своей знаменитой книге «Что делать?» в 1902 году.

Профессиональный революционер — это человек, беззаветно преданный партии, всю свою жизнь отдавший борьбе за победу рабочего класса. Профессиональный революционер избрал себе единственную профессию — революционную работу. Он должен обладать высокой принципиальностью, организаторскими способностями, опытом подпольной борьбы. По первому зову партии, по указанию своих ближайших руководителей профессиональный революционер обязан выполнить данное ему поручение, преодолеть всевозможные трудности и препятствия, он должен быть тесно связан с массами, с рабочим классом. В. И. Ленин говорил, что главным условием успеха работы профессиональных революционеров было то, что из всех классов капиталистического общества рабочий класс, в силу объективных экономических причин, наиболее способен к организации, а передовая, наиболее сознательная часть его, — к созданию революционной социал-демократической партии. В. И. Ленин также подчеркнул, что профессиональные революционеры сыграли основную роль в развитии русского пролетарского социализма.

И Иван Васильевич всеми силами старался помочь В. И. Ленину как в разработке общего плана будущей «Искры», так и в наметке практических шагов по перевозке и распространению марксистских книг и брошюр в различных городах России. Отмечая участие И. В. Бабушкина в выработке плана издания «Искры», В. И. Ленин писал:

«Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе — основателями «Искры» — и встретила с его стороны самую горячую поддержку».

Ленин всегда с интересом и вниманием выслушивал рабочих, непосредственно связанных с руководством марксистскими кружками, с изданием и распространением агитационной подпольной литературы. Он изучал и учитывал опыт их борьбы, особенности развития революционного движения в отдельных районах.

По воспоминаниям Надежды Константиновны Крупской, Владимир Ильич, живя в Пскове, вербует корреспондентов для «Искры», и ученик Владимира Ильича по Питеру Бабушкин

становится «первым рабкором вольной русской социал-демократической прессы».

Ленин делился с Бабушкиным конкретными планами создания постоянной сети агентов общерусской марксистской газеты. Эта сеть должна была, по мысли В. И. Ленина, охватить всю страну.

Не менее важная задача — организация транспортировки искровских изданий из-за границы в Россию. В. И. Ленин считал, что это один из главных организационных вопросов, и обращал внимание Бабушкина на города западной полосы страны, в которых можно было бы организовать своего рода «перевалочные пункты» для сортировки и дальнейшей отправки вглубь России искровской литературы.

В Пскове В. И. Ленин предложил остаться одному из своих соратников по петербургскому «Союзу борьбы» — П. Н. Лепешинскому.

«Данное им мне задание заключалось в следующем, — пишет П. Н. Лепешинский в своей книге «На повороте». — Я становился одним из агентов будущей социал-демократической газеты, которую предполагалось издавать за границей (не помню, было ли уже тогда для нее придумано название «Искры», под которым она скоро стала выходить, или же она еще не была окрещена). Постоянный пункт моего пребывания — г. Псков, где я становлюсь земским статистиком (Ильич уже подготовил для этого почву, и псковское статистическое бюро обо мне уже было осведомлено и меня ждет). Там я в обывательском смысле скромненько живу и конспиративно обслуживаю газету: посылаю для нее корреспонденции, собираю всяческие печатные и рукописные материалы, веду с ее секретарем шифрованную переписку, принимаю транспортированную из-за границы нелегальную литературу и либо до поры до времени храню ее у себя, либо распределяю по предсказанному мне назначению, устраиваю приют в Пскове для нелегальных работников, приехавших из-за границы для сношения с Питером, организую у себя под боком социал-демократическую группу для обслуживания все того же предприятия и т. д. и т. д. В общем же и целом Псков должен был, по мысли Ильича, служить посредствующим конспиративным пунктом, связывающим заграницу с Питером.

В Пскове я действительно застал вполне уже расчищенную почву. Побывав там раза два, Ильич успел произвести целую революцию в умах псковской смирно сидевшей радикальной разночинщины, группировавшейся, как это очень часто в те времена водилось, около «неблагонадежной» статистики».

В города близ западной границы В. И. Ленин предложил поехать Бабушкину. Иван Васильевич должен был там завести связи с рабочими марксистскими кружками, создать ядро будущих корреспондентов-рабочих ленинской революционной газеты. Прежде всего он направился в Смоленск. Сюда же приехала Прасковья Никитична, часто получавшая письма от Ивана Васильевича в условленный адрес одного токаря, работавшего вместе с Бабушкиным еще в Петербурге.

В начале июня 1900 года Бабушкины поселились на Духовной улице, почти на окраине города, в маленьком двухоконном домике-особнячке, утонувшем в зелени яблонь и лип старого, запущенного сада. Смоленск — древний русский город — расположился в холмистой местности на Днепре. Иван Васильевич в целях конспирации выбрал квартиру в наименее людной части города, неподалеку начинался выгон и глухой овраг, по которому на просторе бродили козы и овцы. Если бы появилось очередное «наблюдение», то шпика легко было бы сразу заметить.

Оглядевшись, Бабушкин через несколько дней начал подыскивать работу, чтобы в дальнейшем завести знакомства в заводской среде.

В то время Смоленск был типичным провинциальным городом, хотя и носил громкое название губернского: фабрик и заводов почти не было, развивалась лишь торговля льном, пенькой и зерном.

За год до приезда Бабушкина городское самоуправление, желая «содействовать дальнейшему процветанию Смоленска», как оно торжественно объявило в местных «Губернских ведомостях», начало работы по проведению трамвая. На строительство «электрической конки», так в то время называли трамвай, потребовалось немало квалифицированных слесарей, монтеров, путеукладчиков.

Бабушкин легко устроился на строительстве в качестве кладовщика, непосредственно подчиненного производившему работы городскому инженеру.

Вскоре он оказался на хорошем счету и у самого инженера, заведовавшего всеми работами по проведению трамвайной линии, и у его помощника — начальника строительной дистанции. Аккуратный, непьющий, бережно относившийся к поручаемым ему на хранение различным инструментам и оборудованию, к тому же хорошо грамотный кладовщик был настоящей находкой для технического начальства.

И простые землекопы, и слесари, и квалифицированные монтеры видели в новом кладовщике толкового и отзывчивого

товарища, всегда готового и оказать помощь дельным советом и написать письмо в деревню.

Месяца через полтора Иван Васильевич уже вполне освоился на своем месте. В город на лето приходили готовые на любую работу и за любую цену землекопы, лесосплавщики, камнебойцы из Духовщины, Ярцева, Дорогобужа.

Бабушкин завел большую и прочную дружбу с артелью вяземских крестьян, работавших на прокладке рельсов для трамвая. Выдавая землекопам, инструменты из кладовой, он заводил с ними беседу об их нуждах, а поздно вечером по пути домой продолжал начатый ранее разговор.

О многом мог и умел рассказывать питерский металлист. Несколько написанных им в деревни писем по просьбе артельных рабочих еще более сблизили молодого кладовщика и со старостой — пожилым, согнувшимся на работе крестьянином, и с парнями, впервые пришедшими на заработки в незнакомый губернский город. Простым языком писал в этих письмах Иван Васильевич о тяжелых условиях работы.

А когда в ответ из далеких лесных краев получались такие же безрадостные письма, читал их землекопам и каменотесам тоже Бабушкин. И опять, умело, заведя речь к случаю, по поводу того или иного вопиющего факта, описанного односельчанами рабочих в пространном письме, Иван Васильевич толковал о положении крестьянина в деревне, а рабочего в городе, говорил о том, каким путем можно выбраться трудящемуся человеку из беспросветной, подневольной жизни.

Тяжелое детство, прошедшее в далеком Леденгском, давало Бабушкину обильный материал для разговора и с вяземским землекопом, и с кардымовским каменотесом, и с ярцевским плотником.

Рабочие артели видели, что их собеседник сам прошел нелегкую жизненную школу, — в каждом слове Бабушкина, в каждом его сопоставлении, доказательстве чувствовалась не надуманная книжная схема, а доподлинная правда тяжелой и жестокой мужицкой жизни. Эти рассказы, меткие сравнения условий труда солеваров, каменотесов, слесарей и шахтеров производили на слушателей глубокое впечатление.

В воскресный день, расположившись с рабочими на берегу Днепра за городом, Бабушкин читал им нелегальные брошюры и листовки. Перед уходом домой он давал нелегальную литературу двум-трем наиболее развитым парням, и они по складам, но с воодушевлением читали листовки. В особенности понравилась им короткая, сильная и страстная листовка «Наш праздник (почему рабочие празднуют 1-е мая)» и известная брошюра Дикштейна

«Кто, чем живет?».

Так как городской инженер крайне торопился с окончанием строительства первой трамвайной линии, намеченной к открытию в 1901 году, то подобного рода «происшествие» сильно обеспокоило городские власти. Полиция и жандармы начали принимать «соответствующие меры»: многие слесари были арестованы; при обыске у одного из них нашли первомайскую листовку. В кладовой начальника дистанции землекопы, слесари и путеукладчики — все делились новыми вестями.

Однажды Бабушкин, чутко прислушивавшийся к разговорам — отзвукам ареста слесарей депо, узнал, что десятник хвалился перед землекопами: «скоро жандармы уж найдут, кого им надо… кто сбежал да здесь воду мутит». Вернувшись с работы, домой, Иван Васильевич предупредил Прасковью Никитичну, что в самом скором времени ей, вернее всего, придется пожить одной, пока он не даст ей весточки из другого города. Жена Бабушкина оказалась и на этот раз верным и преданным товарищем и другом: она молча кивнула головой и, собрав Ивану Васильевичу самые необходимые вещи, начала быстро и ловко упаковывать маленький чемодан и корзину.

Как опытный профессиональный революционер, Бабушкин предвидел надвигавшуюся опасность. Она была весьма реальной: действительно, начальник смоленского жандармского управления полковник Громеко в конце июля 1900 года получил секретное уведомление Екатеринославской жандармерии о розыске «бежавшего из-под гласного надзора полиции крестьянина Вологодской губернии Тотемского уезда Ивана Васильева Бабушкина». Вскоре было получено отношение екатеринославских властей с подробным описанием примет (и даже с шестью фотографическими карточками) «поднадзорного Бабушкина».

Жандармский полковник приказал своим подчинённым присматриваться ко всем рабочим, а в особенности к слесарям на строительстве трамвая, разыскивая человека «25–27 лет, роста невысокого, с открытым лицом, с зачесанными назад волосами». В качестве особых примет упоминалось о припухлости век.

Но поиски жандармов оказались на этот раз тщетными: 19 августа 1900 года Громеко вынужден был сообщить Екатеринославскому жандармскому управлению, что «поднадзорный Иван Васильев Бабушкин в Смоленске не разыскан». Предвидя арест, Бабушкин заблаговременно покинул город.

Прасковья Никитична переехала из домика на Духовной улице в другой, противоположный район города. С нетерпением,

в сильной тревоге ожидала она весточки от мужа. Неделя за неделей проходила в полной неизвестности. Крохотные средства, оставленные ей перед отъездом Иваном Васильевичем, подходили к концу. Но это не смущало верную подругу профессионального революционера: Прасковья Никитична не страшилась любой работы, она уже готовилась пойти на поденщину поломойкой или прачкой. Беспокоила ее лишь полная неизвестность об участи мужа.

Наконец через месяц, в конце сентября 1900 года, Иван Васильевич разыскал Прасковью Никитичну в новом месте ее жительства. Она с радостью убедилась, что муж ее здоров и по-прежнему полон планов дальнейшей революционной борьбы. В течение этого времени Бабушкин обосновался в Полоцке, думая открыть на своей квартире маленькую столярную мастерскую. Он рассчитывал, что вместе с Прасковьей Никитичной ему удастся создать хороший передаточный пункт для литературы, которая будет поступать в его полоцкий адрес из-за границы от Ленина.

Через день Иван Васильевич со своей женой уехал в Полоцк. Как вспоминает Прасковья Никитична, они жили в Полоцке очень уединенно, стараясь ничем не обращать на себя внимания властей.

Иван Васильевич вел шифрованную переписку. Между строками о приискании работы, о семейных делах особым химическим составом вписывались цифры условным ключом. Бабушкин переписывался с товарищами, проживающими в Екатеринославе, Полтаве, Москве, в частности с А. И. и М. Т. Елизаровыми. Письма Бабушкину от его друзей поступали на имя П. Н. Рыбас.

Ранней весной 1901 года Бабушкин направился в Подмосковье. Он и Прасковья Никитична проехали через Москву, пересели на нижегородскую ветку Курской железной дороги, и через несколько часов перед ними появилось Орехово-Зуево, старинная «ситцевая вотчина» Морозовых. Здесь, поблизости от Москвы и от больших мануфактурных предприятий Покрова, Иванова, Владимира, Шуи, Серпухова, в самом сердце текстильного Подмосковья должен был, по указанию В. И. Ленина, начать работу агент и корреспондент ленинской «Искры».

Глава 9
Первый русский рабкор

Далеко вокруг Москвы раскинулись текстильные предприятия братьев Морозовых, Павлова, Гарелина и других представителей быстро растущего российского капитализма. В воспоминаниях иваново-вознесенских подпольщиков об условиях их жизни в 1890–1900 годах скупыми словами нарисованы картины поистине каторжного труда на текстильных фабриках этого района.

После такой работы, придя на квартиру, рабочий спешил скорее лечь, чтобы вскоре начать работать снова… И так — без конца… люди становились ко всему апатичными, теряли аппетит, здоровье, начинали чахнуть.

«Табельщик Алексей Савельев вкупе, а влюбе с таким же негодяем, управляющим ткацкой фабрикой Н. Дербенева, и его помощник, в деревянном здании против конторы (от входа в ворота налево) устроили нечто ужасное, чему нет названия… Почти ни одна красивая или просто смазливая, симпатичной наружности девушка не миновала этого здания, если хотела работать на фабрике…»

Как писали даже местные «Губернские ведомости», преследования женщин были «бытовым явлением» на фабриках Гандурина, Бурылиш, Александрова и на многих других текстильных предприятиях, где широко применялся женский и детский труд.

— Не покоришься — не дам работы! — заявляло молодым работницам фабричное начальство.

Вот что сообщала одна из наиболее распространенных в то время в России газет, «Русские ведомости», об условиях труда детей в Иваново-Вознесенске:

«…Сырой миткаль поступает для просушки на так называемые сушильные барабаны… Температура в помещении сушильных барабанов стоит выше 40 градусов по Р. Нам, с непривычки, положительно нет никакой возможности пять минут пробыть в такой духоте, а между тем за этим усовершенствованным европейским аппаратом, просушивающим в день тысячи кусков, с утра до вечера ежедневно проводят такие же люди, да еще кто? Мальчики. Сидят они совершенно без всего, в чем только мать родила, за этими чудовищными «барабанами» и расправляют своими детскими ручонками складки миткаля; их преждевременно впалые щеки лишены всякого признака румянца, свойственного юному возрасту, глаза без выражения, потухшие, а

с бледно-матового лба ни на минуту не сходит пот. Вблизи этих (почти младенцев) работников находится ушат с водою, и они беспрестанно пьют целыми ковшами, стараясь утолить, хотя на одну минуту, вечно томящую их жажду… Я расспросил одного фабриканта — что за люди впоследствии выходят из всех этих мальчуганов, работающих при сушильных барабанах и на вешалках.

Он, немного подумав, дал мне такой ответ:

— Бог знает, куда они у нас деваются, мы уже их как-то не видим после.

— Как не видите?

— Да так, высыхают они…

Я принял это выражение за чистую метафору.

— Вы хотите сказать, что впоследствии они переменят род своих занятий или переходят на другую работу? — опять спрашиваю.

— Нет, просто высыхают, совсем высыхают! — отвечал серьезно фабрикант». Ничуть не лучше было положение ткачей в «вотчине Морозовых» — на Никольской мануфактурной фабрике близ старинных селений текстильщиков — Орехова, Зуева, Никольского.

И здесь «высыхали» в непосильном труде тысячи молодых жизней. Фабрикант-миллионер вел планомерное и все усиливающееся наступление на своих рабочих. С каждым годом пряжа выдавалась все худшего и худшего качества. Она постоянно рвалась, и мастера нещадно штрафовали ни в чем не повинных ткачей. Расценки то и дело уменьшались. В то же время количество аршин в куске выработанного миткаля увеличивалось: если в начале года в куске миткаля считали пятьдесят пять аршин и платили за выработку этого куска сорок восемь копеек, то в конце того же года в куске оказывалось шестьдесят пять — шестьдесят семь аршин, а платили лишь тридцать восемь — сорок копеек.

Администрация систематически уменьшала число подсобных, обслуживающих станки рабочих: вместо одного подмастерья на пятьдесят станков поставили одного на шестьдесят, а затем и на семьдесят станков. В результате он не успевал наладить вовремя почему-либо вышедшие из строя станки, и ткачам записывался вынужденный, хотя и не по их вине, прогул. От этого заработок сильно снижался. Иногда больше половины дня пропадало из-за простоя станка.

Бичом рабочих были и частые переделки — приспособление станков для выработки других сортов текстильного товара. Простои, связанные с этими «переходами станка», администрация

ее оплачивала. А если ткач по болезни хоть один день не выходил на работу, Морозов приказывал оштрафовать его на три рабочих дня; за два прогульных дня штрафовали на шесть дней и т. д.

Главный мастер — «всемогущий царь и бог», как называли его в ткацкой мастерской, — зачастую даже не давал себе труда объяснить, за какую вину наложен непомерный штраф. Сам хозяин фабрики подавал пример зверского отношения к рабочим: Морозов нередко появлялся в ткацкой, медленно обходил станки и вдруг схватывал, мял и бросал в сторону готовую продукцию того или иного ткача, лучше которой нельзя было выработать на станках этой фабрики.

— Штраф!.. Двойной!.. С фабрики сгоню!.. — раздавалось среди монотонного жужжанья станков, и несчастный ткач стоял молча, не зная даже, что именно не понравилось всемогущему хозяину в добротно и аккуратно сделанном куске миткаля или ситца. Преследования ткачей не оканчивались за дверями мастерской: даже в фабричной лавке, куда рабочий вынужден был итти за продуктами, он отчетливо чувствовал тяжелую хозяйскую руку. Часто приказчик с презрением бросал ткачу в лицо его заборную книжку.

— Перебор. Ничего не дам.

Это значило, что за рабочим, по хитроумным лавочным подсчетам, числится взятых продуктов больше, чем ему открыт кредит согласно «ведомости выработки», составленной администрацией фабрики. Обремененному семьей ткачу ничего не оставалось другого, как брать вместо фунта мяса селедку «с запашком», так как приказчик не соглашался отпустить ничего иного.

Чаще же всего после длительных объяснений и просьб ткачи под неистовую брань приказчика были вынуждены уходить с пустыми руками и ждать, когда «перебор с выработкой сквитается».

Невыносимые условия труда вызывали все усиливающееся недовольство ткачей Морозовской мануфактуры. Вначале они пытались просить своего хозяина о смягчении почти тюремного режима, введенного им не только на фабрике, но и в казармах-общежитиях, а затем в январе 1885 года организовали стачку.

Во главе стачки стал передовой рабочий Петр Анисимович Моисеенко, имевший уже опыт революционной борьбы как бывший член «Северного союза русских рабочих». На тайном совещании ткачей, незадолго до начала стачки, были выработаны требования к администрации фабрики, главным образом касающиеся отмены грабительских штрафов, упорядочения расценок и дней выплаты заработка.

Весть о начавшейся стачке произвела сильное впечатление не только на администрацию Владимирской губернии, но и на министерство внутренних дел. Морозов, бывший в это время в Москве, начал забрасывать телеграммами владимирского губернатора, прокурора, министра внутренних дел, прося «не оставить приказать принять меры к прекращению беспорядков». С такими же просьбами обратился он к шефу жандармов. И немедленно владимирский губернатор Судиенко выехал в Никольское.

Через несколько часов на фабрику приехал и сам Морозов. Губернатор и прокурор прервали расследование и уединились с хозяином фабрики на продолжительную беседу. Даже представители царской власти должны были в очень дипломатичной форме «позволить себе обратить внимание высокоуважаемого г. Морозова на некоторые ненормальности и игнорирование требований фабричного законодательства», допускаемые администрацией Никольской мануфактуры. Но «высокоуважаемый» фабрикант решительно отказался удовлетворить какие-либо требования, указывая, что «всякое облегчение (условий труда на фабрике. — М. Н.) в настоящее время было бы уступкой грубому насилию и дурным примером, поощряющим к новым беспорядкам».

После длительных переговоров и увещеваний губернские и московские власти убедили фабриканта в необходимости некоторых уступок. Но уговорить его удалось лишь на льготы, незначительные для рабочих. Он согласился только на скидку штрафов за «плохие работы» с 1 октября 1884 года по день забастовки. Морозов потребовал расчета всех ткачей с условием возврата на фабрику желающих согласиться на пониженные расценки. Он заявил при этом, что оставляет за собою «священное право» принимать или не принимать обратно рабочих по своему усмотрению.

Морозов в особенности настаивал на незыблемости этого права: «Я хозяин и таковым останусь, пока фабрика стоит: приму лишь тех, кого захочу!» Эти требования фабриканта были вывешены у входа на фабрику.

Несмотря на присутствие солдат, расставленных у проходных ворот и у общежитий, рабочие сорвали объявление Морозова и заменили своим:

«Объявляется Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху, а то если не разочтешь нас по пасху, то мы будем бунтоваться до самой пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то

ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить».

Возбуждение рабочей массы достигло предела, когда губернатор велел сообщить делегатам ткачей, что Морозов категорически отказывался даже читать «столь незаконные требования».

Ткачи ответили на это единодушным протестом, заявляя, что работать на условиях хозяина нельзя. Они говорили, что за расчетом даже и итти нечего, потому что все пошло на штрафы и на харчи.

Губернатор начал массовые аресты: в течение двух следующих дней в артельной казарме арестовано было около трехсот человек. Из них сто двенадцать человек отправлены в Москву, семьдесят один — во Владимир.

На 13 января были подготовлены два специальных поезда для арестованных. А на фабрике в это время контора составила списки «заведомо буйных». Таких рабочих насчитывалось более двухсот. В тот же день губернатор принял меры к их высылке.

14 января казаки и солдаты оцепили казармы рабочих за полотном Московско-Нижегородской железной дороги и казармы в районе фабрики (в так называемом тогда «Новом заведении»).

Губернатор сообщал департаменту полиции:

«15-е. Сегодня под сильным конвоем отправлены… 119 человек… Утром арестовано было еще несколько человек, указанных фабричной администрацией…

17-го утром выслано было на родину 303».

После этих арестов, составления «черных списков» и высылки сотен рабочих губернатор счел свою задачу выполненной. Судебные власти организовали большой процесс над несколькими десятками «бунтовщиков». На суде вскрылась потрясающая картина самой беззастенчивой, самой дикой эксплуатации ткачей Морозовской мануфактуры.

В. И. Ленин писал:

«Присяжные оправдали всех подсудимых, так как на суде показания свидетелей, — в том числе хозяина фабрики, Т. С. Морозова, директора Дианова и многих ткачей-рабочих, — выяснили все безобразные притеснения, которым подвергались рабочие».

Стачка на морозовской фабрике оказала большое революционизирующее влияние на весь пролетариат России. В первую очередь она повлияла на рабочих многочисленных текстильных предприятий Подмосковья. Повсюду — во Владимирской, в Ярославской, Нижегородской, Тверской, Смоленской губерниях долгие годы не забывались подробности массовой стачки 1885 года. Ткачи Владимира, Иванова,

Серпухова, Вичугин с гневом обсуждали драконовские меры властей — арест более шестисот рабочих, высылки, тюремное заключение.

В. И. Ленин очень интересовался условиями труда и быта ткачей на фабриках Морозова. Как в Петербурге, где он лично подробно изучал особенности — оплаты труда, системы всевозможных штрафов на различных заводах и фабриках, так и здесь вождь российского пролетариата на месте знакомился с фабричной жизнью Орехово-Зуева.

Осенью 1895 года В. И. Ленив написал «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих» а фабриках и заводах», ярко осветив причины возникновения, ход и результаты морозовской стачки. Он отметил сильное впечатление, произведенное на правительство массовой, хорошо организованной стачкой. Стачка показала правительству, что рабочий класс, сплоченно действующий, решительно заявляющий свое требования, представляет собой великую силу.

Из конспиративных соображений Бабушкин вначале поселился не в Орехово-Зуеве, а неподалеку, в Покрове Владимирской губернии. Городок был так мал, это Бабушкин называл его уменьшительным именем «Покровок». Вместе с Прасковьей Никитичной Иван Васильевич снял комнатку на окраине города.

Бабушкин, как полагается, отдал свой паспорт хозяину дома для отметки полиции, объяснив, что приехал с женой в Покров попытать счастья в мелочной торговле вразнос, и затем добавил, что берет в долг небольшие партии у московских оптовых торговцев «красным товаром» и галантереей.

— Приходится частенько наезжать в Москву, к хозяевам. А еще чаще — по ближайшим поселкам ходить надо, иначе товар быстро не распродашь, и хозяева сердиться будут. Ну что ж поделаешь: известно, под лежачий камень и вода не течет, — не торопясь, говорил он, обстоятельно поясняя домохозяину трудности работы коробейника.

Это занятие давало Бабушкину возможность часто отлучаться из Покрова, посещать фабричные поселки в округе, заходить в рабочие казармы и беседовать с большим числом ткачей на самые разнообразные темы.

Первый месяц Бабушкин лишь присматривался к обстановке и знакомился со всеми особенностями жизни в захолустном, но с большой прослойкой пролетариата городке. Хорошо зная быт петербургских ткачей, Иван Васильевич старался выяснить, что же является самым злободневным в текстильных районах Подмосковья, на что следует, прежде всего обратить внимание в

листовках.

Иван Васильевич, узнавая настроения покровских и орехово-зуевских ткачей, в беседе с ними использовал для агитации официальные статистико-экономические материалы о положении текстильной промышленности этого района. С этой целью он доставал и конспектировал отчеты фабричных инспекторов. В сухих, пестревших цифрами и написанных мертвым канцелярским языком перечнях несчастных случаев на текстильных предприятиях, в сводках конфликтов администрации с рабочими Бабушкин видел живую действительность, изнуряющие, постоянные сверхурочные работы, бесконечные притеснения и издевательства фабрикантов. Иван Васильевич подбирал достоверный материал об условиях труда на каждой фабрике в отдельности.

Опытным глазом кадрового рабочего Бабушкин замечал каждое нововведение администрации соседних текстильных фабрик, казавшееся с первого взгляда таким безобидным и обычным, а на деле вызывавшее новое снижение заработка, новое наступление фабрикантов на подвластные им тысячи ткачей.

Бабушкин бывал не только в окрестных текстильных районах, но приезжал и в Москву, получив явки к М. И. Ульяновой и Н. Э. Бауману. С помощью М. И. Ульяновой он установил связи с редакцией «Искры», получал пропагандистскую литературу и был в курсе всех важнейших вопросов партийной жизни.

В. И. Ленин в это время неустанно работал над регулярным, бесперебойным выпуском «Искры».

Ленинская «Искра» была образцовым революционно-марксистским органом, газетой нового типа, невиданной еще в истории рабочего движения. «Искра» подготовляла грядущую революцию в России. Искровцы организовывали и сплачивали рабочий класс. В своей борьбе с многочисленными врагами марксизма «Искра» была беспощадна. Недаром Ленин писал: «Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов». Ленин был вдохновителем, организатором «Искры». Ему принадлежало большинство основных статей.

«Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников, — писал В. И. Ленин. — Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективным организатор».

Выход первого номера «Искры» 11 декабря 1900 года был праздником для рабочего класса. В крупнейших промышленных городах рабочие металлургических заводов, текстильных и

бумажных фабрик, железнодорожники — все представители великой армии, пролетариата с огромным удовлетворением читали передовую статью В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения».

Получив в январе 1901 года первый номер «Искры», — Иван Васильевич и его друзья-кружковцы также с большим волнением читали передовую статью. Они обращали особое внимание на следующее указание вождя рабочего класса: «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его — отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цеди, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности…

Содействовать политическому развитию, и политической, организации рабочего класса — наша главная и основная задача».

Бабушкин постепенно расширял район своей пропагандисток — агитационной работы. Привезя из Москвы от Н. Э. Баумана очередную партию искровской литературы, Иван Васильевич тщательно упаковывал ее для орехово-зуевских рабочих.

Нагрузив доверху объемистый короб, с «каким обыкновенно ходили по деревням мелкие торговцы — разносчики мануфактуры и дешевенькой галантерей, Иван Васильевич деловито осматривался перед зеркалом. Мануфактуры у «коробейника» было в обрез, не хватало денег для покупки образцов различной расцветки и качества.

П. Н. Бабушкина вспоминает:

«В марте 1901 года мы приехали с И. В. Бабушкиным в гор. Покров, Владимирской губ. Здесь Иван Васильевич в целях конспирации выдавал себя за коммивояжера по текстильной промышленности. Из Покрова Иван Васильевич ежедневно отправлялся в Орехово-Зуево, крупный текстильный центр, для работы среди текстильщиков, имея на руках «образцы» мануфактуры. Из-за отсутствия ткани образцами служила домашняя ситцевая занавеска, в которую Бабушкин закатывал несколько номеров «Искры», предназначенных для орехово-зуевских рабочих.

Из Покрова до Орехова И. В. Бабушкин ходил пешком, через большой хвойный «морозовский» лес. Часто, уходя рано утром к Ореховским рабочим, он спокойно напевал прощальный припев старой песни: «Прощай, наш друг, товарищ…» И действительно, каждый день его ожидала опасность. Но Иван Васильевич был всегда бодр и весел, и своей бодростью и уверенностью заражал окружающих».

Путь предстоял хотя и недальний, но опасный, — в любую минуту можно было встретить ретивого урядника или переодетого сыщика, которые могли до дна перерыть все содержимое короба: и яркие ленты, и гребешки, и ситец разной расцветки. На самом же дне короба, хорошо замаскированные, лежали сотни брошюр и листовок, напечатанных на специальной, тонкой, но плотной бумаге.

Глухими лесными тропинками, опираясь на крепкую палку-посошок, пробирался Бабушкин в «морозовскую вотчину» — в села Орехово и Зуево. Шел он, не торопясь, размеренной походкой, стараясь попасть в фабричные поселки на рассвете или вечером, поздними сумерками, когда на улицах была целая толпа окончивших смену рабочих и путника-коробейника не так заметно. Чаще всего Бабушкин останавливался у ткача Клементия Лапина, жившего за линией железной дороги. Лапин работал на Никольской мануфактуре и был другом рабочего Рудакова, арестованного в конце 90-х годов в Орехове и высланного в Екатеринослав. Бабушкин познакомился с Рудаковым на одном из собраний екатеринославского кружка «Рассвет» и получил от него явку к Лапину. Вокруг Лапина группировались передовые рабочие: Иван Воронцов, Сергей Сельдяков, Иван Ерошин, Федор Скворцов, Андрей Воробьев и другие.

Лапин приветливо принял Бабушкина, и вскоре в его квартире образовался маленький тесно спаянный кружок рабочих-подпольщиков. Здесь возник центр окрестных революционных марксистских кружков. Бабушкин вел кружок умело, он сразу заинтересовал всех своих слушателей новыми материалами и манерой обсуждения: читал своим товарищам страницы гениального труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Одновременно Иван Васильевич популярно излагал кружковцам первый том «Капитала», в особенности главу о первоначальном накоплении. Он старался, чтобы его слушатели, как учил его самого в петербургском кружке В. И. Ленин, отчетливо поняли из опыта своей собственной жизни, хитро спрятанные фабрикантами формы принуждения рабочего в «свободных» капиталистических государствах. Для этого Бабушкин давал точные, всем понятные объяснения фабричных правил морозовской мануфактуры, умело связывал теоретические изложения Маркса о норме прибавочной стоимости, о формах эксплуатации капиталистами рабочих с повседневной практикой удлинения рабочего дня, отсчитывания ткачей, с системой всевозможных штрафов. Бабушкин приводил также и яркие примеры из морозовской стачки 1885 года, память о которой

была еще жива у всех текстильщиков.

Постепенно, с каждым новым занятием, число слушателей росло. К И. В. Бабушкину приходили пожилые ткачи, молодые подсобные рабочие — всех глубоко заинтересовали беседы этого внимательно-спокойного «коробейника».

К весне 1901 года Бабушкин смог уже перейти к организации подпольных массовых сходок. Под испытанным предлогом рыбалок собирались друзья и товарищи неутомимого искровского агента. Окрестности изобиловали тинистыми, заросшими густой осокой и камышом торфяными озерами. В их тихих заводях водились ленивые жирные караси всех оттенков: золотисто-красные, темно-коричневые, почти черные от лежанья на дне озера на богатом пищей слое мха и торфа. В воскресный день, вооружившись своеобразными рыболовными снастями — вентерями, или «мордами», Оржеховские ткачи отправлялись за несколько верст от фабричного поселка на зеленевшие привольные берега «карасиных озер».

И здесь, вдали от хожалых и городовых, «рыболовы» беседовали со своим руководителем о промышленном кризисе, о первомайской стачке на военном Обуховском заводе в Петербурге, вылившейся в знаменитую «Обуховскую оборону»; обсуждали написанные Бабушкиным подпольные листовали, ярко освещавшие невыносимый режим на Никольской мануфактуре.

…Поздним вечером возвращались «рыболовы», с ненавистью глядя на дымное облако, окутавшее «морозовскую вотчину». И с особой силой над тихими подмосковными полями, над березовыми перелесками и озерками среднерусской природы взлетала гневная «Песня пролетариев», написанная А. А. Богдановым и сразу завоевавшая любовь рабочих:

Кто добыл во тьме рудников миллионы?
Кто сталь для солдатских штыков отточил?
Воздвиг из гранита и мрамора троны,
В ненастье и холод за плугом ходил?
Кто дал богачам и вино и пшеницу
И горько томится в нужде безысходной?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?

Уверенностью и радостью предстоящего освобождения звучали заключительные слова:

Твердыни насилья мы рушим недаром
Могуч и един наш воинственный стан…
Победою мы строим мир новый, свободный…
Пусть враг нас встречает предательством черным —

Победа близка, пролетарий голодный!..

* * *

Весной и летом 1901 года Бабушкин еще более укрепил связи с окрестными городами: к нему начали приезжать за искровской литературой товарищи из социал-демократических комитетов Владимира, Шуи, Иваново-Вознесенска. П. Н. Бабушкина вспоминает: «В Покров, где мы вначале остановились, к И. В. Бабушкину заезжал из Москвы его близкий друг Н. Э Бауман, И после, будучи в Орехово-Зуеве, Иван Васильевич держал постоянную связь с Н, Э. Бауманом».

Интересные воспоминания о работе И. В. Бабушкина, агента «Искры», оставил один из зачинателей революционного социал-демократического движения в Иваново — Вознееенске, М. А. Багаев. Он, так же как и Бабушкин, приезжал в Москву к Н. Э. Бауману для установления связи и обмена опытом пропагандистской работы с наиболее видными ленинскими агентами «Искры». Н. Э. Бауман рекомендовал Багаеву обязательно связаться с И. В. Бабушкиным. Он дал Багаеву адрес и пароль, по которому Бабушкин должен был удостовериться, что приехавший действительно послан искровцами.

«В одну из очередных поездок по району, — пишет М. А. Багаев, — я разыскал в Орехово-Зуеве «Богдана» (И. В. Бабушкина). Он проживал там, на нелегальном положении, занимаясь для вида торговлей мелкими галантерейными товарами вразнос. И. В. Бабушкин произвел на меня чарующее впечатление. Он буквально горел революционным энтузиазмом и обладал редкой энергией. Он был настолько развитым человеком, что сначала я его принял за интеллигента…

Наладить здесь работу было трудным делом. На фабриках Морозова большинство рабочих жили в казармах, где существовал чисто тюремный режим. Доступ посторонним лицам в рабочие казармы не разрешался. Выход из казарм рабочих тоже был весьма ограничен. По улицам сел Орехова и Зуева дефилировали полицейские чины. В силу этих условий там я ни разу не мог распространить агитационной литературы. Мы договорились с Бабушкиным, что в следующий приезд он познакомит меня с наиболее активными членами их организации, чтобы установить преемственность на случай его ареста».

К осени 1901 года Бабушкину, несмотря на все трудности, удалось создать в Орехове крепкое ядро подпольщиков и комитет

городской организации РСДРП. В этот период своей работы Иван Васильевич считал одной из самых важных, самых ответственных задач тесную, непрерывную связь с редакцией «Искры». В архиве ленинской «Искры» хранятся письма, адресованные секретарем редакции Н. К. Крупской И. В. Бабушкину.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская просили своего верного агента присылать в «Искру» побольше новых фактических материалов о положении рабочих в подмосковных районах, о их борьбе с предпринимателями, об условиях труда и жизни.

Иван Васильевич, пользуясь пересылочными пунктами в Москве в Смоленске, посылал свои статьи в редакцию «Искры».

Живо и необыкновенно ярко запечатлены в корреспонденциях И. В. Бабушкина картины нелегкой трудовой жизни подмосковных ткачей. Так, в четвертом номере «Искры» (май 1901 г.) Бабушкин писал о медицинском обслуживании «морозовской вотчины» в Орехово-Зуеве (местечко Никольское):

«Для нас, орехово-зуевских рабочих, небезынтересно познакомить через рабочую газету «Искра» как своих рабочих, так и рабочих других городов и других профессий с нашими иногда чудовищными порядками…

В местечке Никольском работает до 25 тысяч человек у двух фабрикантов: Викулы и Саввы Морозовых, а все население Орехова состоит из 40 тысяч человек, живущих на расстоянии девяти квадратных верст…

У нас есть две больницы: одна Викулы, другая Саввы Морозова. Постараюсь описать больницу для рабочих Саввы Морозова. Больница находится около чугунолитейного завода (завод служит для фабрики) и жилых рабочих помещений (казарм). Место вредное и для жилых помещений, а для больниц тем более».

В заключение автор корреспонденции обращается ко всем рабочим-читателям «Искры»: «Как видите, товарищи, наше положение в больнице у Саввы Морозова не из приятных. Наше здоровье, наши силы превратились в частицу морозовских миллионов. Морозов богатеет, а мы принуждены проводить последние дни жизни, протягивая руку за куском хлеба».

В восьмом номере «Искры» (10 сентября 1901 г.) Бабушкин дает новые картины жизни ткачей Богородска и Орехово-Зуева. Он с возмущением описывает антисанитарное состояние столовых для рабочих Глуховекой мануфактуры Захара Морозова, расположенных рядом € местами общего пользования. О питании — он говорит, что «харчи в казармах ужасно скверные, и человеку, пожившему в большом городе или в семье на фабрике, противно даже итти на кухню; часто голодный продолжает

голодать, но воздерживается итти обедать».

Бабушкин пишет далее о том, как дорого берут в заводской лавке Морозова за прогорклое масло, сырой хлеб, недоброкачественное мясо.

В других корреспонденциях («Искра» № 6, июль 1901 г.) Бабушкин рассказывает о возмутительных порядках на ситцепечатной, ткацкой и прядильной фабрике Павлова в г. Шуе, где работало около трех тысяч человек:

«На этой фабрике хозяин с сыновьями в полное смысле слова — развратники… трудно какой-нибудь девушке остаться в полной безопасности от этих наглых, бесстыдных представителей русского капитализма и столпов отечественного правительства. Хозяин имеет особых работниц, которые стараются совращать молодых девушек. Из фабрики Павлов сделал своего рода гарем. Глядя на хозяина и его подлых сыновей, и служащие позволяют себе мерзости…» В том же городе жандармский «ротмистр с фабрикантом напиваются до положения грязной свиньи и потом в таком виде целуются публично и изливают свои взаимные чувства на глазах удивленной публики. Павлов же для таких случаев приказывает которой — нибудь свахе (таких он имеет несколько на своей фабрике) приготовить такую-то девушку, и это выполняется, точно речь шла о том, как зажарить цыпленка. И это делают представители русского капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать в темноте массу, поэтому нельзя рабочему пройти по городу с книгой под мышкой, чтобы таковую не вырвал полицейский и не посмотрел: «Это что за книга?» Это особенно бывает часто около читальни».

В том же номере «Искры» И. В. Бабушкин решительно выступает против попытки петербургской группы раскольников-«экономистов» прислать в иваново-вознесенскую социал-демократическую организацию листовки, в которых требовали…. суда присяжных над рабочими-стачечниками. Эпиграфом к своей негодующей, обличительной корреспонденции-протесту И. В. Бабушкин поставил известные строки басни И. А. Крылова:

Хотя услуга нам при нужде дорога, Но за нее не всяк умеет взяться… И далее он писал:

«…Требовать суда присяжных над стачечниками! Разве это не есть смешная ирония? Это значит, что мы будем признавать справедливым преследование стачек. Для нас нужен не суд присяжных над стачечниками, а полная свобода стачек, — даже больше, — покровительство стачечников…

Рабочий за рабочих».

Иван Васильевич не только сам писал целый ряд статей, заметок, корреспонденции о положении на текстильных фабриках Подмосковного района, он терпеливо и настойчиво убеждал рабочих также писать в «Искру», не стесняясь формой изложения. Бабушкин обсуждал со своими друзьями по орехово-зуевской организации наиболее важные темы, поразительные факты притеснений ткачей морозовской мануфактуры, о которых необходимо сообщить «Искре», поведать с ее страниц всему рабочему классу России.

Бабушкин не раз прочитывал рабочие корреспонденции, помогал их обработке. Он не гнался за красотами стиля, не стремился поразить слушателей неожиданными сравнениями.

— Правда лучше всяких украшений, — не раз говорил первый русский рабкор своим товарищам по подпольным кружкам.

Владимир Ильич высоко оценил деятельность Ивана Васильевича — корреспондента «Искры».

«Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником».

В. И. Ленин еще с большей заботой и вниманием начал относиться к своему верному ученику и дал ему новое важное поручение: Бабушкин, как рабочий, отлично знающий условия жизни подмосковных текстильщиков, должен был опровергнуть клевету на русский рабочий класс, помещенную на страницах народнического журнала «Русское богатство» зимой 1900 года.

Этот журнал систематически публиковал ряд статей народников и представителей либеральной буржуазии, с пеной у рта пытавшихся развенчать марксизм, объявить его совершенно несостоятельным в условиях России. В «Русском богатстве» помещались тенденциозно подобранные корреспонденции с мест, в которых воспевалась крестьянская община, рисовались идиллические сцены из сельского быта, «не зараженного городскими тревогами». Редакторы журнала Н. Михайловский и С. Кривенко в своих программных статьях пытались опровергнуть марксизм как научную теорию, кричали об его «неприемлемости в реальной русской жизни».

Годы нарастания революционных битв, громадного роста политической сознательности пролетариата, его выступления в 1896–1897 годах, ничему не научили «друзей народа», по-

прежнему тщетно пытавшихся на страницах «Русского богатства» всяческими способами поставить под сомнение передовую роль рабочего класса в надвигающейся решительной битве с самодержавием и капитализмом.

В статье «Русский Манчестер (Письма об Иваново-Вознесенске)» некий либерал Дадонов обвинял рабочих этого района во всех смертных грехах: лени, пьянстве, отсутствии культурных запросов и т. д. Клеветник Дадонов приводил подтасованные цифровые данные, сколько тратит из своего бюджета Иваново — вознесенский текстильщик на водку, на одежду, на питание; как низка у него «расходная статья на книги»; как мало рабочий вообще интересуется чтением. Дадонов даже приводил возрастные группировки читателей (по библиотечным отчетам), изо всех сил стараясь доказать, что рабочая молодежь совершенно не интересуется литературой, а только и думает о выпивке да вечеринках с пьяными песнями и диким ухарством. С лицемерной грустью заявлял он о том„что в театры рабочие так же не любят ходить, как не любят и читать; что среди кик «не заметно никаких симптомов кооперативного движения» и т. д. Вся статья преследовала затаенную цель доказать излюбленное «Русским богатством» утверждение: русский рабочий еще так мало развит, некультурен, ленив, что нельзя всерьез говорить о его руководстве революционным движением, о его политической зрелости и что, следовательно, утверждения марксистов являются совершенно необоснованными и беспочвенными.

Прочитав и обсудив этот возмутительный выпад народников, В. И. Ленин решил напечатать в «Искре» обстоятельный, уничтожающий ответ.

С возмущением Иван Васильевич отмечал:

«Если бы г. Дадонов вздумал порицать крестьян за то, что они едят лебеду, а не хлеб, то это было бы вполне аналогичное обвинение тому, которое он предъявляет к иваново-вознесенским рабочим. Г. Дадонов, упрекающий рабочих в равнодушии к знанию, что вы сделали, чтобы предотвратить у них такое равнодушие? Ничего! Упрекающий рабочих, что они смешивают земство с урядником, что вы написали хорошего о земстве? Ничего! Когда рабочий получал образование в сельской, в церковно-приходской школе, то что хорошего узнал он там о земстве? Ничего! Если будет написана популярная брошюра о земстве и его деятельности, будет допущена такая брошюра в библиотеку общества трезвости или фабричную? Нет! А будет ли возможность от этого получить ее рабочему? Нет! Хорошие книги, написанные популярными авторами, из которых интеллигенция

черпает знания, такие книги может ли получить рабочий в библиотеках?.. Нет! Книги, которые получает рабочий из библиотек, дают ли ему настоящие знания? Нет! Могут ли интересовать получаемые из упомянутых пяти библиотек книги мало-мальски развитого рабочего? Нет! Доступна ли для рабочих лучшая описанная вами библиотека (публичная)? Нет! И так без конца: нет, нет, нет, ничего, ничего, ничего, а потому делать заключение на нет и ничего все равно, что считать от десяти книзу и получится ничего. Это самое г. Дадонов и доказал…».

С негодованием пишет далее Бабушкин о системе контроля, подслушивания и подглядывания, которую осуществляет полиция и жандармерия почти во всех публичных библиотеках:

«Разве не сделано все возможное, чтобы отохотить рабочих от библиотеки, в которой бывает мастер, конторщик и кое-кто другой?.. Разве наши фабричные библиотеки редко служат местом тайного наблюдения за благонадежностью рабочих? А относительно публичной библиотеки есть основание утверждать, что она-то уж в этом отношении не может быть названа безвинной овечкой». И Иван Васильевич в доказательство этих утверждений приводит многочисленные факты, как в Орехове власти запрещают выдавать из библиотеки рабочим для чтения всякую кажущуюся им подозрительной книгу: не давали даже Решетникова, а потом решили и эту книгу… уничтожить.

«…Часто замечают, — писал И. В. Бабушкин: — если рабочий спрашивает порядочную книгу в фабричной библиотеке, то почти постоянно получает отказ — книга занята, хотя на самом деле она спокойно лежит на полке. Как заботятся о развитии у рабочих чтения, видно из того, что существует параграф, карающий за чтение вслух в казарме, хотя бы читали вслух для безграмотного рабочего».

Вот яркая, взятая Бабушкиным из повседневной жизни картина того, как рабочий пытался получить в библиотеке хорошую книгу, за чтение которой надо было предварительно внести громадный залог:

«…Оказывается, что нужно внести 2 руб. за чтение, да тут же четыре рубля залогу за книгу оставить, И диви от большого заработка, а ну, как в зимнее время рабочий заработает 8–9 руб. в мес, а тут залогу такую оказию — четыре рубля за чтение… Ох, не с руки это нам, г. Дадонов. Поверите, ей-богу, не с руки! Статочное ли дело половину заработка отдать в залог за книги, когда и на хлеб со щами чувствуем недохватку. Нет, уж увольте, как-нибудь обойдемся!.. Да й то по секрету вам нужно сказать, небезопасно туда ходить нашему брату. Пошел так-то один, он не удовлетворился этими библиотеками, про которые вы нам

сообщили, ну вот запомнил он более порядочных книг названий пять, да прямо в публичную:

— Так и так, позвольте, мол, мне такую-то книжку.

— Такой нет.

— Ну, такую.

— И такой нет.

— А такую?

— Тоже нет.

— Позвольте тогда Дарвина.

— Да ты кто такой?

— Рабочий.

— А где работаешь?

— Вам это зачем?

— Ну, где ты живешь? и т. д.

Наконец, рассказал рабочий все, где живет, где работает, да так без книги и ушел из публичной. Наверное, потом рабочего мекали на фабрике, но оказалось, что он сказал не настоящее имя, а выдуманное».

Бабушкин указывает далее, как трудно рабочему прочитать мало-мальски порядочную газету, если таковая вообще может существовать в условиях царской цензуры. Рабочему стараются; давать лишь «Свет», «Биржевые ведомости» и подобные им донельзя густо-пересыпанные славословиями царствующему дому раболепствующие издания. И первый русский рабкор в упор задает «друзьям народа» вопросы: «…много ли читает интеллигенция с клеймам известного образования, в каком-нибудь провинциальном городке„как-то: становой, исправник, следователь, поп,, помещик, чиновники, земские начальники, офицеры? Можно сказать не преувеличивая, что они больше занять картами и пьянством, нежели чтением, а кажется, и образование получили не такое, как рабочие, времени имеют чертову пропасть против рабочих, не так тесно живут, да и кормятся против нашего куда как не плохо. Отчего это, г. Дадонов?» В противоположность этим интеллигентам «рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но зато все книги на подбор и постоянно читаются», — пишет Бабушкин.

Касаясь организации клубов и кооперативных обществ для улучшения экономической жизни рабочих, Бабушкин приводит характерные случаи пресечения власть имущими попыток рабочих выработать более или менее приемлемый устав.

«Очевидно, — пишет И. В. Бабушкин, — г. Дадонову неизвестно, что случаи очень не редки, когда рабочие вырабатывали уставы и, только подписавши, успевали подать, как все подписавшиеся бывали арестованы и административным

порядком попадали в Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губернии. И уж не потому ли, что у них было «незаметно никаких симптомов кооперативного движения»? Смеем уверить г. Дадонова, что мы это говорим на основании фактов, и не в наших интересах говорить против кооперацій. Только трезво смотря на действительность, приходится признаться, что при современном политическом бесправии кооперации не могут быть настолько полезны рабочим, насколько правительству».

Бабушкин делает вполне правильный, революционный вывод:

«Всякий энергичный рабочий, увлекшись кооперациями, этим осудит себя на толчение воды в ступе или топтание на одном месте. В десять лет, при современном бесправном положении, кооперация не сможет дать того, что она сможет дать в один год при политической свободе, а потому мы больше желаем, чтобы увлекались нелегальным просвещением масс (агитацией), а не кооперациями. Всякий знает, каковы современные существующие кооперативные общества и потребительные лавки, во что они выродились в России».

Полностью разоблачает Бабушкин и клевету Дадонова на иваново-вознесенских рабочих, которые якобы тратят больше всего денег на одежду и водку и пьянствуют. Бабушкин с иронией спрашивает либерального инспектора:

В заключение своего разоблачительного, гневного опровержения И. В. Бабушкин делает вывод:

«…Из Иваново-Вознесенска высылают рабочих… И все же в Иваново-Вознесенске остаются еще развитые рабочие, хотя сюда никаких неблагонадежных не пускают. Выходит даже некоторая аналогия (сходство) с университетом: как университет выпускает и высылает часть «света и культуры» в разные уголки России, так точно и Ив. — Вознесенск рассылает со своими рабочими «свет культуры» во все концы России. Рабочий за рабочих».

Иван Васильевич прочитал статью товарищам — членам Орехово — Богородского комитета РСДРП. Друзья одобряли его уничтожающую «либеральных благодетелей» отповедь, и Бабушкин переслал статью В. И. Ленину. Редакция «Искры» поместила ее в особом приложении к № § «Искры» в октябре 1901 года.

* * *

Так в непрерывной партийноорганизационной и литературной работе шло время опытного и умелого агента «Искры». Деятельность его становилась с каждым месяцем все

шире и плодотворнее: листовки появились в Шуе, Дрезне, Владимире. За неуловимыми агентами «Искры» департамент полиции приказывал «установить постоянное наблюдение в целях немедленного пресечения…»

Орехово — Богородский комитет РСДРП развернул свою деятельность достаточно широко и успешно: в Орехово-Зуеве, Богородске, Покрове, Дрезне, Ликине, Серпухове — повсюду И. В. Бабушкин имел проверенных, испытанных в подпольной работе друзей. Комитет состоял из 10–12 рабочих, установивших теснейшие связи с сотнями своих товарищей из окрестных текстильных предприятий. В подпольные искровские кружки входили также рабочие-железнодорожники, наиболее активные работники торфоразработок. Бабушкин приезжал, а если фабрика находилась поблизости, то и приходил к своим товарищам — работникам комитета, проводил беседы с членами кружков, передавал искровскую литературу. Он регулярно снабжал листовками также Ярославский и Костромской комитеты РСДРП.

Получая от Баумана немалое количество изданий «Искры», Бабушкин немедленно отвозил эти ленинские обращения к рабочим в кружки Дрезны, Павловского Посада, Ликина, Городищ, Богородска. «Товарищ Богдан», «Старый рабочий» — под такими подпольными кличками был известен Бабушкин рабочим кружкам в 1900–1901 годах — появлялся на собраниях искровских кружков, в рабочих казармах, на заседаниях комитета, на массовых сходках вблизи Орехово — Зуев, Покрова, Никольского.

Результаты подпольной работы Бабушкина и его московских друзей вскоре сказались не только в окрестностях Орехово-Зуева и Богородска, но и в таком большом текстильном центре, как Иваново-Вознесенск. Здесь на фабриках перед 1 мая 1901 года опять появились в большом количестве прокламации и брошюры. Даже на улицах города были расклеены первомайские обращения к рабочим за подписью Иваново-Вознесенского комитета РСДРП. Прокламация называлась: «О рабочем празднике 1 Мая». Она была напечатана в типографии «Искры».

И. В. Бабушкин нередко приезжал в Иваново-Вознесенск и помогал местной партийной организации вести широкую агитационную работу.

Среди иваново-вознесенских текстильщиков и на фабриках ближайших городов (Гусь-Хрустального и других) регулярно появлялись новые номера «Искры», а также издаваемые ею брошюры (о положении рабочих в отдельных районах России, о 1 Мае, о стачках).

Эти прокламации и брошюры привозили И. В. Бабушкин и Ф.

В. Ленгник, установившие тесные связи с местными партийными работниками (Багаевым, Окуловой и другими).

Работать с каждым днем становилось труднее: полиция и жандармы мобилизовали все силы хожалых, явных и тайных шпиков, пытаясь схватить организаторов рабочих масс. И в Орехово-Зуеве и в Покрове оставаться было уже нельзя: полиция обязала домохозяев подпиской «о немедленном сообщении случаев приезда хотя бы на сутки лиц, в городе раньше не проживавших».

К концу осени 1901 года выяснилось, что надо немедленно вновь менять местожительство «оптовому офене-коробейнику», как иногда в шутку называл себя Иван Васильевич в беседе с женой по возвращении из очередной поездки.

В ноябре 1901 года Бабушкин и его жена переехали в Москву. Иван Васильевич обосновался в районе Марьиной рощи: на окраинах большого города легче было укрыться от назойливых шпиков. Здесь Н. Э. Бауман создал несколько подпольных явок у рабочих окрестных заводов.

Бабушкины наняли скромную, всего из двух маленьких комнат, квартиру. В передней комнате Бабушкин у окошек на улицу установил верстак. На подоконниках расположил кастрюли, керосинки, чайники. Прасковья Никитична сказала хозяйке, что ее муж — хороший слесарь, и просила направлять заказчиков «для доброго начала — почину» в новую мастерскую. Сама же она стала стирать белье, не дорожась в цене. Ремесло прачки очень помогало Прасковье Никитичне быть полезной Ивану Васильевичу.

Скоро в «мастерскую» стали заглядывать заказчики; некоторые о чем-то негромко говорили с хозяином в другой комнате, выходившей окнами на пустырь, и вскоре уходили с исполненными «заказами».

В Екатерининской больнице в ноябре 1901 года Н. Э. Бауман (подпольная кличка в то время «Грач») установил новое место явки. На эту явку нередко приходила и жена Бабушкина.

Прасковья Никитична в бельевой корзине приносила в слесарную мастерскую искровскую литературу из других мест подпольной явки.

Бауман, энергично работая в Марьинском, Сущевском, Лефортовском районах Москвы, снабжал своего друга Бабушкина трудами В. И. Ленина, напечатанными редакцией «Искры».

Бабушкин уезжал из Москвы на два-три дня, стараясь не обращать на эти отлучки внимания домохозяев и соседей. Пользуясь удобным железнодорожным сообщением, неутомимый искровский агент чаще всего ездил в Орехово-Зуево, в Иваново и

в Павловский Посад. В его чемодане были туго уложены еще пахнувшие типографской краской брошюры, номера «Искры», листовки. Во время его поездок Прасковья Никитична по-прежнему ходила по знакомым семьям чиновников и купцов стирать белье, охотно беседовала с соседками о трудностях жизни мелких ремесленников, работников-поденщиков.

Каждый раз она с нетерпением и волнением ожидала возвращения Ивана Васильевича. Особенно беспокойство ее усилилось в последнее время: Прасковья Никитична ждала ребенка. Тревожась о любимом, дорогом ей человеке, она все чаще подходила к низенькому окошку…

Прошел назначенный срок возвращения Ивана Васильевича, прошло еще несколько дней, а от Бабушкина, уехавшего поездом 21 декабря в Орехово-Зуево, а затем в Иваново-Вознесенск, не было никакой весточки…

Наконец к Прасковье Никитичне пришла фельдшерица Екатерининской больницы и сообщила, что Иван Васильевич 23 декабря был на подпольном собрании членов комитета Орехово — Богородский группы, но затем след его потерян. Она рассказала также, что, по слухам, в Орехово-Зуеве на этих днях полиции удалось выследить заседание искровских подпольщиков и произвести большие аресты. Фельдшерица, представитель группы Н. Э. Баумана, от имени своих друзей просила Прасковью Никитичну собрать все силы и мужественно, как и следует жене и другу революционера, перенести, возможно, долгую разлуку с Иваном Васильевичем. В тот же вечер Прасковья Никитична, взглянув в последний раз на крылечко, на котором она еще так недавно прощалась с мужем, уехала в Петербург к матери Ивана Васильевича.

…23 декабря 1901 года в воскресенье полиция я жандармы неожиданно нагрянули на подпольное заседание членов Орехово — Богородского комитета РСДРП. Собрались рабочие разных профессий — ткачи, красковары, мюльщики. Они беседовали с только что приехавшим из Москвы Бабушкиным. Он привез новые номера «Искры», листовку о выступлении Иваново-Вознесенских рабочих против своих фабрикантов.

Внезапно в окна и в дверь застучали, громко и настойчиво, так что зазвенели стекла. Удары прикладов посыпались в крепко запертые двери. Через две-три минуты двери были выбиты, и в комнату, где находились Бабушкин и его товарищи, ворвались торжествующие полицейские во главе с приставом и жандармским ротмистром. Городовые схватили рабочих за руки.

— Ни с места! Отходите поодиночке к столу и называйте свою фамилию, звание, занятие.

Пристав огляделся, раскрыл объемистую папку и приготовился, пока ротмистр руководил тщательным обыском, записывать первые показания арестованных.

Один из них решительно, несмотря на все угрозы, отказался назвать себя.

— Неизвестный, — повторил он и отвернулся от озадаченного пристава.

Глава 10
Смелый побег

Тюрьма маленького городка Покрова, куда отправили из Орехово-Зуева Бабушкина, была небольшая, приземистая. Строили ее еще чуть ли не в конце XVIII века, и с тех пор она, казалось, с каждым годом все больше и больше врастала в землю.

Бабушкина под усиленным конвоем, в сопровождении трех городовых и надзирателей, провели на второй этаж и заперли в одну из одиночных камер. Изо всех щелей неимоверно дуло, в полу разбитые стекла маленького окошка так же свободно проникал ветер. Всю ночь заключенный не мог согреться.

По тому, как часто смотритель тюрьмы заглядывал в глазок камеры, Иван Васильевич понял, что стерегут его особенно крепко.

Через несколько дней заскрежетал ржавый замок одиночки, и смотритель коротко буркнул:

— Одеться! Приготовиться к отправке!

— Куда? — невольно вырвалось у Бабушкина, но тюремщик не счел нужным дать ответ.

…Опять этапный путь в сопровождении конвоя до ближайшей железнодорожной станции и снова жесткая скамья арестантского вагона. Бабушкина привезли во Владимир и под тем же усиленным конвоем заключили в губернскую тюрьму. И здесь, как и в Покрове, «неизвестного, отказавшегося объявить свою фамилию, а равно звание и профессию», поместили в одиночку. Эта камера была несколько просторнее и светлее той, в которой Иван Васильевич провел несколько дней в покровской тюрьме. Обращение с заключенным также соответствовало губернскому ранту тюрьмы: белье меняли по субботам, начальник разрешил прикупать к арестантскому пайку белый хлеб, даже предложил сесть и написать письма родным. Но на прозрачную уловку Бабушкин улыбнулся и, спокойно усевшись, сказал, что он «Неизвестный» и, следовательно, никаких родных у него быть не может.

Начальник тюрьмы стал грозить, что упрячет Бабушкина в карцер, если он не сознается. Но арестованный сидел перед ним все в той же непринужденной позе и на все выкрики рассвирепевшего тюремщика спокойно заметил, что начальнику тюрьмы сначала надо бы узнать, кто перед ним находится, а потом уже угрожать всяческими карами.

Через несколько дней в камеру явился «представитель

закона», — так любили называть себя помощники прокуроров, ведущие дела политических арестованных. Но Бабушкин отлично знал цену льстивым уверениям и пространным рассуждениям этого «независимого представителя»: прокуратура, как он убедился в петербургской тюрьме, шла на поводу у департамента полиции, выполняя прямые указания жандармского управления и всячески стараясь под флагом «наблюдения за законностью» выведать у заключенных хоть какие-нибудь ценные для охранки сведения. И когда помощник прокурора сообщил, что посетил узника отнюдь не для допроса, а «в порядке надзора», Иван Васильевич сухо прервал его, снова заявив, что он не желает назвать ни свою фамилию, ни профессию.

Тогда жандармы и прокуратура прибегли к излюбленной тактике «охлаждения» несговорчивого политического узника. Обращение с Бабушкиным резко ухудшилось: непокорного «Неизвестного» посадили на полуголодный арестантский паек, запретили прикупать что-нибудь с воли, отобрали даже свечу, тускло освещавшую в долгие зимние вечера голые стены одиночки. Бабушкин отлично понимал, что этими мерами тюремщики пытаются сломить его стойкость. Опыт, приобретенный им в доме предварительного заключения в Петербурге, помог ему твердо продолжать свою линию: на все угрозы Иван Васильевич отвечал молчанием или меткими иронические репликами, доводившими начальника тюрьмы и надзирателей до бешенства.

…Новогодняя ночь прошла так же томительно, как и предыдущие.

Перед Бабушкиным одна за другой вставали картины Недавнего прошлого: кружок за Невской заставой… долгие месяцы в одиночной камере петербургской «предварили»… работа с товарищами в Екатеринославе… снежные тропинки в окрестностях Орехово-Зуева…

Надолго ли это новое заключение? Бабушкин знал, что «представители закона» иногда по целым годам держали своих пленников в тюрьмах. Нужно было много мужества и революционной закалки, чтобы, несмотря на все ухищрения и угрозы тюремщиков, по-прежнему оставаться стойким и твердым искровцем. Эту силу, эту веру в торжество рабочего класса воспитал у Бабушкина В. И. Ленин, учивший его упорной, постоянной борьбе, которую должны вести профессиональные революционеры. Иван Васильевич вспоминал, как проникновенно и убежденно говорил Владимир Ильич в Пскове о будущей организации Российской социал-демократической рабочей партии, — о роли ее агентов — профессиональных

революционеров. Как четко и ярко всплыл в памяти ленинский вывод из статьи «С чего начать?»:

«…Революционный пролетариат… доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу».

Короткие зимние дни шли один за другим нудной, надоедливой вереницей…

Но Иван Васильевич был верен себе. Как и в петербургском доме предварительного заключения, он и здесь завел строгий распорядок жизни: проделывал утром и вечером гимнастические упражнения, даже перепрыгивал раз десять через табуретку, а затем за неимением гири усердно «выжимал» ее по двадцать раз то правой, то левой рукой.

Самообладание и выдержка помогали ему сохранять здоровье.

Солнце никогда не заглядывало в окно одиночки, густо забеленное почти доверху мелом и забранное тремя рядами толстейших чугунных прутьев. Своеобразный календарь, сделанный Иваном Васильевичем из мякиша черного хлеба, отмечал уже третий месяц заключения.

Тягостное однообразие тюремного режима однажды было нарушено: новый надзиратель, назначенный вместо заболевшего дежурного по коридору, молча протянул Бабушкину большую круглую сайку.

Оставшись один, Иван Васильевич осторожно разломил ее и увидел мелко-мелко написанную записку, в которой его извещали, что «друзья по О.-З. не дремлют и стараются об освобождении». Более того, в записке был намек, что они делают это по указанию «старого учителя».

Сильно забилось сердце Ивана Васильевича: он понял, что по поручению самого Ленина товарищи подготовляют его побег из этой тюрьмы.

«…По предложению В. И. Ленина, — вспоминает М. А. Багаев в книге «Моя жизнь», — мне поручили подготовку побега из владимирской тюрьмы И. В. Бабушкина («Богдана»). Живя около тюрьмы, мне удалось завязать короткое знакомство с одним из надзирателей. Через него я установил с И. В. Бабушкиным переписку и совместно разработал план побега. План состоял в том, что мой знакомый надзиратель должен был подкупить надзирателя-привратника, а в тюрьме в условленный вечер споить до бесчувствия дежурных надзирателей, выкрасть у них ключ от камеры Бабушкина и вывести его из тюрьмы. У ворот тюрьмы я должен был встретить Бабушкина и отвезти на станцию Боголюбово, а оттуда в Москву, но осуществить план побега нам

не удалось. Незадолго до назначенного дня побега Бабушкина неожиданно, по требованию жандармского управления, отправили в гор. Екатеринослав».

Бабушкин, ведя переписку со своим другом и уточняя подробности намечаемого побега, не знал, что жандармы решили судить его «по совокупности улик» в Екатеринославе. Он считал каждый день, — скоро должны прислать с воли условный знак о дне и часе побега…

22 февраля 1902 года власти «вспомнили» о «Неизвестном» и вызвали на допрос. Тот же самый помощник прокурора, так ревностно старавшийся при первой встрече с заключенным разыграть «неподкупное царское око», сидел теперь с ехидным выражением лица, изредка переглядываясь с ведущим допрос жандармским полковником. Бабушкин понял, что ему подготовили какой-то подвох.

Владимирская жандармерия сумела за это время «осветить» личность арестованного: во все губернские жандармские управления были посланы запросы с приложением фотографической карточки арестованного, назвавшегося «Неизвестным». В середине февраля из Екатеринослава был получен ответ, в котором говорилось, что разыскиваемый политический преступник опознан по приложенной к запросу о розыске фотографической карточке: «Бабушкин, Иван Васильев, 29 лет». Далее следовала пространная выписка из личного дела Ивана Васильевича с перечислением всех его «вин»: участие в петербургском «Союзе борьбы», организация подпольных рабочих кружков в Екатеринославе, тайный отъезд из этого города из-под гласного надзора полиции и т. п.

— Так вы по-прежнему отказываетесь назвать себя? — с ноткой торжества спросил Бабушкина полковник.

Кивком головы Иван Васильевич дал понять, что его решение не изменилось. Тогда жандарм прочитал несколько строк из отношения Екатеринославского губернского жандармского управления. Но Иван Васильевич ничем не выдал своего волнения. — Уд-дивляюсь вам, мол-лодой человек! — развел руками жандарм. — В такие еще молодые годы — и такая закоснелость!., такое упорство!..

Допрос не дал никаких результатов. Бабушкин наотрез отказался подписать «протокол опознания политического преступника Ивана Васильева Бабушкина, именующего себя «Неизвестным».

«Неизвестного» опять отправили в одиночку. Но через два-три дня, в конце февраля, к нему явился начальник тюрьмы, и Иван Васильевич услышал знакомое:

— Одеться. Приготовиться к отправке.

«Неужели увезут почти накануне намеченного дня побега? Куда на этот раз повезут? — думал Бабушкин. — Может быть, в Петербург?.. Или в Екатеринослав?.. Или прямо без суда и следствия куда-нибудь в Якутию?..»

На вокзал его повезли в наглухо закрытой тюремной карете, в арестантском вагоне стерегли с еще большим рвением, чем при перевозе из Орехово-Зуева во Владимир. Даже названия станций не удавалось услышать Ивану Васильевичу: конвоиры следили буквально за каждым его движением и держали на лавке в самой середине вагона. Окна были наглухо забиты, в вагоне день и ночь горел распространявший невыносимый чад керосиновый фонарь. Бабушкин ни по каким признакам не мог догадаться, куда же везут его молчаливые конвоиры.

Прошло несколько дней, — так, по крайней мере, казалось изолированному от внешнего мира узнику. И лишь когда однообразное постукивание колес сменилось характерным гулом при проходе поезда по мосту, Иван Васильевич предположил, что везут его или в Екатеринослав, где перед городом находится длинный днепровский железнодорожный мост или в Сибирь — через Самару или Симбирск, где над Волгой перекинуты такие же мосты.

Все сомнения рассеялись, когда поезд остановился и конвойные вывели Бабушкина на перрон. Иван Васильевич сразу узнал запасные пути екатеринославского вокзала, где обычно останавливались арестантские вагоны.

Конвойные торопились: грубо толкнули Бабушкина к поджидавшей тюремной карете, грубо оборвали его за какой-то вопрос… Карета тронулась.

Через несколько минут быстрой рыси лошади остановились. Ивана Васильевича вывели из кареты, и о» увидел здание екатеринославской тюрьмы.

— В общую! — коротко бросил надзиратель, вышедший встречать арестованного. Бабушкина провели по широким и высоким коридорам, пропитанным специфическим тюремным запахом.

Зазвенели ключи надзирателя, отворилась дверь большой общей камеры. Здесь помещалось немало арестованных. Бабушкин, немного прищурив глаза, зорко оглядывал свое новое помещение и вдруг радостно вздрогнул: у окна камеры сидел его старый знакомый по петербургскому «Союзу борьбы» — Василий Андреевич Шелгунов. Он был арестован в январе этого года, и пока его еще ни разу не допрашивали. Радостным шепотом расспрашивал Шелгунов своего друга о его работе, о товарищах

по петербургскому «Союзу борьбы», с которыми они учились у В. И. Ленина, и передавал Бабушкину подробности работы Екатеринославского комитета РСДРП. По словам Шелгунова, после отъезда Бабушкина в Екатеринославе почти на каждом крупном предприятии были созданы небольшие группы социал-демократов. Главное же, о чем беседовали оба друга, были последние события в партии, подготовка «Искрой» II съезда РСДРП. Бабушкин и Шелгунов были твердыми искровцами, безусловно разделявшими все принципиальные положения, выдвинутые Лениным в «Искре» перед II съездом. Екатеринославские рабочие, с гордостью сообщил Шелгунов, аккуратно получали «Искру» и с большим интересом читали корреспонденции о жизни подмосковных, текстильщиков.

Беседы с другом помогали Бабушкину коротать тяжелые дни заключения. Екатеринославские власти по-прежнему держались тактики «охлаждения», — лишь в мае, то-есть почти через три месяца, Ивана Васильевна повезли из тюрьмы в губернское жандармское управление на первый допрос.

Допрашивал его ротмистр Кременецкий. Жандарм вначале хотел подействовать на Бабушкина обилием «улик». Он пустил в ход один из излюбленных приемов, стараясь внушить допрашиваемому, что отказываться отвечать на предлагаемые вопросы бесполезно, так как все равно в руках властей имеются точные, изобличающие арестованного материалы. Не торопясь, ротмистр доставал из ящиков большого письменного стола различные дела в разноцветных папках, на обложках которых издали можно было прочесть фамилию Бабушкина. Затем он велел адъютанту жандармского управления принести еще несколько «справок» и, наконец, многозначительно добавил: — Достаньте также сводный материал, составленный непосредственно для господина начальника губернского жандармского управления, — и стал перелистывать то одно, то другое «дело», задавая отрывистые вопросы:

— В торпедных кронштадтских мастерских работал? Сторожем на чугунолитейном заводе служил? В 1897 году из Петербурга выслан?

Как и петербургский следователь, он хотел создать впечатление, что полиции и жандармерии известен буквально каждый шаг арестованного.

Бабушкин держался все время начеку. На многие вопросы жандарма он лишь отрицательно качал головой или бросал очень коротко, но решительно:

— Не знаю. Не помню. Давно было.

Тогда ротмистр переменил тактику и стал читать Бабушкину

показания, якобы написанные его товарищами по кружкам «Якорь», «Вперед», «Рассвет». В них повсюду упоминалась фамилия Бабушкина, приводились точные даты и даже часы прихода Бабушкина к Петровскому, Морозову и другим членам подпольных екатеринославских организаций.

— Не трудитесь, — перебил жандарма Бабушкин: — эти, как вы их называете, «откровенные показания» составлены на основании филерской слежки, и им грош цена. Кременецкий захлопнул «дело» и, вызвав жандармов, велел отвезти Бабушкина обратно в тюрьму.

Через два дня Ивана Васильевича снова вызвали на допрос. На этот раз допрашивал его уже «сам» начальник Екатеринославского жандармского управления полковник Делло в присутствии помощника прокурора. Кременецкий сидел в стороне, и лишь время от времени задавал уточняющие вопросы. Результат допроса — прежний: Бабушкин наотрез отказался отвечать на всяческие «уточнения» жандармов и не подписал протокола допроса.

— Н-да-а… характерец… — промычал Делло и отправил Бабушкина в камеру.

Допросы следовали один за другим. В конце июня Ивана Васильевича допрашивали целых полдня. Не добившись ничего и на этот раз, жандарм нажал кнопку электрического звонка и сделал знак вошедшим конвойным увести арестованного.

Вскоре Бабушкина перевели из губернской тюрьмы в новое арестантское помещение, находившееся при 4-м полицейском участке города Екатеринослава.

Камера, куда ввели Ивана Васильевича, была маленькая, всего на два человека. Здесь уже находился в заключении студент Горовиц, арестованный 17 февраля 1902 года на демонстрации, организованной Екатеринославсквм социал-демократическим комитетом. Бабушкин со свойственной ему предусмотрительностью начал «взвешивать обстановку с точки зрения перемены климата», — как он впоследствии говорил. С первого взгляда казалось, что бежать из этой камеры при полицейском участке было значительно легче, чем из владимирской одиночки или из общей камеры екатеринославской тюрьмы.

Иван Васильевич, не торопясь, знакомился с обстановкой: на каком этаже находится камера, куда выходит окно, прочна ли в нем решетка. Удобным оказалось то обстоятельство, что узника поместили в камеру первого этажа и окно выходило на обширный, запущенный двор. Но по этому двору расхаживал городовой, вооруженный шашкой и револьвером. Неподалеку от

окна стоял большой мусорный ящик. Бабушкин измерял взглядом расстояние до него: можно ли будет прыгнуть из окна на этот ящик и в случае опасности спрятаться в нем, пока городовой не уйдет по своей дорожке дальше.

Затем Бабушкин начал внимательно изучать своего нового соседа по камере. Иван Васильевич знал, что жандармы иногда «подсаживают кукушку», то-есть помещают провокатора в камеру политического подследственного, и «кукушка» затем сообщает охранке все, что удалось услышать в долгие ночные часы, когда даже у самых закаленных людей является искушение поделиться затаенными мыслями со своим однокамерником…

Прошло около двух недель. Бабушкин ни словом не обмолвился с Горовицем о планах побега. Лишь убедившись в том, что студент действительно тот, за кого себя выдает, он приступил к осуществлению своих намерений «переменить климат». Этому способствовало то, что Горовиц в разговоре о своих родных упомянул, о сестре, которая, узнав об аресте брата, приехала из Петербурга в Екатеринослав и стала посылать Горовицу через подкупленного надзирателя еду. Студент был арестован за участие в простой демонстрации, и надзиратель согласился передавать Горовицу провизию и записочки от сестры. К тому же несколько довольно крупных кредиток оказали свое действие.

Бабушкин вспомнил, что сестру Горовица встречал на первомайской сходке рабочих в Екатеринославе. Это рассеяло все сомнения, и он исподволь начал посвящать студента в свой план побега.

Главное препятствие — толстые, прочные прутья решетки в окне. Их надо перепилить, и притом бесшумно, чтобы не привлечь внимания надзирателей. Где достать отлично закаленную, прочную пилку? Бабушкин надеялся на помощь друзей с воли — членов Екатеринославского комитета социал-демократов. В одну из записок, написанных Горовицем сестре, Иван Васильевич вложил кусочек бумаги, на котором только изощренный в тайной тюремной переписке глаз мог бы что-либо разобрать.

Надзиратель произнес обычное:

— Не извольте сумлеваться!.. — и ловко спрятал записку в обшлаг рукава мундира: он знал, что сестра студента щедро отблагодарит за весточку от брата.

Очередную передачу продуктов Бабушкин и Горовиц, дождавшись сумерек, исследовали очень тщательно. И в руках Бабушкина оказалась маленькая, узкая, но прочная пилка, искусно спрятанная в кружке соблазнительно пахнувшей

краковской колбасы.

Иван Васильевич молча пожал руку Горовицу. В ту же ночь с большими предосторожностями он принялся за работу. Чтобы пилка не визжала при перепиливании прутьев, их смазали жиром все той же спасительницы — краковской колбасы, и петербургский слесарь-металлист с большим искусством приступил к выполнению первой части своего плана.

Бабушкин надеялся подпилить два средних железных прута решетки в окне до такой степени, чтобы можно было в ту ночь, которую комитет назначит для побега, отогнуть эти прутья и вылезти в окно. Вторая часть плана — получить от друзей с воли точное указание числа и времени подготовленного ими побега. Вскоре надзиратель передал сестре Горовица, казалось, самую невинную записочку о состоянии здоровья брата. Бабушкин с радостью разобрал в ответной записке шифрованное сообщение о том, что побег назначается 29 июля в 12 часов ночи.

С соблюдением величайших мер предосторожности пилил и пилил по ночам Иван Васильевич неподатливые прутья решетки. Наконец решетка подпилена. По внешнему виду она казалась совершенно нетронутой. Бабушкин рано утром искусно затирал следы надпила. Могла погубить все дело неожиданная проверка камеры полицейским приставом, и Бабушкин с Горовицем настороженно смотрели во двор, — не появится ли непрошенный гость.

День 29 июля прошел благополучно. Остались считанные часы…

Трудно было выскочить из окна ровно в полночь: часов ни у Бабушкина, ни у Горовица, как у подследственных заключенных, не было. Но Бабушкину пришла счастливая мысль: он вспомнил, как Матюха по гудку ровно в полночь, пользуясь пятиминутным перерывом между окончанием вечерней смены и началом ночной, разбрасывал листовки на заводе. Решено было сделать побег, как только начнут свою симфонию гудки заводов. Заключенные, затаив дыхание, уселись у окна.

Время, казалось, остановилось. Бабушкин мысленно начинал считать до тысячи, сбивался, вновь начинал, а долгожданного гудка все еще не было.

— Наконец-то!.. — вырвалось у Ивана Васильевича, услышавшего низкий, заливистый гудок где-то за Днепром. Вслед за ним раздались гудки более близких заводов. Полночь наступила.

Бабушкин быстро отогнул подпиленные прутья решетки, и Горовиц выпрыгнул из окна, мягко присев на обе ноги. За ним, не теряя ни секунды, выскочил Бабушкин. Несколько минут оба

беглеца сидели, затаившись у мусорного ящика, и напряженно всматривались в ту сторону двора, где обычно прохаживался городовой. Но в ночной тьме ничего нельзя было различить, — может быть, в этот момент он был и далеко, на другом почти конце двора, а может быть, совсем поблизости.

Медлить, однако, было нельзя. Низко пригибаясь к земле, добрались беглецы до забора, окружавшего двор полицейского участка. Миг — и гони, оказались уже за забором. Несколько теней отделилось от деревьев противоположной стороны улицы, и через минуту руки друзей протянулись к Бабушкину и Горовицу. Молча сбросили беглецы тюремную одежду и переоделись в принесенные с воли костюмы. Бабушкин не без удивления обнаружил на своих плечах форменный сюртук. В сопровождении товарищей, встретивших их по поручению городского комитета социал-демократов, Бабушкин и Горовиц направились дальше. Шли поодиночке, но так, чтобы не терять из виду впереди идущего. Минуя оживленные кварталы, беглецы, добрались до Нагорной улицы. Здесь, в доме Жебунова, бывшего члена Исполнительного комитета партии «Народная воля», их, с нетерпением ждали друзья, которым было поручено найти безопасную квартиру, ждали с тревогой, прислушиваясь к каждому шороху. Далеко за полночь раздался звонок, и в квартиру быстро вошли Бабушкин и Горовиц.

Беглецы едва переводили дыхание: сказывалось нервное напряжение последних часов ожидания. Горовиц машинально то расстегивал, то застегивал пальто, как бы торопясь куда-то уйти. Иван Васильевич через несколько минут успокоился и, с улыбкой разглядывая свою фуражку, произнес:

— Ну, вот и кокарда помогла!..

Бабушкин и Горовиц разделись, крепко пожали руки товарищам, помогавшим им при побеге, и уселись за стол. Друзья старались окружить прибывших заботой и вниманием, чтобы они хоть немного отдохнули от долгих месяцев тюремного заключения. Бабушкин прожил безвыходно три дня в квартире на Нагорной улице.

Начальник жандармского управления, полиция, филеры, шпики — все сбились с ног, разыскивая беглецов. Повсюду полетели «совершенно секретные» запросы и требования «о немедленном аресте и препровождении в г. Екатеринослав (в условиях, исключающих возможность побега) государственного, бежавшего из-под ареста, преступника Ивана Васильева Бабушкина». Далее следовали подробные приметы: «среднего телосложения, ростом — 2 аршина 4 вершка; волосы — русые, на усах — светло-русые; прическа — на косой пробор, бороду бреет;

глаза — серые, средней величины, очков не носит…»

Но товарищи, помогавшие смелому побегу, приняли особые меры для того, чтобы нельзя было скоро разыскать «государственного преступника» с русыми волосами, причесанными на косой пробор. Ивану Васильевичу посоветовали выкрасить волосы, изменить прическу. Вызвали на дом парикмахера, и через час на Бабушкина смотрел в зеркало совсем не похожий на него брюнет с иссиня-черными усами и бородой. Парикмахером оказался один из подпольщиков, работавший токарем, но владевший и другим мастерством — превращать блондинов в брюнетов. Он с явным удовлетворением посмотрел на результаты своей работы:

— Ну, уж если вас теперь кто-нибудь узнает, то я откажусь от своей второй профессии! Бабушкин оделся в новый студенческий мундир, надел студенческую фуражку и даже взял в руки щеголеватую тоненькую тросточку.

Поздним вечером он в сопровождении настоящего студента, участвовавшего в подготовке побега, уселся в повозку и поехал по Новомосковскому шоссе в гости, на дачу к своему новому знакомому. Трудно было заподозрить в этих двух громко разговаривающих, веселых студентах, собравшихся провести денек-другой за городом, недавнего арестанта и одного из организаторов его побега. Поездка закончилась благополучно, и студенты мирно отдыхали от «усиленных занятий» у родственников на даче.

Через день Бабушкин, распростись со студентом, двинулся в дальний путь.

Глава 11
Поручение В.И. Ленина

И. В. Бабушкин приехал в Петербург в октябре 1902 года, поселился на Охте, во втором этаже небольшого деревянного дома, под именем страхового агента Шубенко. Эта новая профессия, так же как и недавняя работа офени-коробейника в Орехово-Зуеве, давала возможность ходить по разным учреждениям и частным домам, не вызывая подозрения. Новый агент с усердием выполнял свои обязанности: объяснял домохозяину всю пользу своевременной страховки дома, к тому же еще деревянного, приводил цифровые данные о сгоревших за год домах, не застрахованных по оплошности или забывчивости их хозяев, говорил о том, как опасно держать имущество без надежного страхового полиса, и т. п.

Он охотно показывал дворникам и квартальному эмблемы самых богатых и надежных страховых обществ — «Саламандра», «Феникс» и других — и всегда отмечал, что людям, обладающим недвижимой собственностью, нельзя лечь спать спокойно, если их имущество еще не застраховано. Даже сама походка этого рассудительного в больших очках с золотой оправой, солидного человека поневоле располагала к разговору о банках, сбережениях, имуществе, страховых полисах. Вскоре к страховому агенту из Твери приехала жена, и супруги Шубенко, как казалось их соседям, зажили обычной жизнью: муж ранним утром отправлялся на службу, обходя своих многочисленных клиентов, жена занималась домашними делами и уходом за своей крошкой-дочкой.

Иван Васильевич был очень доволен рождением ребенка: Прасковья Никитична еще в Орехово-Зуеве как-то сказала, что она очень хотела бы воспитать такого же, как ее Ваня, прямого и честного борца за рабочее дело. В долгие месяцы тюремного заключения во Владимире и Екатеринославе Бабушкин сильно беспокоился о жене. Прасковья Никитична осталась в Москве беременной, без всяких средств к существованию. До побега из екатеринославского полицейского участка Бабушкин об участи жены не получал никаких известий. Лишь в Лондоне он узнал от приехавших из Москвы искровцев, что Прасковья Никитична находится в Твери под надзором полиции, получает небольшую помощь от товарищей по организации, что у него уже есть дочурка Лидия.

По приезде в Петербург Ивану Васильевичу почти не

приходилось проводить дома вечера: трудная подпольная работа поглощала все время.

Он смело и уверенно выступал против «экономистов», пытавшихся затормозить революционное движение столичного пролетариата и старавшихся помешать окончательному переходу всей массы петербургских рабочих на платформу ленинской «Искры».

Иван Васильевич нашел немало друзей, уцелевших после неоднократных арестов членов «Союза борьбы». Вместе с ними ему удалось быстро разоблачить перед кружковцами и районными работниками немногих ставленников Токарева, показав рабочим всю оппортунистическую сущность «экономизма».

Бабушкин выступал на больших подпольных собраниях рабочих, читал им статьи Ленина в «Искре», подробно останавливался на отдельных положениях ленинских работ «С чего начать?» и «Что делать?».

Он с глубоким удовлетворением читал рабочим о том, что если бы значительное большинство местных комитетов активно взялось за общее дело, то общерусская марксистская газета «стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова общего дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России».

«Вот о чем нам надо мечтать!» — взволнованно произносил Бабушкин горячий призыв Ленина.

* * *

К концу 1902 года искровцы возглавили Петербургский комитет.

29 декабря 1902 года И. В. Бабушкин смог написать Ленину:

«Я наконец принял уже ряд обязанностей, состою в районной организации, член Центрального комитета и думаю потребовать от членов, чтобы все корреспонденции проходили через меня».

Большую борьбу пришлось провести И. В. Бабушкину не

только против «экономистов», но и против зубатовщины, этой подлой, ловко задуманной царским правительством ловушки для революционных рабочих.

Еще в январе 1899 года, перед отъездом из Екатеринослава, Бабушкин видел попытку Святополк-Мирского насадить «полицейский социализм». Методы «светлейшего» вскоре развил до небывалых размеров матерый охранник-жандарм Зубатов. Именно он в 1900 году писал в донесении департаменту полиции о том, что «крупнее Ульянова в революции сейчас никого нет», и предлагал план убийства В. И. Ленина.

Теперь, в 1901–1902 годах, Зубатов задумал создать широкие «рабочие организации», чтобы отвлечь рабочих от революционных выступлений, направив все их внимание на экономические требования.

Зубатов старался внушить рабочим, что царское правительство печется о них и непременно удовлетворит их просьбы. Чтобы сделать более правдоподобными свои заверения о защите рабочих правительством от капиталистов, Зубатов заставлял предпринимателей выполнять некоторые мелкие, несущественные требования рабочих и широко рекламировал это «государственное воздействие на предпринимателей». В то же время агенты Зубатова всеми мерами стремились, с одной стороны, выследить наиболее революционных рабочих и, с другой стороны, одурманив рабочую массу рассказами о «заботах царя», организовать монархические манифестации.

На первых порах зубатовщина дала некоторые всходы: ослепленные зубатовскими посулами, подачками, некоторые слои малосознательных рабочих начали ходить на собрания, созываемые полицейскими агентами, слушать ласковые речи развращенных зубатовщиной интеллигентов (например, профессора Озерова, представителя крупных промышленников) о «социальном мире», об «улучшении рабочего законодательства» и т. п. В феврале 1902 года зубатовцам удалось организовать в Москве монархическую манифестацию перед памятником Александру II, в которой участвовали даже и обманутые зубатовцами рабочие. Ободренные этим успехом, зубатовцы начали плести свою паутину в Минске, Одессе и в других промышленных городах запада и юга России. Сам же Зубатов в 1902 году перенес свою развращающую деятельность в столицу: он был назначен начальником особого отдела департамента полиции и пытался еще шире развернуть свои общества в Петербурге.

Провокация, подкуп, самые лживые, демагогические обещания — все было пущено в ход зубатовскими полицейскими

и агентами. Зазывая пролетариат столицы в свои «патриотические» общества, Зубатов? то же время создавал изобретенные им «летучие филерские отряды». В его «патриотических» обществах наряду с рабочими появлялись представители духовенства, кулачества, торговцев.

Но эти действия зубатовцев встретили решительный, уничтожающий отпор передовых революционных рабочих. Неутомимо, из номера в номер вела «Искра» убийственный огонь по зубатовщине, срывая всяческие маски с этой подлой полицейской организации, разоблачая перед широкими массами истинные намерения и цели заклятых врагов рабочего класса.

«Новые «друзья» русского пролетариата», «Еще о политическом разврате наших дней» — эти статьи В. И. Ленина стали известны рабочим столицы. В. И. Ленин, придавая большое значение борьбе с зубатовскими ловушками, уничтожал попытки организаторов «полицейского социализма» привлечь на свою сторону рабочих Петербурга, Москвы и других крупных городов России. Наиболее полно В. И. Ленин вскрыл зубатовщину в работе «Что делать?», предсказав неизбежный провал этой широко задуманной полицейской провокации. В. И. Ленин писал, что искровцы обязаны предостерегать рабочих от полицейских ловушек — легальных рабочих обществ, так как на собраниях этих обществ шпики выслеживают наиболее активных рабочих, «людей с огоньком». Кроме того, полиция старается разузнать на этих легальных собраниях о нелегальных организациях, чтобы ввести туда провокаторов.

Зубатовщина неизбежно должна была потерпеть крушение, но искровцам пришлось немало потрудиться для того, чтобы разоблачить хитрые уловки департамента полиции. Бабушкин затратил много труда и энергии для преодоления растлевающего влияния зубатовцев на некоторые слои столичных рабочих.

Через своих товарищей по кружкам, через членов районных комитетов Иван Васильевич действовал на вовлеченных в зубатовские организации рабочих и разъяснял им истинные цели и намерения агентов департамента полиции. Вскоре рабочие, завербованные было зубатовскими агентами в эти «общества», с презрением отвергли полицейские посулы, разгадав волчью хватку мягко стелющих полицейских лисиц.

Эту разъяснительную, очищающую рабочее революционное движение деятельность И. В. Бабушкина высоко ценил В. И. Ленин:

«При царизме до 1905 года у нас не было никаких «легальных возможностей», но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли

революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я лично помню из числа их тов. Бабушкина, выдающегося питерского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 году), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев».

Борьба Бабушкина с «экономистами», зубатовщиной не раз получала одобрительные отзывы В. И. Ленина, с вниманием следившего за работой Ивана Васильевича. Из Лондона через прусскую и финляндскую границы шли в адрес «страхового агента» поручения Ленина, его ответы на запросы Бабушкина, искровская литература.

В конце декабря 1902 года Бабушкин написал В. И. Ленину письмо с просьбой наметить круг вопросов, по которым можно было бы с наибольшей полнотой выяснить отношение членов пропагандистской группы к «Искре». В. И. Ленин получил это письмо 3 января 1903 года и уже 6 января ответил Ивану Васильевичу:

«Для Новицкой от Ленина.

Дорогой друг! Относительно «экзамена» должен сказать, что предложить отсюда экзаменационной программы нельзя. Пускай напишут все и каждый пропагандисты о той программе, по которой они читают или хотят читать, — тогда я буду отвечать подробно… Смотрите, обязательно исчезайте при первом признаке шпионства за Вами».

К этому письму В. И. Ленина Н. К. Крупская сделала большую приписку относительно техники конспиративной переписки, о текущих событиях в работе искровских агентов. Она сообщила Бабушкину два новых адреса для пересылки корреспонденции в редакцию «Искры» и просила заметить номера адресов: «если будете, кому давать, то непременно сообщайте и №, это необходимо, чтобы можно было печатать, что такой-то № отменяется».

В письме к Е. Д. Стасовой от 15 января 1903 года В. И. Ленин указывал:

«Очень советовали бы взамен выбывшего члена ОК от Питера выбрать Богдана: он этого вполне заслуживает. Да и вообще, видимо, без профессиональных революционеров дело никогда не двинется ни на вершок вперед». 16 января 1903 года В. И. Ленин писал И. В. Бабушкину из Лондона: «Мы получили из Женевы № 16 «Рабочей Мысли» (видимо, печатанный и даже писанный «Свободой», т. е. Надеждиным), помеченный уже как орган «СПБ. комитета». Там же письмо-поправка вышибаловцев, поправка мелочная, в сущности, не поправка, а комплимент «Свободе».

Если вышибаловцы уверяют, что солидарны с «Зарей» и «Искрой», то это явный обман, чистейшее надувательство: люди хотят выиграть время, чтобы усилиться. Поэтому настоятельно и убедительно советуем сейчас же выпустить (а если нельзя выпустить, то прислать сюда) листок с протестом от имени Комитета и вообще отвергнуть всякие примирительные заигрывания и подходы, начать решительную войну, беспощадную войну с вышибаловцами, обличая их в переходе от социал-демократии к «революционно-социалистической» «Свободе». Приветствуем энергичное поведение Новицкой и еще раз просим продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний. Война вышибаловцам и к черту всех примирителей, людей с «неуловимыми взглядами» и мямлей!! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2–3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей. Пишите как можно чаще и, немедля, дайте ходы к вашим рабочим (и характеристику их), чтобы в случае провала мы не сели на мель».

Одновременно В. И. Ленин писал Е. Д. Стасовой:

«Сейчас получили № 16 «Рабочей Мысли» (из Женевы) и из Питера № 2 и 3 «Листков «Рабочей Мысли»». Теперь уже ясно как день, что вышибаловцы надувают вас и водят за нос, уверяя в согласии с «Зарей» и «Искрой». Немедленно выступайте с боевым протестом (если не в силах издать, тотчас шлите сюда, а копию во всяком случае), ведите решительную войну и выносите ее шире в среду рабочих. Всякая проволочка и всякое примирительство с вышибаловцами было бы теперь не только глупо, но и прямо позорно. И пока есть у вас Богдан, нельзя и на безлюдье жаловаться (подмога послана). Отвечайте немедленно, какие шаги предпринимаете».

В это время во многих городах России местные комитеты переходили на платформу «Искры». Петербургский, Московский, Тульский и ряд южнорусских социал-демократических комитетов стали искровскими. Победа искровского направления среди социал-демократических организаций в России была очевидной и давала возможность созвать II съезд партии.

В этой победе была доля работы неутомимого агента ленинской «Искры», скрывавшегося под фамилией Шубенко.

Работать становилось с каждым днем труднее. Иван Васильевич, обладавший большим опытом подпольной деятельности, заметил, что полиция уже получила сведения о том, в каком районе города он скрывается. Но работа агента ленинской «Искры» была так велика и ответственна, что Иван Васильевич не мог оставить Петербург.

7 января 1903 года к «страховому агенту Шубенко» поздним вечером осторожно постучался закутанный башлыком, в надвинутой на самые глаза папахе неожиданный гость. В руках он держал маленький чемодан и дорожный плед. Иван Васильевич, открыв дверь, с минуту молча вглядывался в посетителя и вдруг горячо обнял его:

— Василий! Дружище!..

Это был старый друг — В. А. Шелгунов. Дверь была плотно закрыта, приезжий сидел у столика, и Иван Васильевич радостно говорил:

— Каждый год встречаемся!.. И все в новых условиях!..

Шелгунов отозвался так же оживленно:

— Ив разных городах!..

Он приехал в Петербург из Баку, где работал по транспортировке ленинской «Искры», и прежде всего решил разыскать своего товарища и друга. Пришлось немало поплутать по петербургским улицам, чтобы не «привести хвоста»: как опытный конспиратор, Шелгунов с полудня исходил и изъездил, чуть ли не половину столицы, стараясь ввести в заблуждение шпиков, если они увязались за ним на вокзале. Но ничего подозрительного он не заметил и теперь глубоко и легко перевел дух, сидя рядом со своим другом.

— Как же, как же, прежде всего, застраховаться пришел: мало ли что с нашим братом, перекати-поле, случиться может!.. — шутил он.

— Да нет, я людей-то не страхую, от огня вот дом или фабрику в обществе «Саламандра» могу застраховать! — таким же тоном отвечал ему «страховой агент».

— Ну, несгораемого теперь мало что на свете осталось! Особенно из фабрик! — многозначительно произнес гость.

И друзья, пока Прасковья Никитична хлопотала для дорогого гостя о еде и чае, начали оживленно обмениваться новостями. Шелгунов спрашивал Бабушкина о положении на петербургских фабриках и заводах, об успехах пропаганды ленинской «Искры», а Бабушкин живо интересовался революционной борьбой на Кавказе.

— …Друзья проговорили до поздней ночи, и все еще оставалось так много интересного, не обсужденного и крайне важного.

— Знаешь что? — сказал хозяин. — Давай устроим на днях маленькую дружескую беседу: отпразднуем твой приезд да, кстати, и день моего рождения: ведь третьего января мне тридцать лет стукнуло!

— Давай, Ваня! — охотно согласился гость. — В кои-то веки

мы с тобой опять по душам разговариваем, как будто опять в кружке на Шлиссельбургском тракте.

Встречу свою друзья предполагали отпраздновать через день. Прасковья Никитична хотела похлопотать по хозяйству, чтобы угостить Шелгунова — старого петербуржца — хорошим копченым сигом и миногами. А Бабушкин, обычно цельте дни, до самой ночи, или работавший в каком-нибудь районном комитете искровцев, или проводивший беседу в рабочем кружке при заводе, думал уже с шести часов вечера быть у себя на квартире. Шелгунов первые два-три дня не должен был выходить на улицу: следовало проверить, утерян ли его след бакинскими шпиками, если они все-таки сумели проведать об его отъезде из Баку, выследить в поезде и на вокзале «передать» под наблюдение петербургским ищейкам — филерам.

…Ярко горела лампа в этот памятный Бабушкину вечер. Друзья сидели за столом и вновь и вновь вспоминали прошедшее. Прасковья Никитична уложила дочку в кроватку и присоединилась к ним. Иван Васильевич рассказывал своему другу, как он в Екатеринославе печатал листовки, как Прасковья Никитична помогала в распространении их; Шелгунов, поглаживая уже седеющую бороду, с одобрением смотрел на молчавшую Прасковью Никитичну.

— Да, брат, это хорошо! Это очень хорошо: жена — товарищ! — сказал он.

Внезапно в сенях загремели чьи-то тяжелые шаги, упали предусмотрительно положенные перед дверями крест-накрест половая щетка и рубель.

Бабушкин вскочил и подошел к двери. Но она уже распахнулась от ударов. На пороге появились жандармский подполковник, полицейский пристав, городовые, дворники.

— Попрошу всех оставаться на своих местах! — любезным, но в то же время угрожающим тоном заявил жандарм и добавил: — Господин пристав, потрудитесь приступить.

Обыском руководил отдельного корпуса жандармов подполковник Рыковский. Он явился во главе целого отряда. Пристав старательно выстукивал стены, подоконники, приказал даже вскрыть пол в тесной кухне, стараясь отыскать тайник. Каждую книгу, каждую бумагу жандармы старательно рассмотрели, занумеровали и приложили в качестве вещественного доказательства к протоколу обыска. Налет полиции совпал с приездом Шелгунова случайно: жандармы уже с месяц через дворников следили за квартирой «страхового агента Шубенко». Рыковский, не торопясь, писал протокол, отметив в графе 17-й «Что обнаружено по обыску»:

«17 экземпляров разных нелегальных брошюр, гектографированное воззвание «Царь в Курске», подушечка с синей краской, пузырек с бесцветной жидкостью, вылитой Бабушкиным во время обыска, копировальная и чистая писчая и почтовая бумага с конвертами».

Бесцветной жидкостью Бабушкин писал своим товарищам в Лондон, Самару, Москву и поэтому постарался вылить ее, воспользовавшись тем, что в первые минуты обыска жандармы сосредоточили свое внимание на книгах. Рыковский, заметив это, запретил Ивану Васильевичу и его другу переходить с места на место, в особенности переговариваться между собой. Он приказал городовым и дворникам не спускать глаз с арестованных.

Обыск начался около полуночи и продолжался до утра.

— Одеваться! — скомандовал Рыковский, тыча пальцем в Бабушкина, его жену, Шелгунова и даже в маленькую кроватку, в которой спал ребенок.

Почти на рассвете арестованных вывели на улицу, где уже дожидалась тюремная карета. Словно чувствуя, что он видит жену и дочь в последний раз, Иван Васильевич всматривался в лицо Прасковьи Никитичны, безмолвно сидевшей в карете рядом с ним и охватившей обеими руками закутанного в одеяло ребенка. Напуганная шумом обыска, грубо разбуженная, девочка тихо плакала… Украдкой удалось Ивану Васильевичу в последний раз пожать руку старому другу— Шелгунову, и карета остановилась у ворот дома предварительного заключения. Арестованных немедленно разлучили:

Бабушкина посадили в одиночку, а его жену и Шелгунова отправили в другие камеры. И — уже третий раз в жизни ленинского ученика — потянулись мучительные дни, недели и месяцы тюремного заключения…

Стерегли Бабушкина на этот раз исключительна строго: власти боялись побега «государственного преступника».

14 января начальник Петербургского губернского жандармского управления составил подробные «Сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого по делу о «С.-Петербургском Комитете Российской социал-демократической партии» Бабушкине. Иване Васильеве». В этих «сведениях» жандармы постарались перечислить все дела особого отдела департамента полиции, в которых хранились материалы о революционной деятельности И. В. Бабушкина. Характерны ответы на 18-й и 19-й вопросы — о «месте воспитания» и на «чей счет воспитывался»: «Около трех лет учился грамоте в земской школе на родине и в 1894 г. посещал воскресную техническую школу в С.-Петербурге. Воспитывался бесплатно».

В тот же день жандармский ротмистр при С.-Петербургском губернском жандармском управлении Гришин составил «протокол примет крестьянина Вологодской губ. Тотемского уезда Ивана Васильева Бабушкина». Жандармы, опасаясь нового побега, старались снабдить своих филеров «особыми приметами» арестованного.

15 января состоялся первый допрос. Жандармы за вели новое дело, в котором были подробно изложены все «противоправительственные действия» И. В. Бабушкина: побег из екатеринсславской тюрьмы, проживание в Петербурге по подложному паспорту, организация подпольных рабочих собраний, издание листовок и т. п.

Арестованный держал себя на допросе спокойно и твердо и наотрез отказался отвечать на вопросы о своих товарищах, о том, кому и когда он пересылал листовки. В особой «Справке», приложенной к протоколу допроса, жандармы вынуждены были записать:

«На допросе Бабушкин не признал себя виновным в принадлежности к названному выше тайному сообществу… Найденные при обыске нелегальные брошюры Бабушкин, по его объяснению, получил для прочтения по пути следования от лица, называть которого не пожелал, а листок «Рабочей Мысли» и воззвание «Царь в Курске» нашел за несколько дней до обыска в одной из петербургских пивных; шифровальную азбуку составил лично, но не употреблял с преступными целями…» Жандармы особенно интересовались жидкостью в пузырьке, которую успел вылить Бабушкин во время обыска. Но и при этом вопросе Бабушкин остался верен себе:

«…Какая жидкость находилась в пузырьке — не знает; вылил ее машинально под влиянием нервного возбуждения, в котором находился во время обыска».

Допрос был прекращен, и за Бабушкиным вновь закрылись двери одиночки. На допрос его больше не вызывали: следователь решил, что долгие месяцы тюремного заключения заставят, быть может, «закоренелого преступника» обратиться к власти с какой-нибудь просьбой или заявлением. Тогда можно будет в виде особой «милости» удовлетворить эту просьбу (например, о свидании с родными) и попытаться вновь задать все те же необходимые жандармам вопросы о связях Бабушкина с товарищами в различных городах, о шифре, способах переписки и т. п.

Но Бабушкин стоически переносил тяжелые условия одиночного заключения. Он сильно беспокоился об участи Прасковьи Никитичны, о здоровье своей маленькой дочки, о

судьбе друга Шелгунова. Иван Васильевич не знал, что в его семью пришло большое горе…

Мать И. В. Бабушкина, Екатерина Платоновна, 11 апреля 1903 года подала на имя царя просьбу об облегчении участи сына и Прасковьи Никитичны. Екатерина Платоновна писала, что «Прасковья Рыбас также арестована и вместе с дочерью помещена в доме предварительного заключения. В настоящее время дочь Лидия находится на излечении от воспаления легких в Боткинской барачной больнице».

Екатерина Платоновна просила: «облегчить участь женщины, бескорыстно по любви связавшей свою судьбу с судьбою сына, повелеть о скорейшем окончании их дела, дабы они, разлученные ныне, могли, хотя и в ссылке, влачить вместе дальнейшее свое существование…»

Затем она обращалась с просьбой дать Прасковье Никитичне возможность быть вместе с больным ребенком или же хотя «разрешить иметь с нею свидания в доме предварительного заключения, так как она, удрученная горем и болезнью ребенка, ни от кого не слышит слово утешения…»

Глухи и безжалостны остались царские чиновники к этой просьбе старой матери; в переписке по делу об И. В. Бабушкине имеется канцелярская сухая пометка: «В просьбе отказано, о чем объявлено просительнице Е. П. Лепек по месту ее проживания — в С.-Петербурге, Галерной гавани, по Опалининой ул., д. 22, кв. 3». Оторванная от матери, девочка вскоре умерла: в барачной больнице мало заботились о выздоровлении больного ребенка, отец и мать которого «числились за следователем отдельного корпуса жандармов».

Прасковья Никитична заболела, услышав эту тяжелейшую для матери весть, грубо сообщенную ей в темной камере надзирателем. Через несколько недель Прасковью Никитичну выслали из Петербурга в Полтаву под строгий надзор полиции. Не скоро узнал об этом Иван Васильевич… Его держали на строгом режиме как «особо важного подследственного», не желающего к тому же давать показания. Но даже известие о смерти любимой дочурки, о высылке жены, которое он ухитрился получить при помощи «тюремного телеграфа» — перестукивания (за это «преступление» Бабушкина немедленно перевели на три дня в карцер), не сломило закаленного борца. Иван Васильевич провел эти три дня на хлебе и воде, в холодном каземате на голом каменном полу. Многое он вспомнил в эти бессонные ночи, много передумал… Вышел он из карцера по-прежнему внешне спокойный и твердый. Только появилось несколько ранних седин в волосах, словно иней посеребрил голову, да глубокие

морщинки залегли в уголках глаз…

Прошло уже более полугода с того раннего зимнего утра, когда Ивана Васильевича привезли в дом предварительного заключения. Допросов больше не было: жандармы настороженно выжидали, как отзовется на их несгибаемом пленнике тягостный долгомесячный режим тюремной одиночки.

Но Бабушкин на все намеки надзирателей и самого начальника тюрьмы, заходившего проверить «общее состояние подследственного», о возможности смягчения режима, если заключенный согласится дать хотя бы некоторые сведения, отвечал презрительным молчанием. Тогда департамент полиции решил расправиться с ним излюбленным способом: административной ссылкой в «места от центров империи Российской весьма отдаленно отстоящие».

4 августа 1903 года вице — директор департамента полиции Языков в секретном порядке сообщил начальнику Петербургского жандармского управления: «…по состоявшемуся соглашению г.г. министров внутренних дел и юстиции признано возможным ныне же привести в исполнение, состоявшееся об Иване Бабушкине высочайшее повеление, воспоследовавшее 5 марта 1903 года, на основании коего названный обвиняемый подлежит, по вменении в наказание предварительного заключения, высылка под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на пять лет, не ожидая окончательного разрешения производящегося о нем при вверенном вам управлении дознания». Жандармы надеялись получить дополнительные материалы о деятельности Бабушкина в Петербурге и с этой целью затягивали приведение в исполнение царского решения о ссылке Бабушкина. Убедившись же в полной бесплодности своих надежд, прокуратура и департамент полиции решили подвергнуть Бабушкина пятилетнему заключению в «ледяной тюрьме», как называли тогда ссылку в Восточную Сибирь. Якутскому губернатору было послано извещение, что «крестьянин И. В. Бабушкин направляется в его распоряжение для отбытия срока административного наказания».

Однако прошло еще четыре месяца, пока жандармы окончательно оформили свое решение: лишь 23 ноября 1903 года Бабушкину было объявлено «высочайшее повеление» о высылке его этапом в Восточную Сибирь. 25 ноября, несмотря на наступившую зиму, Ивана Васильевича отправили с очередной этапной партией за десять тысяч километров от Петербурга…

Глава 12
На «полюсе холода»

Тяжел и долог этапный путь. Громадное расстояние отделяло Петербург от Якутска. Ссыльных везли через Москву, Самару, Челябинск, Иркутск в арестантских вагонах, в невозможной духоте и тесноте. Конвойные то и дело замахивались прикладами, неистово ругались и всячески старались выполнять изданную департаментом полиции новую инструкцию «о приравнении политических ссыльных к уголовным при следовании этапом». Не раз грубые, ожесточившиеся солдаты провоцировали столкновение или хотя бы «отказ выполнить законные требования конвоя», чтобы пустить в ход приклады и даже штыки. В Челябинске из вагона, в котором везли Бабушкина, отправили в приемный покой трех ссыльных, до полусмерти избитых конвойными за то, что «политики вели себя шумно». На самом же деле вся их вина заключалась в том, что один из ссыльных студентов осмелился вполголоса запеть «Вихри враждебные веют над нами».

Бабушкин стоически выдерживал мытарства этапного пути. В дороге он помогал более слабым товарищам переносить все тяжести «тюрьмы на колесах», которая во многих отношениях оказывалась хуже одиночного заключения.

В Иркутске ссыльных выгнали из вагонов (иначе нельзя назвать эту поспешную высадку на рассвете, под озлобленные крики и ругань конвойных) и погнали в Александровскую пересыльную тюрьму, находившуюся в семидесяти четырех километрах от Иркутска. В ней ссыльных обычно держали неделями, а то и месяцами, пока не «сколотят», как говорило тюремное начальства, партию в различные отдаленнейшие наслеги (районы) Якутской области: в Верхоянск, Колымск, Средне-Колымск.

Через трое суток этапного передвижения Бабушкин подходил, к высокой тюремной ограде «Александровской пересылки». Об этой тюрьме, как и самом Александровском централе, ходила мрачная слава…

Через тяжелые, с режущим слух визгом открывавшиеся ворота прошло много товарищей Бабушкина — верных искровцев, неутомимых борцов за победу рабочего класса.

В этой тюрьме, рассчитанной на пятьсот-семьсот уголовных заключенных, в начале 900-х годов скапливалось в ожидании отправки более полутора тысяч человек. Власти, помещали

политических вместе с уголовными, отъявленными рецидивистами — ворами, убийцами, насильниками. Мало того, надзиратели недвусмысленно говорили уголовным о «царских супостатах, которым спуску давать не надо», натравливая уголовных-коноводов («иванов») и «шпанку», целиком зависевшую от своих главарей, на политических ссыльных.

Каким-то тягостным сном, подлинным кошмаром казались Ивану Васильевичу эти дни, проведенные полулежа-полусидя под нарами до последней степени переполненной общей камеры пересыльной тюрьмы. Невозможно передать, что творилось долгими зимними ночами в низенькой, насквозь пропитанной сыростью тюремной камере…

На верхних нарах господствовали «иваны», за которыми числилось не одно убийство, не один побег с каторги. Они во все горло орали песни, сводили счеты друг с другом, дрались…

Наконец «сколотили» партию в Якутск. Опять раздался знакомый окрик:

— Становиись!..

И из-за ограды тюрьмы вышла очередная партия, направлявшаяся за тысячи верст в якутские дали…

Шли пешком.

Сзади партии лениво трусили лошади, запряженные в узкие сани, на которых везли вещи ссыльных.

— Не отставать, не отставать! Не растягиваться! Подберись! — то и дело слышались окрики конвойных, ехавших верхом впереди и в конце партии.

Медленно, от станка к станку, как называли в тех местах этапные станции, двигалась партия политических ссыльных. Шло всего около двадцати человек, из которых больше половины составляли женщины. Шли рабочие, арестованные за участие в стачках в южных городах России, две учительницы из Белоруссии, высылаемые за участие в пересылке искровской литературы, шел двадцатилетний наборщик, напечатавший первомайскую прокламацию.

Никто не знал, что ожидало их, куда отправит их всесильный якутский губернатор. Но молодость брала свое, и юноша-наборщик, знавший наизусть, немало 302 стихотворений Некрасова, Лермонтова, Пушкина, А. К. Толстого, запевал: Спускается солнце за степи, Вдали золотится ковыль, Колодников звонкие цепи Взметают дорожную пыль…

По бескрайной дороге вилась снежная поземка, вместо пыли вокруг искрился седой иней, и все дальше и дальше по необозримым долинам и лесам шла партия ссыльных…

Многие ослабели: морозы, непривычное многодневное

движение оказались выше сил. Конвойный офицер сначала бушевал, грозя подогнать прикладами отстающих и падающих в изнеможении пересыльных. Но, в конце концов, на одном из этапов приказал посадить всю партию на сани, взяв со станка несколько лишних упряжек. Густые, таежные леса сменились полумертвой, словно убитой леденящими ветрами скудной якутской растительностью.

Наконец в сгустившемся вечернем холодном тумане измученные ссыльные увидели смутные очертания какого-то селения. Это долгожданный Якутск. Он был невелик: в то время в нем числилось всего лишь восемь тысяч жителей. Но все же в городе имелись библиотека, музей, телеграф. Издавалась даже газета, сплошь заполненная правительственными распоряжениями и описаниями молебствий по случаю «царских дней». И Якутск, центр огромной, почти безлюдной местности, привлекал ссыльных: в городе легче было установить связи с оставшимися на воле за тысячи верст товарищами, можно было подыскать хоть какой-нибудь заработок. Но якутский губернатор уже получил предписание о высылке Бабушкина.

По усмотрению этого сатрапа, Бабушкин должен был выехать из Якутска еще за тысячу верст на север — в город Верхоянск.

Иван Васильевич начал готовиться к новому, еще более мучительному путешествию. Он знал, что Верхоянск находится почти на «полюсе холода», за труднопроходимыми горными кряжами и добираться туда придется в условиях жестокой якутской зимы. Местные ссыльные посоветовали Бабушкину купить кухлянку, заменявшую в суровых условиях верхоянской ссылки и шубу, и теплую шапку с ушами.

Якутский исправник, объявивший Ивану Васильевичу под расписку распоряжение губернатора о «немедленном выезде к месту жительства на все время ссылки в г. Верхоянск», также предложил «озаботиться на свой счет обеспечением себя продовольствием в дальнейшем пути следования». Ссыльному выдали 15 рублей казенного пособия «для приобретения необходимых вещей и питания».

Однако губернаторское распоряжение не так-то легко было выполнить: жестокие морозы чередовались со свирепой пургой, когда нечего было и думать о немедленном выезде в Верхоянск.

Бабушкин пробыл в Якутске около трех недель, запасаясь самыми необходимыми для предстоящей тяжелой дороги предметами. Надо было купить не только теплую одежду, в которой можно выдержать езду на лошадях при полярном морозе, но заготовить и провизию, так как на воем пути от Якутска до Верхоянска нельзя достать ни крошки хлеба. Приходилось везти с

собой месячный запас продовольствия.

Иван Васильевич израсходовал почти все свои скудные средства. Он купил кухлянку, торбасы — местную мягкую якутскую обувь — и переметную — суму, в которую необходимо было сложить все вещи. Последние деньги пошли на покупку меховых чулок и одеяла. Якутские товарищи-ссыльные предупредили, что без них легко простудиться насмерть или отморозить ноги. Из продуктов пришлось взять е собою только несколько караваев хлеба, мешочек сухарей и замороженные «круги» щей. Каждый путник из. Якутска на север обязательно вез несколько таких «кругов»: щи быстро застывали на морозе и могли выдержать дальнюю — дорогу.

14 января 1904 года на десяти санях тронулась в Верхоянск партия» ссыльных. Низкорослые, выносливые и крепкие якутские лошади местной забайкальской породы, называемые бурятками, вздрагивали от сильного мороза. Около трехсот верст предстояло проехать на лошадях, а затем пересесть на оленей, запряженных в нарты.

В начале обоза разместились ссыльные, замыкали его сани, на которых везли продукты. Конвоировали ссыльных лишь четверо казаков:, якутское начальство мало опасалось побегов ссыльных, так как летом непроходимые горы, тундры и болота служили охраной более надежной, чем высокие: тюремные стены. Зимой же побег почти невозможен: ссыльные, неминуемо были бы замечены на единственной дороге от станка к станку, и тогда их нагнали бы высланные в поганю из Якутска казаки. Исправник перед отправкой ссыльных в Верхоянск сказал с циничной откровенностью что «в здешних местах вместо тюремных стен есть вещи понадежнее — мороз в 60° да горные кряжи, в которых не то что человек, а и медведь пропадет без всякого следа…»

На сотни километров расстилалась укрытая снегом, угрюмая, безлюдная местность. На больших перегонах кое-где встречались поварни.

Чем дальше ехали, тем сильнее мороз давал себя чувствовать. На якутских станциях, пока происходила смена лошадей, ссыльные старались отогреться горячим чаем.

На одной из станций лошадей заменили оленями, а тяжелые сани — легкими нартами. Быстро бегут олени по снежной пустыне. Все ближе и ближе ледяная тюрьма.

Ссыльные, жестоко страдая от морозов, достигавших пятидесяти градусов, с нетерпением всматривались вдаль, не появится ли станция Но станции стали попадаться реже, а вид их наводил тоску и уныние. Это были уже не деревянные избы, какие встречались вначале пути, а одиноко стоящие якутские юрты, еле

заметные на фоне снежного покрова среди низкорослого, чахлого леса.

Путь пролегал нередко по руслам замерзших рек. Приходилось ехать по наледи — тонкому ледяному слою, который образовался на реке от выступившей в сильный мороз поверх льда воды. Спускались в пади. В падях — сплошные болота, в зимнюю пору покрытые льдом.

На границе Верхоянского округа, почти на высшей точке перевала, на высоте около тысячи трехсот метров, было особенно пустынно. И каждый невольно (в последний, быть может, раз!) оглядывался назад, на теснившиеся горы, скрывавшие дорогу на родину. На пути изредка попадались небольшие деревянные ограды, за которыми на нескольких камнях лежали жертвоприношения якутов «духу обо», по их верованию охранявшему перевал и строго наказывавшему путников, осмелившихся пройти мимо, не положив на камни жертвы. Зачастую здесь валялись трупы собак, зайцев, лисиц и даже лошадей.

Дальше дорога оказалась еще непроходимее, а местность — глуше и мрачнее/Местами появлялись глубокие трещины: живое свидетельство могущества хозяина здешних гор и падей — мороза; в суровые бесснежные зимы земля не выдерживает шестидесяти— шестидесятипятиградусных морозов и трескается. Эти трещины, достигающие иногда нескольких метров глубины, остаются и летом. Поэтому на обнаженных отрогах гор, обдуваемых пронизывающим до мозга костей ветром, то и дело встречались следы господства мороза.

С каждым днем изнурительного пути силы ссыльных убывали; даже конвойные, привычные к длительным поездкам в жгучие якутские морозы, заметно устали. Чаще и чаще партия делала дневки на поварнях; целыми сутками отлеживались на голом, промерзшем полу, укутавшись в заячьи одеяла. И лишь ровно через месяц после отправки из Якутска, 13 февраля 1904 года, на одной из долин зачернелись неясные контуры строений. Синий дымок, столбом подымавшийся к безоблачному небу, и лай собак указывали на близкое жилье.

— Что надо? — спросил Бабушкин.

Стук повторился с той же силой. Иван Васильевич снял задвижку, и в облаке холодного воздуха в юрту ввалился высокий, сильно навеселе казак.

— Я… мне велено… как я есть наблюдающий, так, значит… — забормотал он, для верности уцепившись огромной рукой за притолоку двери.

— Снимите шапку! — резко произнес Бабушкин. — Вы не в

полицейском управлении!

Казак опешил. Он даже наклонился, желая поближе взглянуть на этого в сравнении с ним слабого, худощавого ссыльного.

— Ка-ак?.. Ты смеешь мне… начальству своему?.. — видимо, копируя манеру исправника разговаривать с политическими ссыльными, начал было казак.

Бабушкин выхватил из огня раскаленные щипцы и решительно шагнул к непрошенному гостю:

— Снять шапку И не тыкать! Или я сам ее сниму вместе с вашими усами!

Щипцы поднялись вровень с лицом «явного наблюдателя». Казак попятился от этой неожиданности и, ударившись спиной о дверь, вылетел из юрты.

Бабушкин запер дверь и продолжал свою работу, спокойно прислушиваясь к ругани и крикам бушевавшего на морозе казака, который угрожал «стереть с лица земли» непокорного ссыльного. Так как день был праздничный и исправника в полицейском управлении не было, то полупьяный казак ограничился тысячами проклятий и угроз, не решившись, однако, вновь войти в юрту.

На другой день исправник вызвал Бабушкина в полицейское управление.

— Спозаранку работать стали? И с горячим оружием? — ехидно осведомился он.

— Горячего оружия, к сожалению, не имею, — спокойно ответил Иван Васильевич, — а холодного для непрошенных ранних гостей запас немало.

Исправник вместо новой реплики ограничился взглядом, который, по его мнению, должен был «усмирять политиков»: вытаращив глаза, он с полминуты в упор смотрел на ссыльного. Но на Бабушкина и это не произвело никакого впечатления.

— Больше ничего? — осведомился он и вышел на крыльцо.

Весть об этой «беседе» облетела все юрты ссыльных.

Колония верхоянских политических ссыльных в начале 1904 года состояла из двадцати — двадцати пяти человек.

В Верхоянске находились народовольцы, отбывавшие здесь срок ссыльного поселения, были представители «переходных групп», как называли себя в то время революционеры, начавшие порывать связь с народовольчеством и переходившие к марксизму. Были и представители «экономистов».

Среди ссыльных социал-демократов происходило резкое размежевание. Бабушкин неоднократно вступал в споры с «экономистами» по вопросам партийной программы. Его поддерживали ссыльные рабочие.

Общение с товарищами помогало Ивану Васильевичу

переносить крайне трудные условия ссылки.

Заброшенность Верхоянска, в особенности в длительную распутицу, вызывала сильную дороговизну на продукты самой первой необходимости. Цены в Верхоянске на хлеб, сахар, масло были в пять-десять раз выше, чем в Якутске, хотя и там продукты питания стоили гораздо дороже, чем в остальных городах Восточной Сибири. Жить ссыльным на пятнадцатирублевое казенное пособие в месяц было крайне трудно. Поэтому почти все без исключения политические ссыльные занимались различными ремеслами, так как совершенно нельзя было применить свои знания в области науки или искусства: преподавание детям местных жителей запрещалось, а каких-либо конторских или счетных работ в этом городе почти совсем не было.

Иван Васильевич не мог надеяться на денежную помощь своей жены: Прасковья Никитична все время находилась под полицейским надзором, сама с трудом зарабатывала на пропитание, занимаясь поденной работой. Иван Васильевич писал ей в адрес матери, подробно сообщая о жизни ссыльных в далекой верхоянской тундре.

Как хороший слесарь, Бабушкин находил некоторый заработок по починке мелких бытовых предметов, особенно в летнее время. Исправник, зорко следивший за каждым шагом и занятием политических ссыльных, в полугодовых ведомостях доносил губернатору:

«…Бабушкин. Занимается слесарным мастерством, но по отсутствию работы заработок имеет небольшой».

Многие из якутских ссыльных не выдерживали условий жизни в этой «ледяной могиле» или «тюрьме без дверей»: заболевали, кончали жизнь самоубийством.

Несмотря на тяжелые условия, ссыльные оказывали большое влияние на повышение общей культуры окружающего населения, на благоустройство Верхоянска. Они немало потрудились над улучшением дороги от реки Яны к городу.

Оторванные от всего мира, от революционной жизни, ссыльные с большим нетерпением ждали политических новостей. Почта приходила в Верхоянск через месяц или даже полтора. Жадно читали ссыльные весточки от своих родных и друзей, перечитывали каждый номер газеты, доходивший к ним после бесчисленных препятствий якутского и местного начальства. Бабушкин крайне интересовался всякой вестью о II съезде партии, о развернувшейся после съезда борьбе большевиков с меньшевиками, окончательно выявившими свое оппортунистическое лицо. Но переданные условным шифром известия о Ленине, о его борьбе с меньшевиками были скудны и

отрывочны: сказывались бескрайные ледяные просторы, на тысячи километров разъединившие неутомимого агента «Искры» и его великого учителя.

Бабушкин часто и подолгу беседовал с товарищами на политические темы. Он разъяснял им позицию искровцев по вопросам создания революционной рабочей партии, политической борьбы пролетариата.

Иван Васильевич с нетерпением ждал весны, когда с наступлением навигации можно будет надеяться на получение более подробных сведений о съезде. Вероятно, его друзья найдут способ передать ему или в посылочке, или еще другим способом все то, что необходимо знать верному, непоколебимому искровцу.

Наконец Иван Васильевич получил более полные сведения о II съезде партии. Он узнал об острой борьбе, разгоревшейся на съезде между революционной группой съезда и его оппортунистической частью; о том, что В. И. Ленин блестяще разбил возражения оппортунистов против включения в программу партии пункта о диктатуре пролетариата, в результате чего съезд принял революционную программу партии, предложенную «Искрой».

Узнал также Иван Васильевич об ожесточенных: спорах на съезде В. И. Ленина с Мартовым по поводу формулировки первого параграфа Устава партии. Против ленинской формулировки, гласившей, что членом партии считается всякий, признающий программу партии, поддерживающий ее материальными средствами, лично участвующий в одной из организаций партии, Мартов выступил со своей формулировкой, в которой условием членства в партии не считалось обязательное участие в одной из ее организаций.

Бабушкин негодовал по поводу того, что при голосовании за первый параграф Устава партии неустойчивые искровцы, отколовшись от твердых искровцев, дали возможность оппортунистам большинством голосов принять формулировку Мартова.

Иван Васильевич понимал, что формулировка Мартова открывала широкий доступ в партию неустойчивым, случайным элементам.

С глубоким чувством удовлетворения Иван Васильевич узнал, что при выборах в руководящие центральные органы партии большинство съезда (большевики) голосовали за Ленина и его сторонников, что сторонники Ленина одержали победу над меньшинством съезда (меньшевиками).

Иван Васильевич как твердый искровец сразу стал на сторону большевиков. Он разъяснял своим товарищам решения съезда,

говорил о значении для рабочего класса учения Ленина о партии и, рассказывая о позиции меньшевиков на съезде, выявлял их оппортунистическую сущность.

* * *

После II съезда партий В. И. Ленин вел ожесточенную борьбу против меньшевиков, которые пошли на прямой раскол. Они отказывались выполнять решения II съезда партии, пытались захватить в свои руки центральные органы партии, создали тайно антипартийную фракционную организацию, главарями которой стали Мартов, Троцкий и Аксельрод.

Мартов в своих яростных нападениях на большевиков писал, что меньшевики «подняли восстание против ленинизма».

В лагерь меньшевиков вскоре после II съезда партии ушел Плеханов. Он помог им вести атаку на ленинскую «Искру», кооптировал в состав редакции «Искры», вопреки решениям II съезда партии, старых редакторов-меньшевиков. С 52-го номера «Искра» стала оппортунистической, меньшевистской.

Захватив «Искру», меньшевики в тесном союзе «экономистами» и бундовцами использовали ее как орган борьбы с Лениным. Они стали тянуть партию к организационной раздробленности, к кустарничеству, помещая в «Искре» статьи против партийности и партийной дисциплины. Меньшевистская «Искра» выступала против революционной борьбы, всячески восхваляя «уступчивость и уживчивость».

В это трудное для партии время, когда большевики оказались без своего центрального органа, на страницах которого они могли бы проводить борьбу с оппортунизмом, выходит книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (май 1904 года). В ней В. И. Ленин наносит решительный удар меньшевистскому оппортунизму в организационных вопросах и впервые в истории марксизма разрабатывает учение о партии как руководящей организации пролетариата.

С громадным волнением, с истинной жаждой борьбы ждал Иван Васильевич дальнейших вестей от своих далеких друзей. Вести пришли неожиданно, и не из Петербурга, а из Якутска. Они были так тяжелы, что вначале верхоянские ссыльные им не верили.

В Якутске политические оказали вооруженное сопротивление местным властям. Произошла перестрелка. Несколько дней верхоянцы находились в сильнейшем волнении: неужели опять повторилась якутская кровавая трагедия 1889 года? Тогда по

приказу вновь назначенного якутского губернатора Осташкевича, решившего проявить «всю полноту власти», солдаты убили шестерых политических ссыльных и восьмерых тяжело ранили. И теперь, зимой 1904 года, в том же Якутске вновь пролилась кровь отважных борцов с самодержавием.

Открытое возмущение политических ссыльных было вызвано «новым курсом» министра внутренних дел Плеве и послушного исполнителя всех его циркуляров Кутайсова. Генерал-губернатор, направляясь в Сибирь, еще из вагона своею специального поезда в августе 1903 года разослал всем губернаторам Восточной Сибири секретный циркуляр, в котором требовал «всемерно усилить надзор за административно ссыльными». За этим циркуляром последовал ряд других: ссыльных ставили в совершенно нечеловеческие условия существования: «квартиры, занимаемые ссыльными, должны быть посещаемы, возможно, чаще чинами полиции…», «вся переписка должна быть тщательно просматриваема исправниками…» В Верхоянск, Колымск, в отдаленнейшие безлюдные наслеги стали высылать даже больных ссыльных.

Якутский губернатор Булатов рьяно исполнял все драконовские циркуляры Кутайсова. Жизнь политических ссыльных стала поистине невыносимой. Среди них назревало все растущее сопротивление, вылившееся в вооруженный протест. 18 февраля 1904 года большая группа политических ссыльных Якутска (в городе и ближайших к нему поселениях в это время насчитывалось более ста ссыльных) забаррикадировалась, запасшись оружием и провизией, в просторном двухэтажном доме якута Романова 1 и потребовала от губернатора смягчения режима. Среди объявивших вооруженный протест были В. Курнатовский, А. Костюшко — Валюжанич, Е. Матлахов, несколько женщин — политических ссыльных. В ответ на их требования губернатор оцепил дом Романова войсками. Солдаты вели себя крайне вызывающе и дерзко, с площадной руганью пытались сорвать ставни с окон, превращенных осажденными своеобразные амбразуры. Солдаты угрожали «перестрелять всех политиков без разбора».

В. Курчатовский был вынужден два раза выстрелить, но наступавшим. Один солдат был убит, другой смертельно ранен. В ответ загремели винтовочные выстрелы. Солдаты давали по осажденным залп за залпом. Пули пронизывали ставни, впивались в бревенчатые стены.

Первыми выстрелами был убит Е. Матлахов. Смерть его была моментальной: он упал, даже не вскрикнув, — пуля пробила голову навылет.

Весть о чудовищном насилии царских властей быстро облетела якутские и сибирские колонии политических ссыльных. Везде — и на Колыме, и в Вилюйске, и в Нерчинске — томившиеся в ссылке революционеры единодушно заявляли о своей солидарности с якутскими товарищами.

Бабушкин был организатором коллективного протеста верхоянских ссыльных: в резком протесте-заявлении его подпись стоит первой.

В якутском архиве хранится подлинник заявления верхоянских политических ссыльных: «Господину прокурору Якутского Окружного суда. Заявление. В виду постоянно повторяющихся фактов насилия над нашими товарищами в тюрьмах, дороге и в местах ссылки, мы, революционеры, сосланные в город Верхоянск, не имея фактической возможности присоединиться к нашим якутским товарищам в их открытой борьбе против диких фактов насилия администрации, особенно участившихся в последнее время, заявляем о своей полной солидарности с товарищами, смело выступившими за наши общие требования, и о своей готовности всегда дать должный отпор на всякое насилие над нами.

Гор. Верхоянск, Иван Бабушкин…»

23 марта 1904 г. (Следует 19 подписей.)

6 и 7 апреля к этому заявлению присоединились еще пять политических ссыльных Якутска, и протест был направлен якутскому прокурору.

Заявление верхоянских ссыльных революционеров вызвало взрыв ярости якутских властей: и губернатор, и исправник, и прокурор решили в качестве наказания «за дерзостное неуважение к начальству, выразившееся в подаче недопустимого по форме и явно противозаконного по существу коллективного протеста», разослать верхоянцев в еще более отдаленные и глухие места Восточной Сибири и Якутии, к берегам Ледовитого океана.

Однако рабочее движение, развернувшееся в Сибири в связи с ростом революционных событий и русско-японской войной, сорвало планы мести царских властей. Губернатор и прокурор Якутска запросили санкцию департамента полиции о «новых, более решительных мерах в отношении лиц, подписавших протест в г. Верхоянске». Департамент полиции медлил с ответом, опасаясь вызвать репрессиями новое, быть может, еще более решительное, вооруженное сопротивление политических ссыльных. Департамент получил сведения от своей агентуры, что «романовка» настолько обострила отношения ссыльных революционеров с местными властями, что повсюду — ив Акатуе, и в Нерчинске, и в Якутске, и в Зерентуе — ссыльные могут с

оружием в руках ответить на новое насилие со стороны тюремной или ссыльно — поселенческой администрации. Это обстоятельство понял и верхоянский исправник, приказавший своим казакам «не особенно тревожить политиков до весны».

* * *

А до весны было еще так далеко!..

Несмотря на апрель, верхоянская полярная зима ж думала сдаваться. Она свирепствовала по ночам, — мороз в конце марта доходил до тридцати градусов, хотя днем ослепительно яркие солнечные лучи обещали победу тепла и света. Местные жители с нетерпением ждали ветров: в Верхоянске они всегда способствуют перемене погоды.

Вместе с первыми ветрами на «полюс холода» долетело и робкое, еще не уверенное дыхание весны.

Приближалось Первое мая. Этот день ссыльные решили отпраздновать, как и на воле, торжественно и радостно. Несмотря на гнетущие условия, И. В. Бабушкин и его товарищи по ссылке чувствовали, что надвигается что-то необычное: вести о русско-японской войне, о волнениях рабочих в Чите и Иркутске, которые привозили казаки-верховые из Якутска, настороженность полицейских, какая-то особая подозрительность и вместе с тем затаенный страх, проглядывавшие в каждом слове исправника, — все это волновало верхоянских ссыльных.

— Товарищи! Первое мая — наш рабочий, революционный праздник! Мы встретим его даже и здесь, за Полярным кругом! — предложил Иван Васильевич своим соседям-ссыльным.

Место для маевки решено было выбрать укромное, подальше от полицейских глаз. Делу помог начавшийся перелет птиц: под предлогом охоты на диких уток и гусей, тысячами летевших с юга к берегам Ледовитого океана, ссыльные ушли на рассвете Первого мая за несколько километров от города.

Ранней весной особенно заметно на фоне горного рельефа своеобразие окружающей природы.

Охотники шли не торопясь, перепрыгивая через глубокие и местами довольно широкие трещины, которые удивляли ссыльных еще по пути из Якутска в Верхоянск. Теперь эти трещины наполнялись талой водой, и приходилось осторожно пробираться по не совсем еще оттаявшей тропинке.

Наконец Бабушкин и его товарищи взобрались на одну из гор. Вокруг, куда ни достигал взор, расстилался унылый, безрадостный ландшафт Заполярья. Внизу поблескивала

скованная льдом Яна. Река делала вокруг Верхоянска прихотливые петли, то сливаясь с озерами, то охватывая полукольцом горы. Деревьев почти не было видно; казалось, что даже они не могли противостоять суровым ветрам и жгучим морозам верхоянской семимесячной зимы.

Низкий и чахлый, но достаточно густой лесок, скорее напоминавший кустарник, надежно скрыл от непрошенных взоров небольшую группу верхоянских ссыльных. Несколько минут все молчали, оглядывая неприветливые окрестности. Как не похожа была эта заполярная маевка на те оживленные, боевые собрания рабочих, которые проводил Бабушкин в окрестностях Орехово-Зуева, Екатеринослава! Каждый сознавал, что там, на далекой-далекой родине, в Подмосковье или под Петербургом, Казанью, Харьковом, вокруг крупных центров рабочего движения именно сегодня, в первомайское утро, звучат смелые, гордые речи. Но даже и здесь, в суровых и хмурых условиях якутской природы, уверенность в своих силах, вера в неизбежную победу не покидали Ивана Васильевича. Речей на маевке не было; ее участники ограничились задушевной беседой, расположившись на проталинке, пригретой солнцем.

— Давайте, товарищи, разложим костер!.. Огонь — спутник жизни!.. — воскликнул один из участников маевки.

Предложение его понравилось всем. С трудом разыскали сухие ветки кустарника, и вскоре вспыхнуло пламя костра.

Вернулись верхоянские ссыльные с маевки поздним вечером.

…Летом ссыльные с увлечением принимали участие в ловле рыбы: нужно было заготовить как можно больше продуктов на новую суровую зиму. Ссыльные, приспособляясь к местным условиям, отлично снаряжали «паузки» для рыбной ловли и перевозок продуктов. Бабушкин тоже занимался подготовкой лодок: смолил их, чинил и шпаклевал борта, делал железные уключины.

Он ремонтировал лодку не только для безобидных поездок за рыбой; уже давно, с первых дней жизни в Верхоянске, его не оставляла мысль о возможности побега. Но, тщательно взвесив все обстоятельства, Бабушкин решил подождать: еще не было случая удачного побега из Верхоянска.

Лето прошло быстро. Ссыльные старались по возможности как можно больше бывать на солнце, на воздухе: впереди долгая-долгая зима в смрадной и тесной юрте. Рано и быстро приходит осень в Верхоянский край. Уже в июле почувствовалось дыхание севера, первые признаки зимы: холоднее стали дни, а по ночам у берегов озер и краев болот появились первые хрустящие корочки льда. Лиственницы, как по команде, в два-три дня оделись в

желтовато-коричневый наряд: первые заморозка убили хвою». В конце июля можно было после нескольких месяцев «круглого дан» (так якуты зовут весенне-летний период, когда солоде не заходит) видеть первые звезды. С каждым днем властно вступала в свои права холодная осень.

И сразу леса на всем пространстве по течению Яны, на горах и в падях расцветились непередаваемыми тонами и красками. Багряными, оранжевыми, бронзовыми и медными переливами горело прощальное солнце на тронутых морозом деревьях и кустарниках. Местные жители целые недели проводили в лесах, торопясь запастись на долгую зиму клюквой, голубикой, морошкой.

Ссыльные также пользовались последними днями тепла и света, проводя время на берегах озер и Яны — на рыбалке или за сбором ягод. Бабушкин неутомима, бродил по лесам и у озер, вспоминая свое детство, вологодские леса, Паранину гору в родном селе…

Редкие в этом краю зарницы, вспыхивавшие иногда над горами, были как бы прощальными приветствиями: лета; они торопились уступить свое место пышным северным сияньям.

Зима 1904/05 года выдалась суровая. Хотя Бабушкин и успел уже ознакомиться с верхоянскими холодами, приехав в ссылку в феврале 1904 года, но таких холодов, какие надолго установились в конце 1904 и в начале 1905 года, он все же не ожидал.

Предвестниками «большой зимы» были частые и длительные «сполохи» (северные сиянья). Они в начале зимы казались еще красивее и величественнее тех, какие Иван Васильевич впервые наблюдал в феврале.

— Ой, быть морозу, быть!.. — говорили верхоянцы, покачивая головой и указывая на разноцветные, охватившие полнеба столбы северного сиянья. — Уж очень сполохи играют!..

Словно оправдывая это предсказанье — результат многолетних наблюдений местных жителей, ударили трескучие морозы. В середине ноября они дошли до сорока градусов, усиливались весь декабрь и к началу нового, 1905 года достигли шестидесяти — шестидесяти пяти градусов. Ртуть замерзла, пришлось определять температуру не по обычному, а по спиртовому термометру. Лишь полное безветрие помогало человеку кое-как переносить столь суровые морозы. И в юрте чувствовалась власть свирепой стихии. Стоило лишь во время бесконечной ночи оставить камелек на полтора-два часа без присмотра, как холод проникал в юрту. К утру не только у притолоки над дверью и у окон, но и на стене почти рядом с

камельком выступал иней, вскоре превращавшийся в лед, который приходилось, после разжигания камелька, счищать большим ножом-косарем или отстукивать обухом топора. А за юртой нередко раздавались глухие, тяжелые удары, точно отдаленные орудийные залпы. Это трескалась от нестерпимого мороза земля. В. П. Ногин пишет:

«Когда говоришь о таком морозе, то недостаточно сказать «холодно» или «очень холодно», так как эти слова не выражают того состояния, которое испытываешь при нем. Такой мороз «жжет», он именно «жгучий», знойный. При нем, когда выходил из юрты, я испытывал такое ощущение, как будто меня жгут каленым железом… Чувствовалось, что озяб действительно до мозга костей. В воздухе стоит густой туман; нигде не видно ни души, все работы брошены; все живое исчезло, не видно ни единой птицы, ни единого зверя, ниоткуда не раздается ни звука, только из всех труб вырываются с треском искры. Ветерка ни малейшего, и дым подымается совершенно прямо. Ночи были лунные, абсолютно тихие, светлые и еще более «жгучие».

И. В. Бабушкин лишь в общих чертах знал о борьбе В.И.Ленина, большевиков за созыв III съезда партии.

Съезд должен был положить конец оппортунизму меньшевиков в организационных и тактических вопросах и наметить единую тактическую линию пролетариата в нарастающей демократической революции.

Вся обстановка первых четырех годов XX века способствовала быстрому назреванию революции. Промышленный кризис, рост безработицы в городе, голод в деревне, резко ухудшая положение трудящихся масс, вызывали революционные выступления. Все чаще экономические стачки рабочих переходили в политические, все большие массы пролетариев принимали участие в уличных демонстрациях, ширились массовые выступления крестьян. Война царского правительства с Японией, резко обостряя классовые противоречия, ускоряла приход революции. Выступления рабочего класса принимали наиболее организованный, массовый характер. Большое значение для развития организованного движения рабочих имела стачка в Баку, проведенная в декабре 1904 года под руководством Бакинского комитета большевиков. Стачка окончилась победой рабочих: нефтепромышленники вынуждены были заключить с рабочими впервые в России коллективный договор.

3 января 1905 года в Петербурге началась стачка рабочих Путиловского (ныне имени С. М. Кирова) завода, быстро охватившая ряд крупнейших заводов и фабрик столицы. А 9 января рабочие, обманутые провокатором шитом Гапоном,

пришли вместе с семьями к Зимнему дворцу подать «царю-батюшке» просьбу — петицию. Николай II приказал стрелять. Залпами царских войск было убито более тысячи человек, ранено — более двух тысяч.

Этот нагляднейший урок «царской помощи» рабочим вызвал по всей России — грозную волну негодования. Рабочие начали готовиться к массовому предъявлению политических требований. Все чаще появлялись на улицах демонстрации с лозунгом «Долой самодержавие!». По всей стране проходили стачки. В январе 1905 года стачками было охвачено около 440 тысяч рабочих. Рабочее движение достигло небывалого размаха. Выполняя решения III съезда партии, состоявшегося в апреле 1905 года, большевики вели подготовку вооруженного восстания. Под руководством большевиков в ряде городов стачки переходили в вооруженную борьбу рабочего класса.

Эти огромной важности события вынудили правительство несколько смягчить условия жизни политических ссыльных. Кроме того, известное влияние на смягчение режима ссылки оказала и якутская трагедия: обстрел «романовцев» в Якутске вызвал возмущение в различных слоях общества. Поэтому весной 1905 года департамент полиции разрешил верхоянским ссыльным поселиться в Якутском, Олекминском или Вилюйском округах. Однако им было категорически запрещено «пребывание в самом городе Якутске». Бабушкин выбрал Олекминский округ. Но осуществить переезд немедленно, весной или летом, было крайне тяжело: путь из Верхоянска в Олекминск по оттаявшим болотам и горным, малоприметным тропинкам исключительно труден. Здоровье Ивана Васильевича было уже расшатано мучительным этапом из Петербурга в Верхоянск и долгой зимой на «полюсе холода». Поэтому Бабушкин решил подождать первого санного пути, когда дорога станет значительно удобнее, если можно вообще говорить о каких-либо удобствах в этом путешествии по кручам и замерзшим болотам.

В этот год, на счастье, зима установилась рано. В сентябре 1905 года Иван Васильевич уже смог тронуться в дальний путь. Несколько дней перед этим он провел в хлопотах по заготовке провизии в дорогу. Пригодился опыт переезда из Якутска в Верхоянск: Бабушкин запасся изрядным количеством ржаных сухарей и сушеного оленьего мяса, растертого в порошок, — из нею быстро и без хлопот на поварнях можно было приготовить питательный и вкусный бульон. Мешок замороженных сибирских пельменей поместился в ногах путника на нарте, Бабушкин уезжал с несколькими товарищами, которые тоже решили отбыть остающийся им срок ссылки в Олекминском округе.

— Прощай, Верхоянск! — произнес почти каждый из отъезжающих, когда упряжка оленей тронулась с места.

Глаз невольно радовался картине более спокойных долин, сменивших после спуска с верхоянских перевалов мрачные горные ландшафты. Было необыкновенно приятно увидеть, как на станции около Якутска вместо оленей привели лошадей, а нарту заменили привычными для глаза санями. Бабушкин всю дорогу посматривал в заснеженную даль, почти не замечая усиливавшегося с каждым днем мороза. Он с нетерпением ожидал хоть какой-либо весточки от друзей, известия о выступлениях рабочих в крупных сибирских городах, 25 октября 1905 года добрался Бабушкин до Якутска.

В России революция развивалась все шире и шире. В Варшаве, Баку, Иваново-Вознесенске, Одессе, Риге и других крупных городах происходили организованные длительные стачки, демонстрации все чаще заканчивались столкновениями с полицией и войсками. В мае 1905 года стачки почти непрерывно продолжались в крупнейших промышленных центрах, охватив более двухсот тысяч рабочих.

Два с половиной месяца под руководством большевиков продолжалась стачка иваново-вознесенских ткачей. Особенностью этой стачки было создание революционного органа Совета уполномоченных, который фактически был одним из первых в России Советов рабочих депутатов.

В Лодзи — крупном промышленном центре Польши — в июне 1905 года рабочими была объявлена всеобщая стачка, переросшая в уличные баррикадные бои с царскими войсками. Это было первое в России вооруженное выступление пролетариата.

В деревнях и селах вспыхивали крестьянские волнения. Крестьяне центрально-черноземных районов России, Поволжья, Закавказья начали массовые восстания против помещиков. Волнения рабочих и крестьян захватили армию и флот. В июне 1905 года восстал броненосец Черноморского флота «Потемкин».

В октябре началась Всероссийская политическая стачка. Царь, напуганный революционным движением, ростом аграрных выступлений крестьян, потерпевший к тому же неудачу в войне с Японией, опасался растущего недовольства в армии и флоте. Он вынужден был 17 октября 1905 года издать пресловутый манифест о конституции, которую народ немедленно назвал «куцей конституцией». Манифест этот был выпущен царским правительством для того, чтобы обмануть народные массы, выиграть необходимое время для собирания сил, а затем подавить революцию.

Революционная обстановка заставила царское правительство

издать 21 октября указ об амнистии, но, вопреки ожиданиям народа, освобождение получила лишь очень незначительная часть политических заключенных и ссыльных. Известие об амнистии пришло в Якутск по телеграфу только 23 октября, почти накануне приезда туда Бабушкина.

Иван Васильевич не узнал Якутска — резиденции губернатора, оплота царской власти во всем огромном крае.

На улицах встречались группы рабочих, интеллигенции, мелких служащих и, конечно, политических ссыльных. Ссыльные приезжали в Якутск из самых отдаленных округов. Все жаждали узнать: что в Петербурге? в Москве?.. Правда ли, что начинаются массовые уличные демонстрации, что даже войска присоединяются к революционерам?.. Полиция, казаки личной охраны губернатора, жандармерия — все явные и тайные слуги царизма попрятались. Лишь кое-где воровато, бочком протискивались через толпу переодетые сыщики. Губернатор заперся в своем оцепленном конными казаками доме, бомбардируя Иркутск и Петербург спешными телеграммами и тщетно ожидая срочных ответов. В Петербурге тоже царило смятение: в эти дни царское правительство воочию увидело всю силу и размах организованного выступления рабочего класса. Пытаясь расколоть силы народа, правительство организовало в ряде городов убийства видных революционеров черносотенными организациями («Союзом русского народа» и. др.). 18 октября несколько тысяч московских рабочих направлялись по Немецкой улице (ныне улица Баумана) к Таганской тюрьме, чтобы освободить всех политических заключенных. В первых рядах демонстрации, с красным знаменем в руках, шел Н. Э. Бауман, просидевший в этой тюрьме почти полтора года и освобожденный по требованию московских пролетариев.

Увидев группу рабочих фабрики Дюфурмантеля, смотревших на демонстрацию, Бауман вскочил в пролетку проезжавшего извозчика и поспешил к ним.

— Товарищи! — крикнул он. — Присоединяйтесь!

В этот момент из-за угла выскочил черносотенец Махалин, завербованный в банду «Союза русского народа» полицейским приставом. Подбежав сзади, он ударил любимого московскими рабочими большевика железной трубой в висок. Склонилось красное знамя, накрыв собою умирающего Баумана…

Похороны пламенного большевика превратились в такую грандиозную, мощную демонстрацию трудящихся Москвы, какой еще не знала история русского революционного движения. Более двухсот тысяч рабочих, солдат, трудящихся города шло за красным гробом Н. Э. Баумана, погибшего на боевом посту.

Траурная процессия через весь город прошла под звуки оркестров, с тысячами флагов, знамен и плакатов из Лефортовского (ныне Бауманского) района на Ваганьковское кладбище.

Рабочая масса смела на этом траурном пути полицию, жандармерию, казаков. Москва в день похорон Н. Э. Баумана фактически была (в руках кока еще безоружного на этой демонстрации-протесте, но разгневанного, грозного пролетариата.

Бабушкин услышал в Якутске тяжелую весть о гибели своего товарища и друга Баумана. Он вспоминал беседы с ним в Москве, в Лондоне, вспоминал его любимое изречение: «Желать — значит сделать!»

Иван Васильевич провел в Якутске около двух недель, посещая стихийно возникавшие сходки политических ссыльных и местной интеллигенции. Ссыльные решили, не дожидаясь разрешения властей, уехать из Якутска, ближе к Центральной России.

Бабушкин горячо настаивал на немедленном отъезде и при первой же возможности в гамом начале ноября, выехал в Иркутск — крупный центр Восточной Сибири.

Глава 13
С оружием в руках

В Иркутске повсюду вспыхивали стачки, — рабочие местных заводов, железнодорожного депо решили присоединиться к всероссийской забастовке. Город был объявлен на военном положении. В Иркутске работал городской комитет социал-демократов.

Значительную группу в нем составляли большевики. Товарищи радостно встретили Бабушкина. Через неделю он был кооптирован в члены комитета. Ивану Васильевичу поручили крайне ответственное дело — подготовку к вооруженному восстанию.

Надо было не только подготовиться к открытому выступлению, но и, самое главное, запастись оружием и разъяснить иркутским рабочим необходимость вооруженного восстания. Бабушкин с утра до поздней ночи не выходил из общежитий, депо, станционных мастерских. Он читал рабочим листовки, изредка доходившие в Иркутск из городов Западной Сибири, выступал на собраниях, на митингах, длившихся в то время по восемьдесят часов.

От товарищей — иркутских ссыльных — он подробнее узнал о начавшейся борьбе в Петербурге. Иван Васильевич написал жене по конспиративному адресу большое письмо, просил поскорее ответить, обещал скоро приехать к ней. Это была последняя весточка, полученная от него Прасковьей Никитичной.

Один за другим мелькали дни. Назревали большие события. Тормозило дело лишь одно очень важнее обстоятельство: у иркутян было мало боевых припасов. Рабочие дружины были вооружены лишь револьвер рами и шашками. Винтовок явно не хватало.

Иркутский комитет партии решил отправить надежного товарища в Читу, где рабочие уже захватили немало оружия. Выбор комитета пал на Бабушкина.

С большими трудностями Иван Васильевич добрался до Читы. Поезда ходили без расписания, по три-пять дней железные дороги и телеграф бездействовали — всероссийская забастовка докатилась до отдаленных городов Восточной Сибири.

Еще в 1900–1901 годах в Чите работали подпольные марксистские кружки, издававшие нелегальные воззвания, листовки. К 1 Мая 1901 года был выпущен листок «Группой борьбы за освобождение рабочего класса». В 1902 году при

деятельном участии Ем. Ярославского в Чите энергично работала подпольная организация РСДРП. Разрозненные кружки объединились, и социал-демократы-искровцы установили крепкие связи с местными рабочими и железнодорожниками.

Когда Иван Васильевич приехал в Читу, революционное движение широкой волной прокатилось по всей Восточной и Западной Сибири. Большевики были в первых рядах надвигающейся грозной схватки с самодержавием: в Томске во главе пролетариата стоял С. М. Киров, в Омске — В… В Куйбышев, в Красноярске — М. С. Урицкий.

Большевистское влияние было особенно сильным в Чите, где в социал — демократической! организации также преобладая пролетариат..

Начальник иркутского жандармского управления подполковник Кременецкий в панике телеграфировал департаменту полиции, что «Забайкальская ж. д. фактически в руках революционеров, в области начались аграрные волнения, захвачено кабинетское (царской фамилии. — М. Н.) Тыргетуевское имение, в Чите войска присоединились к революционерам… полиция заменена милицией… Необходима для восстановления законного порядка присылка надежных войск». Кременецкий вместе с тем принимал все меры, чтобы узнать через своих агентов, кто же руководит рабочими в Иркутске и Чите. Когда-то Кременецкий допрашивал Бабушкина в Екатеринославе; теперь он вновь сообщает департаменту полиции: «в списке известных иркутскому охранному отделению… под № 4 записано: Бабушкин, рабочий».

Кутайсов, вызвавший своими циркулярами трагедию «романовцев» в Якутске, посылал из Иркутска в Петербург такие же телеграммы: «Положение отчаянное… войск почти нет: бунт полный, всеобщий… сообщений ни с кем. Опасаюсь подкреплений бунтовщиков прибывающими железнодорожными рабочими. На усмирение надежд пока мало…»

Зарево революции в Забайкалье разгоралось с каждым днем. В Чите в ноябре организовался Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов.

Советы депутатов, возникавшие в ряде городов в октябре — декабре 1905 года, являлись массовой политической организацией рабочего класса.

Советы действовали как власть революционных слоев населения. Читинский Совет рабочих депутатов установил восьмичасовой рабочий день, вырабатывал меры по усилению перевоза по Забайкальской железной дороге войск и продовольствия. Читинский комитет через посредство Советов

руководил восстанием, снабжал рабочих винтовками, боеприпасами.

Большевики подготовляли вооруженное восстание, вели пролетариат в открытые бои против царизма.

Вокруг Читы начиналось крестьянское движение: как на крыльях, полетела во все стороны весть — призыв Читинского комитета большевиков к трудовому крестьянству и казачеству брать в свои руки кабинетские земли — богатейшие имения с прекрасными пастбищами, строевым лесом, рыбными и охотничьими угодьями.

Читинский комитет охватил своим влиянием и местную интеллигенцию: организованные им учительские съезды встали на большевистскую точку зрения, и учителя стали пропагандировать призывы газеты «Забайкальский рабочий» о конфискации царских имений, об уничтожении полиции и замене ее милицией.

В. К. Курнатовский, так же как и И. В. Бабушкин, являлся одним из самых неутомимых, самых энергичных членов Читинского комитета. Он был главным редактором «Забайкальского рабочего» — органа читинской социал-демократической организации.

Бабушкин и Курнатовский разъясняли рабочим необходимость решительной борьбы с буржуазным влиянием в рабочем движении.

Справедливо отмечает М. К. Ветошкин, что «эта непримиримость ко всякому буржуазному влиянию в рабочем движении проходит красной нитью во всех статьях «Забайкальского рабочего», авторами которых были главным образом Курнатовский и Бабушкин. Нет возможности точно указать авторство всех статей в этой газете Читинского комитета, но не подлежит сомнению, что руководящие статьи писали Курнатовский и Бабушкин, у которых был большой опыт газетной работы еще со времени ленинской «Искры».

А. А. Костюшко — Валюжанич прилагал все усилия к тому, чтобы организовать вооруженные рабочие дружины на окрестных с Читой станциях и в рабочих поселках. Валюжанич успешно развернул пропаганду и в местном гарнизоне и в казачьих частях. Это была ответственная и сложная работа: правительство всегда пыталось повернуть солдатские штыки против рабочих.

Из многих мест — со станций Борзя, Оловянная, Мысовая, Слюдянка, Хилок, из города Верхнеудинска — поступали в Читинский комитет сведения о том, что рабочие объединились в боевые дружины и просят оружия и указаний, как надо бороться с теми воинскими частями, которые могут быть посланы из России

правительством для подавления революции в Забайкалье. Валюжанич и Бабушкин через своих товарищей-железнодорожников держали постоянную связь с рабочими дружинами. На большом отрезке железная дорога (Чита — ст. Маньчжурия на востоке и Чита — стан і М К Ветошкин. Забайкальские большевики и читинское вооруженное восстание на западе) покрылась сетью революционных рабочих дружин.

Рабочие-железнодорожники все сильнее осуществляли свое влияние на продвижение воинских эшелонов: отстраняли оставшихся верными царизму чиновников (начальников станций и др.), вели пропаганду среди солдат-фронтовиков. «Забайкальский рабочий» стал желанным гостем в теплушках солдатских эшелонов, несмотря на всяческие запрещения и угрозы офицеров.

— Оружия! Больше оружия! — с такими требованиями все чаще обращались в Читинский комитет десятки и сотни рабочих-дружинников с линии.

И. В. Бабушкин целиком отдался своим новым обязанностям. Осуществлялась мечта всей его жизни: пролетариат становился хозяином положения. Освобождение рабочего класса, — то, о чем он долгими годами думал и в тюрьмах и во тьме полярной ночи, о чем так горячо и страстно беседовал с петербургскими, екатеринославскими, орехово-зуевскими товарищами, началось! И он смело берет в руки оружие, идет единственным, верным путем.

Именно о захвате оружия больше всего беспокоятся И. В. Бабушкин и А. А. Костюшко — Валюжанич. Они решаются на смелую попытку: 5 декабря рабочая дружина под их предводительством напала на цейхгауз железнодорожного батальона и увезла около восьмисот винтовок. Полковник Дориан, перепуганный революционными выступлениями, не сопротивлялся, но лишь просил… «дать ему какой-либо оправдательный документ… для отчета начальству».

По данным члена Читинского комитета М. К. Ветошкина, комитет в половине декабря располагал почти четырьмя миллионами патронов, большим количеством винтовок, револьверов, холодного оружия. Всего в руках у читинских рабочих оказалось до сорока тысяч винтовок.

Средства связи переходили одновременно в распоряжение Совета и комитета. Так, 23 декабря, по требованию комитета, все органы связи (почта, телеграф) были переданы в ведение только что организовавшегося в Чите союза почтово-телеграфных служащих. Правительство слало из Петербурга одну за другой строжайшие телеграммы о «немедленном прекращении

беспорядков», о «принятии всех возможных мер». Во всем Забайкалье назревало восстание. В Чите полиция была разоружена; газета «Забайкальский рабочий», громившая правительство, издавалась открыто; были освобождены политические заключенные.

Бабушкин предложил железнодорожникам станции Читатоварная отцеплять от следующих с фронта эшелонов вагоны с оружием и ставить их на запасные пути. Благодаря этому решению Читинского комитета в руках революционеров с середины декабря 1905 года до середины января 1906 года оказалось около сорока вагонов с различного рода вооружением.

Руководство Читинского социал-демократического комитета вполне правильно связывало успех читинского вооруженного восстания с победой революции в общероссийском масштабе. Читинский комитет решил вовлечь в восстание маньчжурскую армию, чтобы расширить восстание, вывести его за пределы Забайкалья и объединенными силами рабочего класса и революционного крестьянства свергнуть самодержавие. Поэтому большевики — члены комитета, боролись против авантюристических попыток некоторых групп местной интеллигенции (среди них играли видную роль эсеры) объявить «Забайкальскую республику», выбрать своего президента.

В конце декабря 1905 года читинские революционеры начали получать сведения о готовящихся царским правительством контрударах.

Царские сановники, лихорадочно собиравшие наиболее надежные воинские части для подавления революционных восстаний в городах, в первую очередь обратили внимание на Великий Сибирский путь, стараясь водворить «порядок» на всем протяжении от Самары до Читы.

Еще 25 октября 1905 года Николай II на телеграмме из Харбина об аресте 14 революционеров «собственноручно начертать соизволил: «Надеюсь, что они будут повешены!»

Правительство не ограничилось нападениями на революционеров силами черносотенцев из-за угла: оно решило, забыв о всяких «свободах» манифеста 17 октября, потопить начавшуюся революцию в море крови.

В. И. Ленин, вернувшись в Россию в ноябре 1905 года, возглавил деятельность партии по руководству массами в революционной борьбе и подготовке вооруженного восстания. Первыми подняли вооруженное восстание против царизма московские рабочие.

7 декабря Московский совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, объявил всеобщую политическую стачку, чтобы

затем перевести ее в вооруженное восстание. В результате всеобщей стачки остановились все предприятия города.

Московские рабочие 9 декабря начали баррикадные бои против войск царского правительства.

Невиданную стойкость, героизм и боевой дух проявляли рабочие в вооруженной борьбе с царизмом. Наиболее ожесточенные бои происходили в центральных районах восстания — на Пресне, в Замоскворечье, в Рогожско-Симоновском районе.

Девять дней продолжалось восстание. Около восьми тысяч дружинников при поддержке всей массы рабочих самоотверженно боролись за свержение царизма, за установление демократической республики.

Декабрьское вооруженное восстание явилось высшей точкой развития первой русской революции.

Однако вооруженное выступление московского пролетариата было подавлено: правительству удалось перебросить из Петербурга в Москву новые воинские силы, разгромить артиллерийским огнем центр восстания — Пресню, арестовать Московский комитет большевиков.

Одной из важных причин подавления московского восстания было то обстоятельство, что революционеры пропустили удобный момент для присоединения колебавшегося гарнизона к восставшим рабочим. Начавшиеся было волнения в гарнизоне были подавлены царским правительством.

Вооруженное восстание московских рабочих не превратилось в одновременное единое выступление российского пролетариата, что помогло царскому правительству подавить восстание не только в Москве, но и в других местах. Приказано было «арестованных не иметь», «патронов, не жалеть». Тюрьмы превратились в кровавые застенки, где тысячами погибали лучшие представители пролетариата и трудящегося крестьянства. Правительство спешило послать карательные экспедиции во все восставшие районы страны. Карательные отряды прошли по городам и селам Подмосковья, Польши, Прибалтики, Закавказья…

В самом конце декабря, после подавления московского вооруженного восстания, царь приказал направить в Сибирь карательную экспедицию генерала Меллер-Закомельского «для полного водворения порядка».

Другому генералу — палачу, Ренненкампфу, находившемуся на Дальнем Востоке, также приказано было «восстановить среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полное с их стороны подчинение требованиям законных властей». На Читу, таким образом, опасность шла с двух сторон: с запада

двигалась карательная экспедиция Меллер-Закомельского, с востока — Ренненкампфа. Обе экспедиции кар а гелей должны были, по замыслам царских сановников, встретиться в Чите. Уже в первых числах января телеграф, бывший в руках членов Читинского Совета, принес тревожные вести о неистовых «подвигах» карателей, действовавших по приказу «патронов не жалеть».

Барон Меллер-Закомельский славился в петербургских придворных кругах как человек «железной руки»: в 1905 году он командовал 5-м армейским корпусом, с исключительной жестокостью расстреливая восставших севастопольских матросов. И вскоре после этого «подвига» был назначен царем главой карательной экспедиции в Сибирь. Ему было предоставлено право отобрать наиболее надежных для карательных экзекуций солдат и офицеров из петербургских жандармов и полков лейб-гвардии. Основную силу карателей составляли солдаты и офицеры Семеновского полка. Состав экспедиции, а в особенности ее цели и задачи хранились в строгой тайне. Лишь самые приближенные к барону офицеры знали маршрут и время следования карательного поезда. Своих помощников Меллер-Закомельский выбрал из наиболее монархически настроенных гвардейских офицеров. Поезд сформировали из нескольких офицерских вагонов и теплушек, в которых находилось около двухсот отлично вооруженных солдат. Карательная экспедиция двинулась из Москвы в ночь на 1 января 1906 года. И на первых же станциях барон начал показывать свою «железную руку»: избиения, порка, расстрелы отметили дорогу карателей…

Поручик Евецкий, проделавший с поездом Меллер-Закомельского весь путь от Москвы до Читы, вел подробный дневник, отмечая каждое действие карателей. С исключительным цинизмом описывает этот свидетель жестокость и зверство офицеров и солдат Меллер-Закомельского.

Так, на станции Ново-Спасское ефрейтор карательного поезда «ударил запасного штыком. Штык прошел насквозь. В этот день сломали два приклада. Если так будет дальше, мы рискуем сделаться безоружными» — иронизирует Евецкий. На станции Пенза подпоручик Писаренко выстрелом тяжело ранил в живот другого запасного солдата, курившего в его присутствии. Евецкий хладнокровно записывает, что «запасный вряд ли выживет».

Меллер-Закомельский всячески поддерживает это «боевое» настроение своих озверелых карателей: «принимая караулы, барон предупреждает, что начальники могут быть обвинены только в попустительстве и непринятии нужных мер, а никак не в чрезмерной строгости и превышении власти».

На станции Иланская каратели атаковали депо, в котором укрывались рабочие, и устроили настоящую бойню: «их (рабочих. — М. Н.) вытаскивали из-под локомотивов, даже из топок. Сопротивлявшихся прикалывали… Некоторые пытались спасаться через окна. Ловить их было некогда, и их, как бегущих, подстреливали».

Участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского вспоминает, что «о количестве убитых и раненых сообщения были различны…». Одни насчитывали тридцать трупов, другие «только» семнадцать. Нет возможности передать все, что проделывали каратели, заливая кровью каждую станцию. Евецкий в своем дневнике приводит ужасающие подробности: «Не тратьте даром патронов, — говорил Меллер-Закомельский, — стреляйте в затылок…» Голова после одного выстрела давала трещину, стреляли троих сразу; все казненные падали на месте; перед казнью уверяли, что они ни в чем не виноваты, и умоляли доложить генералу и судить их. Меллер все это слушал с обыкновенного спокойною улыбкой».

В поезде то и дело происходили пытки и истязания арестованных рабочих, а также и солдат из числа запасных, возвращавшихся с Дальнего Востока. Поезд Меллер-Закомельского двигался к Чите, соблюдая все меры предосторожности: каратели боялись взрыва эшелона ночью или открытого нападения вооруженных рабочих дружин.

И. В. Бабушкин, В. С. Курнатовский, А. А. Костюшко-Валюжанич и их ближайшие товарищи по руководству комитетом стояли перед трудным вопросом: что предпринять для отражения натиска царских карательных войск? В это время из Иркутска пришли тревожные вести: полиция и военные власти нанесли сильный удар Иркутскому комитету РСДРП. Объясняется это в значительной степени тем, что «Иркутский комитет РСДРП, находившийся в этот момент под сильным влиянием меньшевиков (в состав Военно-стачечного комитета был выдвинут от социал-демократов лидер местных меньшевиков Мандельберг), не смог овладеть движением, руководство которым по существу оказалось в руках эсеров и либералов типа адвоката кн. Андронникова. В результате военным властям удалось предотвратить намечавшийся захват артиллерийского склада… вызвать три роты Иркутского полка и с их помощью приступить к ликвидации «мятежа».

В то же время жандармские и полицейские власти, усиленно следя за революционерами, выжидали удобного момента, чтобы нанести решительный удар главной руководящей силе иркутского революционного движения— комитету социал-демократов. В ночь

на 1 января 1906 года полиции удалось привести свой замысел в исполнение: в Иркутске были произведены многочисленные аресты и все члены комитета захвачены жандармами. Создалась угроза быстрого затухания рабочего вооруженного восстания. Необходимо было срочно помочь иркутским рабочим, обеспечив их оружием. Захват Иркутска царскими карателями грозил прежде всего Чите. Бабушкин и его товарищи по Читинскому социал-демократическому комитету знали, какое значение в своих планах подавления вооруженного восстания в Забайкалье придает правительство именно Чите, с ее большими железнодорожными мастерскими, значительным количеством фабрично-заводского населения, революционно настроенной частью местного гарнизона. Поэтому Бабушкин, Курнатовский и Костюшко-Валюжанич разработали план вооруженного сопротивления приближавшимся к Чите силам контрреволюции. Согласно этому плану Костюшко-Валюжанич должен был остаться в Чите для организации борьбы рабочих с войсками Ренненкампфа. Бабушкин и Курнатовский должны были в Иркутске либо в Черемховском угольном районе организовать отпор карательному отряду Меллер-Закомельского, чтобы не пропустить его в Читу. Однако этот план страдал «существенными недочетами, объясняемыми в значительной степени той поспешностью, с которой приходилось его выполнять.

Одним из важных способов борьбы с карателями намечался взрыв их поездов, но подготовка взрывов (техническое оснащение подрывных отрядов, обучение минеров-подрывников) проведена была неудовлетворительно. Читинский комитет не успел сформировать вспомогательные боевые летучие дружины из числа наиболее выдержанных революционных рабочих для нападения на карательные поезда (например, ночью на разъездах, где каратели обычно стояли, избегая больших станций.) совместно с дружинами подрывников. Комитету не удалось окончательно привлечь на свою; сторону наиболее революционный, распропагандированный отряд местного гарнизона — 3-й резервный железнодорожный батальон, с тем чтобы при его непосредственной поддержке включить в восстание весь читинский гарнизон и прежде всего арестовать высшее офицерство.

Читинские большевики добились значительных успехов в подготовке вооруженного восстания (создание рабочих дружин, захват большого количества оружия, захват Забайкальской железной дороги). Но Читинский комитет не смог практически обеспечить организацию и необходимые материально-

технические условия для расширения и полной победы восстания.

Члены комитета, большевики, приложили все свои силы для того, чтобы организовать массы, объединить рабочих, направить их революционные выступления на путь открытого вооруженного восстания.

Бабушкин воспользовался в этих целях происходившим в начале января 1906 года в Чите вторым профсоюзным съездом железнодорожников: через делегатов этого съезда он старался повлиять на остальную массу рабочих, объединенных уже в профсоюзы. В конце 1905 года в Чите и в других крупных городах Забайкалья, а также и на окрестных станциях профессиональное движение приняло широкий размах. Наряду с организацией в союзы ведущих профессий (рабочих железнодорожных мастерских и депо) быстро вырастали ячейки профессиональных объединений паровозных бригад, истопников, кондукторов, телеграфистов. По примеру железнодорожников в профессиональные союзы вступали служащие торговых учреждений и предприятий, типографские рабочие, учителя начальных школ и другие категории трудящихся.

Большое значение для дальнейшего роста этого движения не только в Забайкалье, но и во всей Сибири имел выработанный на первом съезде железнодорожников (в начале августа 1905 г.) устав профессионального союза железнодорожных рабочих. Второй съезд железнодорожников (январь 1906 г.) отметил, что «профессиональный рабочий союз сложился благодаря деятельности социал-демократии».

Съезд, заседавший в самые напряженные, боевые дни подготовки читинского пролетариата к отпору царским карателям, состоял из тридцати семи делегатов К Работой этого съезда руководили И. В. Бабушкин и В. К. Курнатовский как представители комитета РСДРП.

Съезд работал с 3 по 6 января 1906 года. Он принял резолюцию об отношении к РСДРП: «Принимая во внимание, что профессиональная борьба является одной частью борьбы пролетариата, что профессиональным союзам приходится выступать политически, хотя бы, например, при установлении законодательным путем 8-часового рабочего дня, что профессиональный союз сложился благодаря деятельности социал-демократии, — съезд… заявляет, что при политических выступлениях он будет идти под знаменем РСДРП, как единственной выразительницы интересов рабочего класса».

Заседания съезда широко освещались в «Забайкальском рабочем».

Во время работы съезда Иван Васильевич обсуждал с

делегатами конкретные пути вооруженного выступления и способы поддержки его революционными железнодорожниками Читы.

Делегаты уезжали из Читы с запасом оружия. Бабушкин принял все меры, чтобы на станции Хилок, Могзон, Мысовую и другие были отправлены с ними винтовки и револьверы с достаточным количеством патронов. Читинский комитет немедленно по окончаний съезда направил Бабушкина в Иркутск.

Иван Васильевич провел несколько дней в непрерывной работе: он грузил оружие, договаривался с железнодорожниками об отправке поезда, узнавал у телеграфистов последние сведения о движении карателей. Спустя неделю после съезда Иван Васильевич поздним вечером пришел на запасные пути станции Чита-товарная. Вместе с ним были рабочие и телеграфисты Бялый, Савин, Клюшников, Ермолаев и еще один товарищ. — Все? Едем! — коротко и тихо сказал Иван Васильевич, осматривая подошедших друзей, подтянулся на руках и проворно вскочил в вагон-теплушку. За ним влезли его товарищи, и дверь закрылась.

Через два часа глухой морозной ночью поезд, без огней, осторожно двинулся на запад.

Глава 14
Смерть героя

Опустив почти до земли густо усыпанные снегом ветви, стоят деревья.

Зима, суровая сибирская зима в разгаре.

Кажется, все живое стремится укрыться от лютого мороза. Лишь на узкой ленточке железной дороги, тускло чернеющей рельсами среди ослепительного снега, вьется дым: поезд, почти не останавливаясь на разъездах и мелких станциях, стремительно летит на запад, к замерзшему Байкалу. За Байкалом Иркутск — большой промышленный город, из которого по телеграфной линии несутся тревожные вести…

Идущий из Читы поезд невелик — всего десять вагонов. Последний вагон кажется пустым, ни одного луча света не мелькнет в наглухо закрытом изнутри окошке. Двери также плотно задвинуты. Все ближе и ближе подходит поезд к Байкалу. До Иркутска осталось лишь несколько сот верст. Уже проехали Верхнеудинск, Мысовую… Машинист покрасневшими от бессонных ночей глазами напряженно всматривается в ночную морозную тьму, — он знает, какой груз находится в хвосте поезда. Кочегар без приказания, по одному взгляду машиниста понимает его, — ив топку паровоза летят смолистые сухие поленья. Паровоз выбрасывает новую тучу искр и еще быстрее, подрагивая на выходных стрелках, устремляется в темную даль.

На больших станциях дверь последней теплушки осторожно приоткрывается. Прямо в сугроб спрыгивает одетый в пальто с барашковым воротником озабоченный, торопящийся человек. Он поспешно идет на станционный телеграф и о чем-то вполголоса беседует с дежурным у аппарата. Белая, шуршащая лента, испещренная точками и тире, внимательно перечитывается телеграфистом. Дежурный крепко жмет руку приехавшему, и тот направляется к паровозу своего поезда. Несколько коротких слов машинисту, взгляд на загоревшийся впереди зеленый сигнал семафора — и поезд, без свистков выходит на главный путь, стремясь к Иркутску. А человек в пальто и валенках, ухватившись за протянутую руку товарища, уже на ходу поезда взбирается по лесенке теплушки.

— Путь свободен на четыре перегона. К утру, если поедем так же, будем в Иркутске, — коротко сообщает он ожидавшим его друзьям.

— Хорошо бы, товарищ Николай, — так же кратко отвечает

ему один из читинских рабочих, поудобнее укладываясь в углу теплушки.

«Товарищ Николай» кивнул головой, невольно прислушиваясь ко все усиливающемуся постукиванию надо колес вагона на стыках рельсов: поезд шел ложным ходом. Бабушкин думал о том, что необходимо поскорее проехать без задержки большие станции, где стоят десятки эшелонов, переполненных воз вращающимися домой из маньчжурской армии солдатами.

— Спите, товарищи, я подежурю, — сказал он.

…Ранним утром,» когда ели и пихты едва-едва вырисовывались в колючем морозном воздухе, поезд остановился на одной из небольших станций. Иван Васильевич, привычно осмотрев револьвер, приоткрыл дверь теплушки.

— Узнаешь? Что за станция? — спросил он телеграфиста, также не спавшего почти всю ночь.

— Как будто Слюдянка, — всматриваясь в окрестные строения, ответил Бялый, хорошо знакомый с местностью.

Бабушкин хотел было спуститься по лесенке, но вдруг отпрянул в глубь теплушки. — Закрой дверь! Скорее! Какой-то поезд на главном пути из России… Солдаты вокруг него!.. — вполголоса сказал он.

На мгновение воцарилась тишина. Захрустел снег под тяжелыми солдатскими валенками. Со всех сторон к поезду бежали во главе с офицером солдаты карательного отряда. Десятки рук ухватились за скобы дверей теплушки… В окошко просунуты штыки… дверь трещит от ударов прикладами.

— Вылезайте!.. Перестреляем!.. — кричал офицер.

Более полусотни солдат полукольцом охватили поезд. От главного пути бежало со штыками наперевес еще несколько взводов.

Сопротивляться было невозможно. Каратели осветили фонарями теплушку и сразу заметили ящики.

— Эт-то что за груз? Фамилия? — допытывался офицер, держа револьвер у виска Бабушкина.

— Груз хороший, — усмехнулся в ответ Иван Васильевич, — а фамилия моя вам не надобна.

Бабушкина и его товарищей схватили и крепко связали. Командовал солдатами комендант поезда карательной экспедиции Заботкин.

— Ага, голубчики!.. Попались!.. Оружие везете?.. Ну, не-ет! Подождут ваши това-ари-ищи! — уж не кричал, а как-то визжал он, когда солдаты выносили из теплушки ящики с винтовками и патронами.

Подгоняя арестованных прикладами, каратели повели Ивана

Васильевича и его товарищей к поезду Меллер-Закомельского, стоявшего на главном пути. Избитых, с окровавленными лицами бросили читинских большевиков в товарный вагон, находившийся в голове генеральского поезда. На вагоне мелом — крупная надпись: «Для допроса».

Поезд тронулся на восток.

…Медленно, точно подкрадывающийся зверь, продвигался поезд карательной экспедиции. Подолгу стоял он на разъездах и двигался дальше лишь тогда, когда комендант карательного поезда убедится, что впереди нет засады, нет «революционного эшелона», которого все время сильно опасались каратели. По составленному лично Меллер-Закомельским плану идущие навстречу карателям «поезда останавливаются у входного семафора и подходят на станцию уже оцепленными. На случай, если такой революционный поезд не послушает семафора и попытается прорваться, на другом конце станции будут поставлены орудия, обязанность которых будет разнести паровоз.

Пассажиры вошедшего на станцию поезда не выпускаются из вагонов под угрозой применения силы; в вагоны входят офицеры с несколькими нижними чинами и производят осмотры».

В ночь на 17 января поезд карателей пришел на станцию Мысовая.

Следующие два дня глава карательной экспедиции наводил «порядок» на этой станции. Меллер-Закомельский не брезговал доносами уголовных элементов: один из местных жителей-поселенцев, отбывший каторгу за убийство, сообщил карателям фамилии «местных пропагандистов», как называли на Мыеовой членов революционного комитета. Меллер немедленно распорядился арестовать их всех.

Арестованы доктор, фельдшерица, трое телеграфистов. Отряды карателей производили повальные обыски в станционных зданиях, в депо, на водокачке. Меллер-Закомельский намеревался даже послать отряд для поисков оружия у местных жителей в окрестную деревню Посольск, находившуюся от станции Мысовой в десяти верстах. Станция и поселок при ней точно вымерли. Офицеры-каратели могли по одному лишь подозрению «в сочувствии революционерам» арестовать и расстрелять любого жителя.

Теплушка в голове поезда карателей с пометкой мелом «Для допроса» усиленно охранялась: каждые два часа с обеих сторон вагона сменялось по двое часовых с винтовками. Плотно закутавшись и надвинув башлыки, они размеренно ходили взад и вперед, постукивая валенками, — мороз доходил до тридцати пяти градусов.

В теплушке холодно и мрачно. Тускло светит фонарь, привинченный к потолку. На полу лежат связанные люди.

— Руки совсем одеревенели… Чуть не до кости связали, проклятые, — проговорил сосед Бабушкина.

И опять наступило молчание…

— Заморозить, видно, хотят… Чугунка давно уж потухла, а они и не думают на ночь затопить…

— А зачем? Не все ли равно? Что замерзнуть, что получить пулю в лоб… — отозвался один из телеграфистов, лежавший у самой стены теплушки.

— Нет, не все равно, — раздался спокойный голос Ивана Васильевича. — Умирать будем, товарищи, так же, как жили; без страха.

Помолчали. Лежавший рядом с Бабушкиным телеграфист негромко подтвердил: — Да, это верно: на колени не станем и глаза себе завязать не дадим!

Глухой, отдаленный шум донесся до них. Невольно все арестованные взглянули друг на друга. Уж не взрыв ли?.. Нет, это на Байкале от сильного мороза треснул лед.

И потянулась ночь — последняя ночь в жизни бесстрашного большевика и его товарищей…

Арестованных не кормили уже сутки: вагон был наглухо заперт. На стук и требования Ивана Васильевича открыть дверь конвой отвечал руганью и угрозами «пристрелить на месте». Ночь и следующий день казались нескончаемыми…

Вечером 18 января Меллер-Закомельский занялся «судом». Евецкий дал подробную запись этой расправы карателей:

«Возник вопрос, что делать с арестованными? Барон решил: «Ну что нам с ними возиться? Сдать их к черту жандармам». Разговор происходил за обедом, и, услыхав это решение Меллера, Марцинкевич (находившийся в составе карательной экспедиции телеграфист. — М. Н.) просит разрешения барона доложить ему об одном арестованном. Рекомендует его завзятым революционером, чуть ли не устроившим всю российскую революцию…

— Ну что ж! Так расстреляем его! — говорит спокойно Меллер, попыхивая сигарой и отхлебывая «марго».

Все молчат. Марцинкевич докладывает еще о двух.

— Ну, трех расстреляем, — так же невозмутимо говорит барон».

Заботкин и другие каратели докладывают Меллеру-Закомельскому еще о нескольких арестованных. Барон все так же невозмутимо произносит: «семерых расстреляем сегодня вечером».

«Кто-то докладывает: «Не семерых, а шестерых».

— Шестерых, так шестерых, — поправляется барон».

И ночью в тупике станционных путей, у вагона с арестованными появился Заботкин со взводом солдат.

Бабушкина и его пятерых товарищей повели к выходным путям станции. Вокруг, в неясных отблесках луны, расстилался замерзший Байкал. В последний раз Иван Васильевич взглянул на своих друзей. Суровы и спокойны были лица славных бойцов рабочего класса: выпрямившись, шли рядом с Бабушкиным его товарищи. Твердость и бесстрашие Бабушкина должны были признать даже враги.

«Приговоренных отвели несколько от станции по направлению к Иркутску (не выходя из района станции). Здесь им объявили, что они приговорены к расстрелянию. Они не просили пощады».

Свидетелями расстрела народного героя были путевые обходчики, сторожа, стрелочники, работавшие в ту страшную ночь на станции Мысовая.

Расстрел длился минут пятнадцать. Один из очевидцев казни, стрелочник Я. М. Попов, вспоминает:

«Помню, как сейчас, вот здесь, где теперь находится новое депо, стоял деревянный сарай. Возле сарая — желтый забор. Тут и произошла расправа над бесстрашным Бабушкиным и его товарищами. Их было шестеро. Бабушкин был одет в штатскую одежду, остальные — в поношенные солдатские шинели. Расстрел происходил ночью при свете фонаря. Арестованных выводили из товарного вагона, стоявшего в тупике…».

Перед тем как подать сигнал к расстрелу, Заботкин в последний раз пытался узнать фамилии приговоренных.

Но непоколебимый ученик Ленина ответил твердо и ясно:

— Неизвестный.

* * *

Прошло четыре года.

Рабочий класс после поражения первой русской революции накапливал силы для решительной, победоносной борьбы с самодержавием.

Партия большевиков росла и крепла. На смену погибшим в революции 1905–1907 годов отважным, непоколебимым борцам из недр рабочего класса выходили новые и новые отряды революционеров.

В условиях свирепой реакции, несмотря на ожесточенные

преследования царизмом членов Российской социал-демократической рабочей партии, авангард пролетариата вел под руководством Ленина неутомимую и последовательную подготовку к Великому Октябрю…

Лишь в 1910 году, спустя четыре года после героической гибели Бабушкина, Владимир Ильич узнал о том, как умер на боевом посту его верный соратник. В некрологе «Иван Васильевич Бабушкин», помещенном в «Рабочей газете», Ленин с горечью и негодованием писал:

«Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что сталось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом».

С большой любовью и уважением нарисовал В. И. Ленин в этом некрологе облик своего ученика:

«Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу…

Все мысли его направлены на то, как бы расширить работу… Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят…».

Как и предвидел великий вождь рабочего класса, дело, за которое отдали жизнь лучшие русские люди, победило. Русский народ, под знаменем Коммунистической партии, навсегда завоевал себе полное освобождение от всякой эксплуатации и вывел на путь светлой жизни все народы России.

Свято хранит народ память о тех, кто своей беззаветной, полной мужества борьбой приблизил наступление новой эры человечества.

Родное село Ивана Васильевича Леденгское превратилось в крупный районный центр его имени. Здесь создан музей И. В. Бабушкина. Близ станции Мысов а я, где, не дрогнув, бесстрашно встретили смерть Иван Васильевич и его пятеро товарищей, вырос новый город, названный его именем. Мемориальными досками в Орехово-Зуеве, Днепропетровске отмечены места и даты его революционной подпольной работы.

Вспоминая этапы борьбы российского пролетариата за

освобождение всех трудящихся, изучая историю славной Коммунистической партии, миллионы советских людей с любовью и благодарностью произносят имя верного сына рабочего класса, большевика-ленинца Ивана Васильевича Бабушкина.

И, как вечный памятник погибшему народному герою, звучат незабываемые, проникновенные слова его великого учителя и друга — Владимира Ильича Ленина:

«Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано исключительно борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин».